

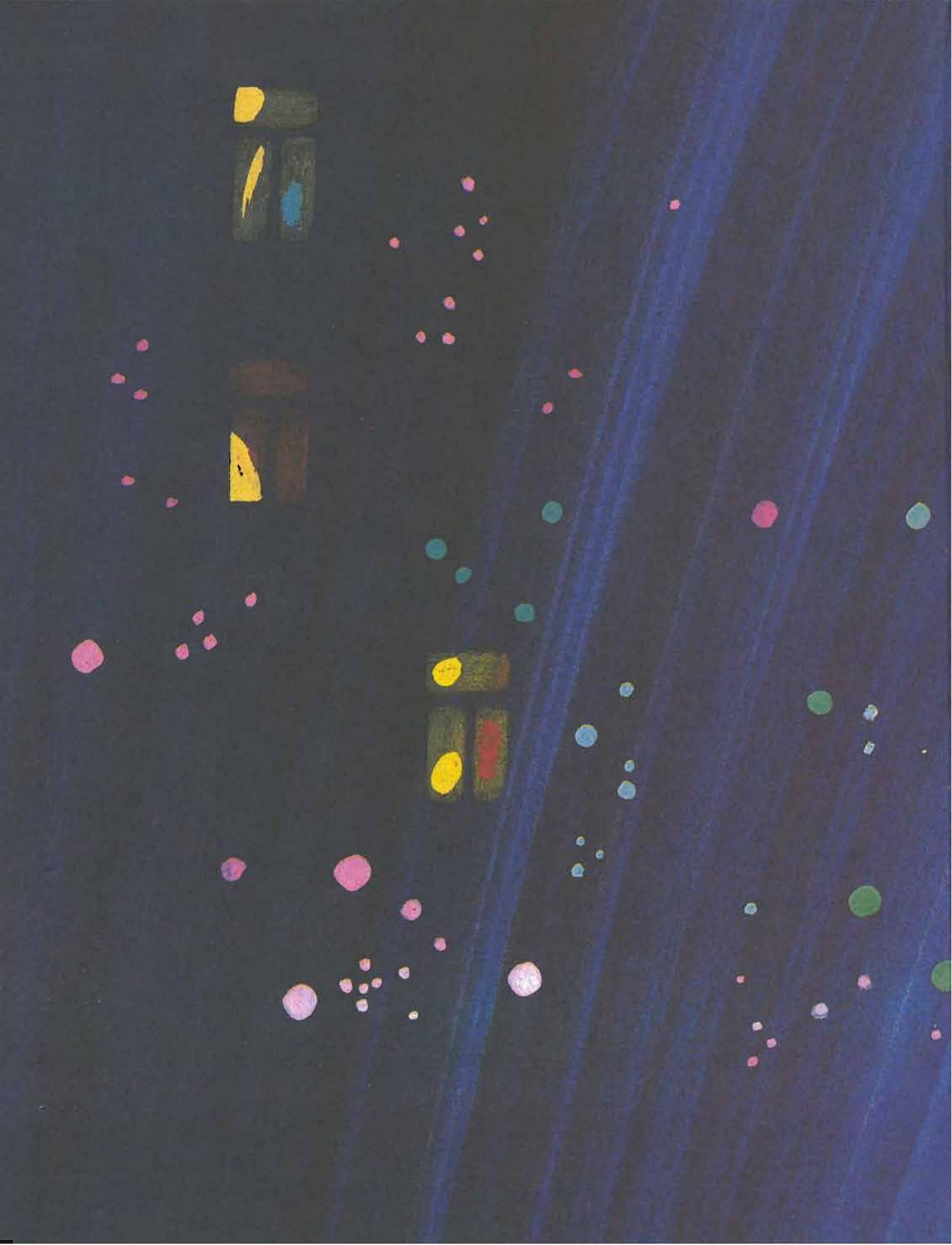
ЗИМНЯЯ ДЕВОЧКА

СЕРГЕЙ ИВАНОВ

СЕРГЕЙ ИВАНОВ

ЗИМНЯЯ ДЕВОЧКА

СЕРГЕЙ ИВАНОВ

ЗИМНЯЯ ДЕВОЧКА

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТЬ

Художник АЛЕКСАНДР АЗЕМША

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ПИК
1994

ISBN 57358-0142-2

© Издательский дом ПИК, Москва, 1994
© Сергей Иванов, 1994
© Иллюстрации. Александр Аземша, 1994

ОДИН НА ОДИН С ПИСАТЕЛЕМ

Живут на свете два человека. Писатель и читатель.

Впрочем, у писателя много читателей, особенно если писатель придумывает книги для детей. Редко кому из многих тысяч читателей случится завязать с писателем личное знакомство: пожать ему руку, спросить, как его дела, сказать «будьте здоровы», если писатель чихнёт.

В конце концов, это не так важно. Ведь главная встреча читателя с писателем происходит не так. Совсем иначе.

Писатель, когда пишет книгу, уединяется. И читатель тоже старается с книжкой в руках забраться в тихий уголок, чтобы никто не мешал.

Вот и встретились они — читатель и писатель. На страницах книги. Один на один.

Именно так, дорогой читатель, ты сегодня встречаешься с Сергеем Анатольевичем Ивановым.

Это добрый, красивый человек.

Настоящий писатель.

Настоящий писатель, по-моему, тот, кто способен каким-то непостижимым образом переселить меня, читателя, в свой, особенный мир, познакомиться с новыми друзьями. Тут-то и происходит чудо: я начинаю радоваться и грустить, путешествовать и мечтать вместе с писателем и его героями, а то и превращаюсь на время в одного из них...

Даже если герой — маленькая собака, щенок.

Да, честное слово! Читая рассказ «Джюлькино детство», я поначалу чувствовал себя точно таким же щенком-несмышлёнышем, потом вырослел. Как и Джюлька, становился понятливым и сильным. И всё больше привязывался к своему хозяину — Леснику. А однажды вдруг затосковал, когда... Нет, не хочу говорить, что случилось дальше. Сам прочитаешь.

Этот и многие другие рассказы Сергея Иванова делают нас добрее, милосерднее к людям, ко всему живому. И ещё открывают в нас счастливую способность — умение наблюдать природу. Кто из вас видел в траве ёжика? Почти все видели. Но вот изобразить ёжика, только нарисовать его не карандашом или кисточкой, а точным словом, это может лишь настоящий писатель.

«Ёж был серо-коричневый, а поверху его иголки отдавали рыжиной. У него было длинное рыльце, чёрный нос пятачком и чёрные блестящие глаза. Иголки у него начинались прямо там, где у нас брови» («Неловленный ёж»).

На протяжении всей книги писатель не устаёт напоминать читателю: вот она, красота, — задумчивые сосны, пашня, июльский луг, первые звёздочки на вечернем небе... Не пропусти. Вглядись. Прислушайся.

«Как и утром, Саня подвёл меня к улью: слушай. Пожав плечами, я приложился ухом к задней стенке. И снова я услышал мерное шушание — там по-прежнему шла работа... Послушал у второго улья, у третьего, у четвёртого... Иногда за тонкую стенкой раздавалось то высокое, то низкое пение, то словно какие-то гудки. Казалось, пчёлы переговариваются, перекрикиваются о чём-то...» («До завтра, пчёлы!»).

Завершает книгу Сергея Иванова повесть «Зимняя девочка». Увлекательная и немножко грустная. Это повесть-сказка, хотя всё волшебное там происходит в обычном городе, в квартире, в школе, на улице. Да и главная героиня повести Таня — тоже вроде бы обыкновенная девочка, школьница. А потом оказывается: девочка эта может читать мысли других людей, беседовать с собакой. И даже — летать! В иных сказках попадают злые волшебники. Таня — волшебница добрая, ей хочется помогать людям жить в мире, не обманывать, не обижать слабых. За это, наверное, автор, Сергей Иванов, так нежно любит Таню.

Закрыв книгу, думаешь: как же хорошо читателю побыть вдвоём с настоящим писателем! Как будто заглянули друг другу в глаза и, не сговариваясь, поняли, что «...самый громкий звук на свете — удары твоего сердца».

Яков АКИМ

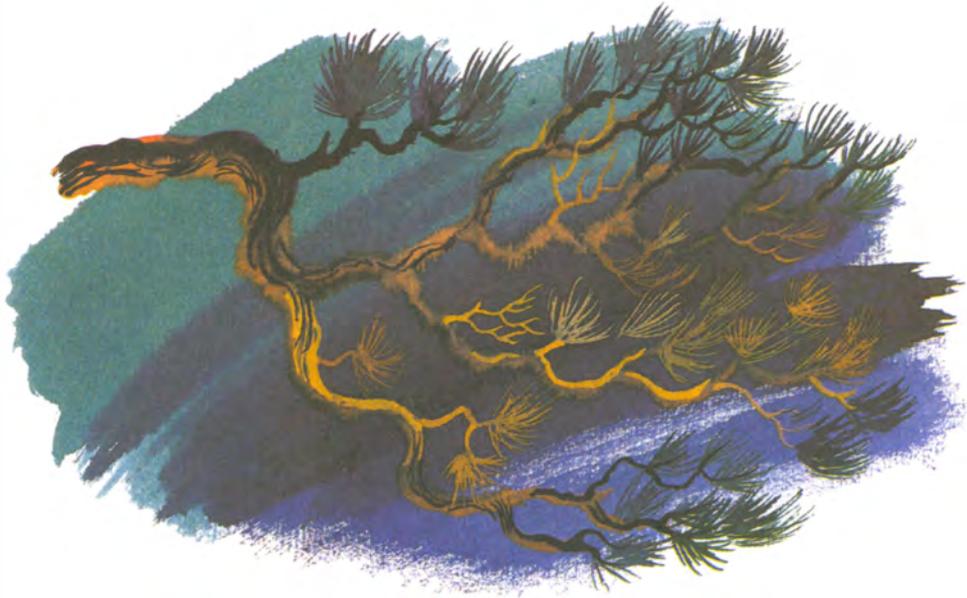

СОСНЫ ЗАДУМЧИВЫЕ

Рассказы

СОСНЫ ЗАДУМЧИВЫЕ

На краю нашего посёлка, за последним домом, там, где бугор круто уходит к реке, стоят сосны — их много, двадцать или тридцать, я никогда не считал. Они стоят редко, но сразу понятно, что они вместе. Они все гиганты: кроны под небеса, ствол прям и строен, корни на много метров уходят в небогатую нашу, сухую и рыжеватую землю.

Они стоят на бугре, и ни один ветер не обходит их стороной. Ни тот, холодный, что приносит с северо-запада, из «гнилого угла» неба, осенние тучи. Ни южный, прилетающий к нам вместе с апрелем и птицами. Ни шальной восточный, который к середине июля обязательно притащит на буксире грозу...

А сосны стоят и стоят. Качаются. Или упруго гнутся, как огромные луки. Совсем рядом с ними, в туче, в небесах,

рождается молния. И они молчаливо знают, что раньше всего эта молния может достаться им.

Однажды во время особенно близкой и сильной грозы мы с моим приятелем Женькой стояли у окна в его доме и смотрели на эти сосны. И очень надеялись, что молния ударит в одну из них. Как вы понимаете, мы были тогда ещё довольно маленькими... И вот, словно специально для нашего хотения, из тучи хлестнуло особенно громко, да с каким-то ещё присвистом и шипением, потом: хрясь! хруп!

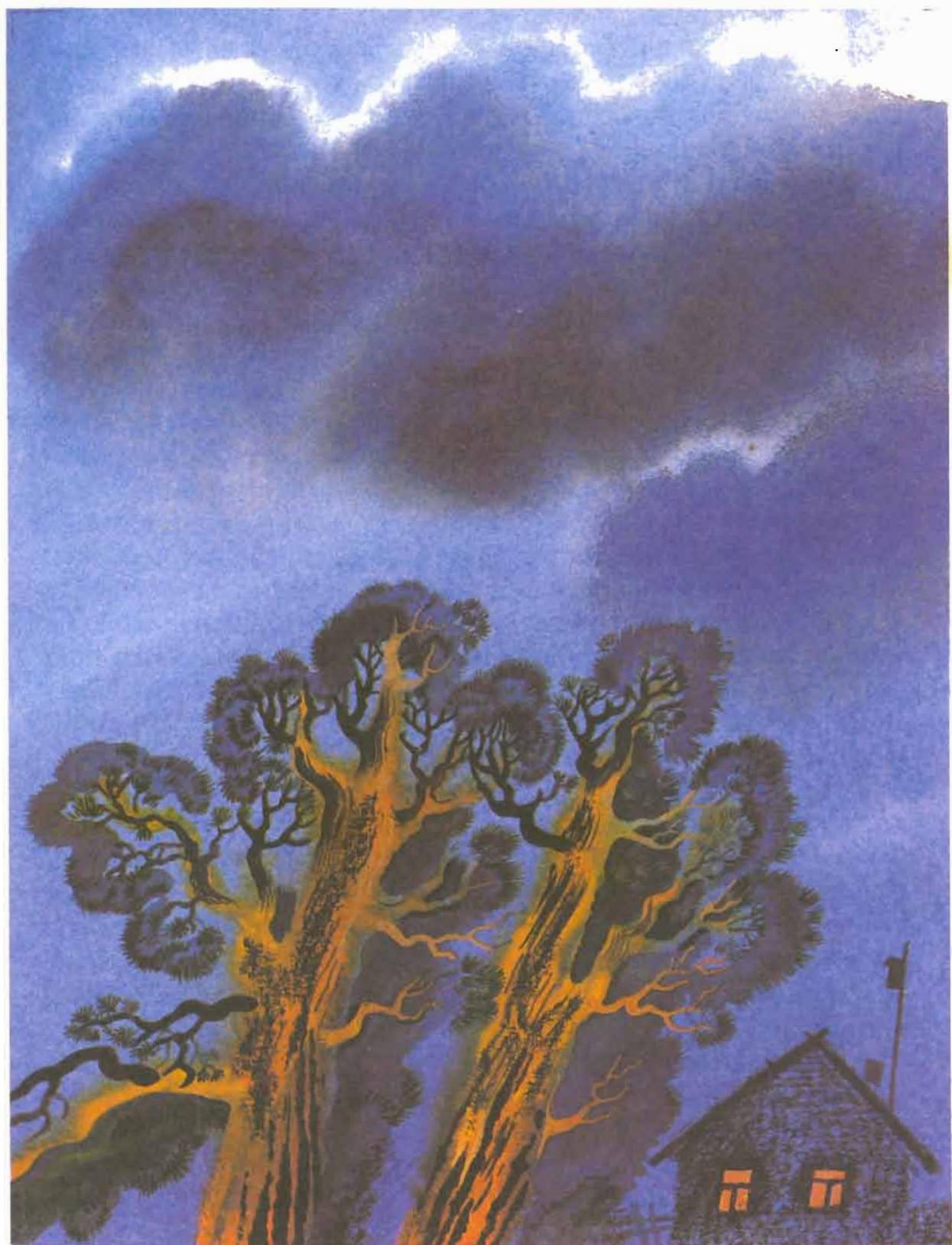
Мы оба невольно присели. А Женька даже схватился руками за голову, словно боялся, что волосы его улетят. И тут в кроне ближней к нам сосны что-то ослепительно блеснуло, огненная змея промчалась по стволу, будто собиралась его расстегнуть, и пропала.

Мы с Женькой бросились к двери, но не распахнули её, чтобы бежать и смотреть. Мы испугались... И как бы в подтверждение нашего испуга, почти подряд упало два грома — два громадных кулака ударило в нашу дверь. Мы на цыпочках вернулись в комнату, и Женька даже закрыл окно ситцевой занавеской.

Но когда всё кончилось, мы, конечно, первым делом пошли к сосне. Она стояла всё так же прямо и зеленела ещё сильнее в отмытом сверкающем небе. Сверху и донизу по стволу её сбегал узкий трёхэтажный шрам... Я протянул руку к нему — и не дотронулся. Шрам уже начал затекать первыми каплями лечебной смолы.

Он долго оставался на сосне — чуть ли не лет десять. Внизу зарос быстрее, а наверху — мне кажется, я и теперь ещё его нахожу. А может, это мне действительно только кажется. Всё-таки до кроны очень высоко.

Мы, конечно, всем рассказывали про молнию на сосне и показывали шрам, уже весь залитый смолой. Наверное, с тех пор я стал понимать, какие огромные и какие сильные эти сосны. И как много им приходится переносить за свою жизнь... За свою очень большую жизнь.

Не знаю, можно ли так выразиться, но я стал уважать их. Теперь в лесу ни за что не смог бы сломать полуметровую сосенку, чтобы отмахиваться от комаров. Я представлял те гигантские сосны: вот на самом деле что я сломал!

Мой дядя, Константин Григорьевич, был лесоводом. Он носил фуражку, на которой вместо звёздочки была прикреплена небольшая позолоченная ветка. Он много всего знал про деревья и даже сам сажал их. Один его яблоневый сад до сих пор растёт на бывшем пустыре в нашем посёлке.

Однажды я спросил у дяди про огромные сосны, что росли на краю бугра за последними домами.

И дядя Костя рассказал мне, что когда-то это был огромный бор. Он тянулся далеко — на много километров. В нём и грибы водились, и ягоды, и дичь, и чего только в нём не было... А сосны все одна к одной — такие же громадины.

Когда началась война и фашисты подошли совсем близко к Москве, то наши стали делать засеки — валили подмосковные леса нарочно вкривь и вкось, чтобы не могли пройти вражеские танки, пушки и вся другая их техника. И это значило, что наш лес тоже воевал наравне с партизанскими лесами. Он даже, можно сказать, расплатился за победу своей собственной жизнью.

Из всей поднебесной сосновой армии уцелело лишь несколько десятков великанов... Теперь уж подросли новые леса — берёза, осина, ёлка, — те, что карабкаются вверх побыстрее. Среди них одинокими островами возвышаются довоенные сосны. Стоят над остальным лесом, как над травой, издали машут друг другу ветками.

А вот у нас перед посёлком сохранился их даже целый отряд.

«Но это, конечно, вымирающий лес, — говорил дядя Костя. — Да, вымирающий!»

Мы стояли с ним в конце нашей улицы и смотрели на громадные деревья. А они тихо-тихо качались под тем ветром, что медленно катил по небу облака, а к нам на землю не долетал ни струйкой. Я смотрел на стройных великанов и думал:

«Бедные вымирающие сосны!» Сам я был ещё маленький, жизнь впереди казалась бесконечной, и я очень жалел вымирающие деревья.

С тех пор прошло много лет. Мой дядя умер, а я давно уже стал взрослым. Теперь я хожу гулять вместе со своей племянницей Катей. Мы смотрим на деревья, а они всё так же качаются под невидимым с земли ветром.

— Грустные они какие-то, — говорит Катя.

— Нет, не грустные, — отвечаю я, — они просто задумчивые, потому что очень много повидали за свою жизнь.

Про то, что они вымирающие, я ей не говорю. На мой век этих сосен хватит за глаза! И после меня они будут стоять всё так же стройно и высоко. И может быть, моя Катя, уже повзрослевшая, придёт сюда со своей племянницей или дочкой, остановится и скажет:

— Видишь, какие сосны задумчивые...

ДЖУЛЬКИНО ДЕТСТВО

Щенка назвали грозно — Джульбарс. Но пока он ростом был, пожалуй, меньше кошки, лапы под ним качались, и только два дня назад у него открылись глаза. Пока он мог различать только темноту и свет: темноту будки, где он жил с матерью и двумя сёстрами, и какую-то белую зияющую пропасть, которая на самом деле была выходом из конуры. Но всё это его не очень пока интересовало. Первые недели своей жизни он и так всегда был счастлив и спокоен. Ему вдоволь было молока, вдоволь мягкого шерстистого бока, под который он так удобно залезал всем своим крохотным тельцем, и вдоволь тёплого материнского языка, который так хорошо, щекотно и ласково вылизывал его.

Когда щенку исполнился месяц, за ним явился Лесник, который уже обо всём уговорился с хозяйкой его матери.

Лесник взял щенка из конуры, поднял его на вытянутых руках и стал рассматривать.

— Ну хорош! — сказал он. — Хорош!

— Джульбарс! — сказала Хозяйка.

— Ну уж Джульбарс! — усмехнулся Лесник. — Дружок — вот это подходит!..

— А вырастет? — не соглашалась Хозяйка. — Так и будет со щенячьим именем всю жизнь бегать?

— Значит, даёшь ему имя на вырост? — опять усмехнулся Лесник. — Ладно, пусть так.

— Слушай, Лесник, — строго спросила Хозяйка, — ты берёшь собаку или нет?

— А как же, беру! — Лесник сунул щенка за пазуху овчинного тулупа. — Ну поехали, Джулька!

Джулькина мать всё это время вертелась вокруг Лесника, громко лаяла и смотрела жалкими глазами то на Лесника, то на Хозяйку. А Джулька ничего не понимал и поэтому ни о чём не жалел, он только чувствовал, что ему хочется молока.

Под тулупом он согрелся. Слепота от яркого декабрьского снега, которая сначала ударила ему в глаза, постепенно прошла. Он с удовольствием и тревогой вдыхал новые запахи: тулупа, свежего снега, саней. Особенно ему нравился один — резкий и сильный, смутно знакомый запах лошади. Джулька смотрел на её тёмно-коричневый круп, на переступающие вразвалку нескладные задние ноги и сухо пощёлкивающий хвост. Потом Джулька стал смотреть на деревья, которые неизвестно почему отплывали всё время назад. Он не понимал, что сани едут. А деревья были то высокие, то низкие, то зелёные, то чёрные, и снег был белый-белый, и поляны вдруг проглядывали из чащи, и вообще на свете всего было так много, что Джулька не выдержал этого и уснул.

Прошла неделя, потом ещё одна и ещё. Джулька рос не по дням, а по часам. Это на самом деле было так: люди растут не по дням, а по часам только в сказках, а собаки — в самой обыкновенной жизни. Джульке не так давно перевалило на второй месяц, а он уже был довольно взрослым щенком. В доме Лесника он знал все закоулки и каждую половицу глазастого соснового пола. Он уже умел хорошо бегать. Особенно передними ногами, а вот задние были пока словно от другой собаки: они всё время старались обогнать передние и забегали куда-то вбок. От этого Джулька шлёпался со всего маху. Потом лежал

удивлённый, прислушиваясь к стуку сердца и всему своему телу...

Всё это время Джулька жил в доме. Лишь несколько раз в день Лесник выпускал его прогуляться в маленький палисадник перед домом. Всё-таки Джулька был ещё очень мал — мог замёрзнуть, заблудиться. Да мало ли что!.. Лесник жил один в своём доме. И другой собаки, кроме Джульки, у него не было: другая собака умерла осенью...

А Джульке страсть как хотелось на улицу! В доме ему стало уже совсем скучно, он то и дело шумно принюхивался к острому ветерку, который струился от двери, скулил и трогал дверь лапой. А ведь и в самом деле — Джулька окреп, повзрослел. Теперь уж его нельзя было причислить к той неопределённой породе, к которой относятся все маленькие щенки. Нет, всякий сведущий человек сейчас же сказал бы, что Джулька — пёс породистый. Густая недлинная шерсть, ровные клинушки ушей, хвост бубликом, по-особому симпатичная и улыбчивая физиономия — всё выдавало в нём чистокровную охотничью лайку.

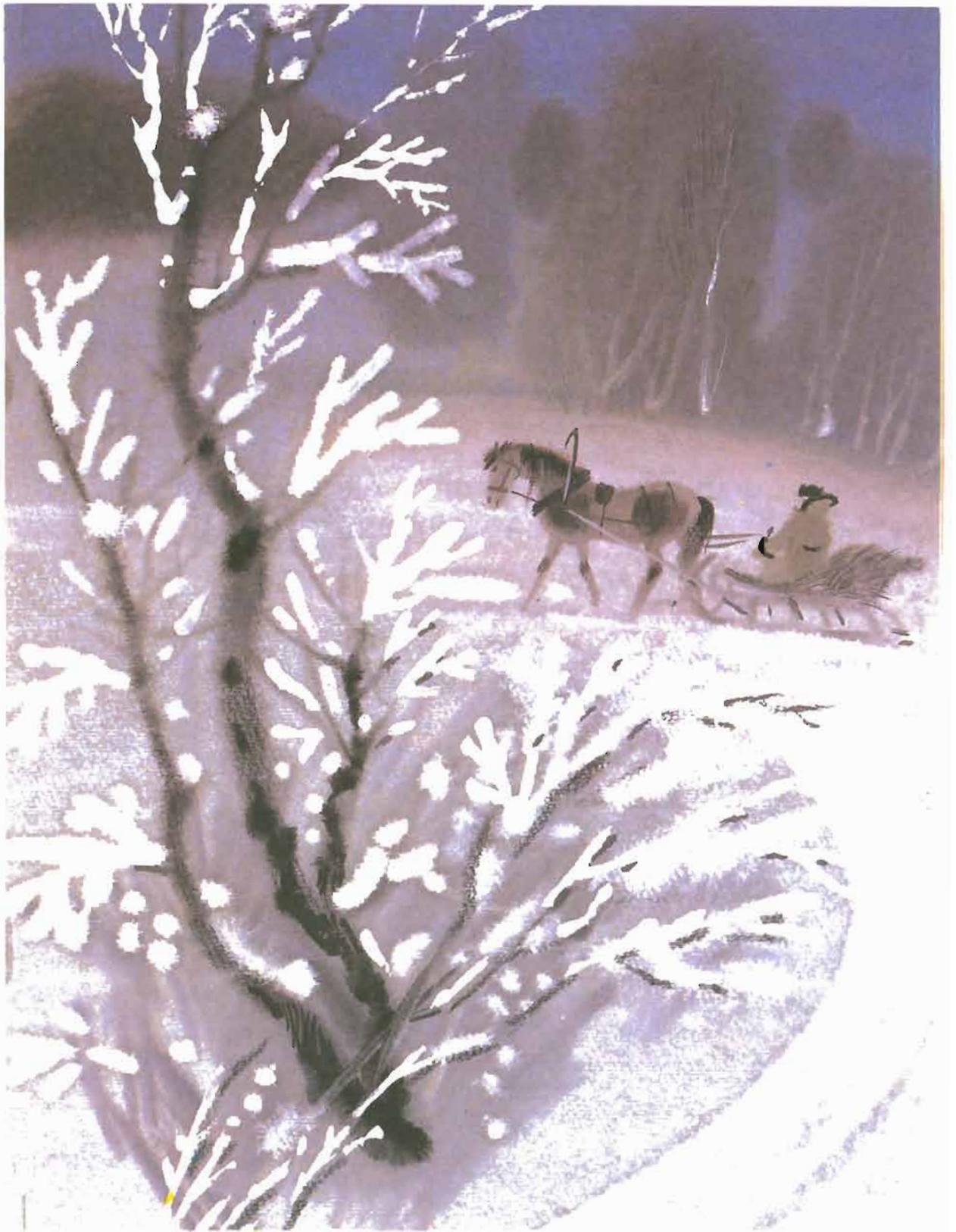
Леснику — а он, слава тебе господи, знал толк в собаках — смышлённый щенок с каждым днём нравился всё больше. Лесник был уже далеко не молод. На своём веку он перевидал много собак. Но Джулька, который мог стать последним псом в его жизни, был, пожалуй, одним из лучших за все годы.

— Джулька, Джуля! — говорил Лесник, оглаживая крепкое Джулькино тельце. — Молодец, охотник!..

Джулька прижимал уши, улыбался и неистово махал хвостом. Хвост был ему пока слишком тяжёл и каждый раз увлакивал Джульку то в одну сторону, то в другую...

Прошло ещё недели две, и Лесник наконец решил: псу пора жить на улице...

Было не обычное для прогулки время, поэтому Джулька обрадовался и удивился, когда Лесник свистнул его и распахнул дверь. Джулька выбежал на крыльцо и хотел, как обычно, спрыгнуть в унылый и знакомый свой палисадничек. Но

Лесник, опять неожиданно, подтолкнул его в другую сторону, и Джулька с восторгом прыгнул в настоящий живой сугроб — окунулся с головой, вынырнул, фыркнул и принялся носиться, бороздя носом снежные увалы. Скоро Джульке стало жарко, он поел снегу и выбрался на тропинку, протоптанную от крыльца к проруби.

Дорожка эта была похожа на узенькую мелкую канавку, по дну которой слабо текли запахи. Джулька побежал против течения — против ветра. Главный запах был ему знаком и сильно нравился — это был запах Лесника. Вдруг Джулька, сам не понимая, в чём дело, затормозил всеми четырьмя лапами, остановился как вкопанный. Прямо под ним зияла страшная чёрная дыра. Джулька не знал, что это, но понял: попади он сюда — обратно ему не выбраться! В Джулькином сердце кипели страх и ненависть, он хотел зарычать — и не смог...

Лесник, увидев, что щенок стоит над самой прорубью, резко крикнул:

— Нельзя, Джулька, нельзя!..

Джулька вздрогнул и попятился от чёрной дыры... Теперь слово «нельзя» соединилось в его сердце с чем-то страшным, чёрным. «Нельзя!» — и Джулька не дотронется до лакомой колбасы. «Нельзя!» — и не растерзает кошку... Но это всё будет потом, не скоро!.. А пока Джулька с удовольствием бежал прочь от дыры, принюхиваясь к тропе. Вот поперёк проскользнул длинный и невкусный запах смолёных лыж. Джулька остановился на миг, нюхнул — как посмотрел! — в обе стороны по лыжне. Нет, этот запах ему совсем не нравился. Джулька пробежал ещё немного, и тут сердце его вдруг забилось громко, радостно, по-охотничьи: тропинку пересекал прекрасный запах. Он стоял в маленьких круглых ямках — на самом-самом их дне, как вода в пересыхающих лужицах. Это был старый заячий след. Забыв обо всём на свете, Джулька бросился по нему. Но сейчас же за домом, где начиналось метельное царство, след исчез — замело!.. То же было и на другом конце следа.

Джулька попробовал найти след под снегом, но только заморозил себе нос.

Тогда он стал обследовать, обнюхивать утоптаннные пяточки снега перед домом, неказистую, как бы прихрамывающую на одну сторону, сараюшку и сам дом. Невдалеке, через широкую поляну, стоял заманчивый зимний лес. Джулька был совершенно свободен и мог бы туда побежать, но словно какая-то цепь удерживала его у дома. То был самый обычный страх! Джулька побаивался далеко уходить от хозяина.

Лесник всё это время стоял на крыльце и с удовольствием наблюдал за Джулькой. Он думал, как научит щенка искать следы, как сделает из него заядлого охотника, сколько дней и ночей проведут они совсем одни в лесу. А когда Джулька окончательно вырастет, станет большим, взрослым псом, охотником, он поймёт, что его хозяин — великий следопыт с твёрдой рукой и острым глазом. Об этом тоже думал старый Лесник и был спокоен и счастлив.

А Джулька продолжал носиться по снегу — осматривать, обнюхивать свои новые владения... Наконец он устал, ему захотелось домой, туда, где миска с едой, подстилка в уголке у стены и тепло, которое расползается от печки и накрывает невидимым одеялом.

Джулька, шлёпая лапами, вбежал на крыльцо. Однако дверь молчала, притворившись стеной, — она была закрыта. А сам Лесник возился у сарая.

Вот он вытащил какой-то ящик... или не ящик? Джульке эта вещь была знакома и чем-то тревожила. Поэтому он так и остался стоять на крыльце и продолжал наблюдать за хозяином.

Это была конура, которая осталась от прежней собаки. Лесник поставил её у сарая — туда, где она стояла уже много лет. Это было хорошее тихое место: справа конура была защищена домом, за спиной у неё был сарай, а слева и спереди стоял лес.

Потом Лесник сходил в дом, вынес Джулькину подстилку и миску. Джулька был очень удивлён, однако ему хотелось есть, и он потрусил за Лесником и миской. А подстилка — это он уже знал — была его «местом», как бы его домом. И вот теперь Лесник не спеша, аккуратно положил её в конуру.

Похлёбка оказалась сегодня особенно вкусной: как видно, Леснику не хотелось обижать Джульку... Да, похлёбка была вкусной, но всё-таки Джулька заметил краем глаза, что Лесник уходит в дом. А он, Джулька, остаётся здесь...

Джулька бросил есть и помчался следом за хозяином. Но Лесник обернулся через плечо и резко крикнул:

— Нельзя, Джульбарс!

«Нельзя» — это была страшная чёрная дыра. Джулька остановился, не понимая, чего хочет хозяин.

— Место, Джульбарс, место! — строго, но уже мягче произнес Лесник.

«Место» — это была подстилка. Но ведь она в конуре... Джулька поплёлся к конуре. Ему было обидно. Но в то же время от конуры так хорошо пахло давно знакомым — тёплым, сладким, шерстяным. От конуры пахло собакой, такой же лайкой, как Джулька и его мать. Джульке это припомнилось очень смутно — как будто даже не припомнилось.

Он залез в конуру, обнюхал там всё, вылез, доел вкусный суп, сбегал на всякий случай к двери. Дверь молчала, и Лесник не появлялся. Тогда Джулька окончательно вернулся в конуру.

Похолодало. Джулька свернулся в клубок, укрыл морду и лапы хвостом и, поглядывая одним глазом на синеющий и темнеющий снег, на уже тёмный лес, стал вспоминать, что, кажется, была когда-то такая же вот конура... нет, не такая, но очень похожая, и был ещё кто-то. Кажется, Лесник... Нет, не Лесник... А кто же?

Джулька уснул и во сне вспомнил, кто был с ним в конуре, — ему приснилась большая добрая собака, его мать. Но маленькие щенки никогда не помнят своих снов. И, проснувшись под утро, Джулька уже окончательно уверился, что тогда, давным-давно, в самом начале жизни, в той похожей конуре с ним был Лесник... А кто же ещё-то?..

Прошла неделя. Джулька вполне освоился с новым жильём и с новыми своими владениями. Как мы уже знаем, дом Лесника стоял на большой поляне, окружённый высоким и молчаливым лесом.

Конечно, лес этот не был дремучим: ветер приносил сюда скачущий отзвук далёких поездов, по воскресеньям здесь мелькали свитера лыжников. Но у Джульки была короткая память, и по вечерам — особенно по вечерам! — в тёмной чаще кустов ему то и дело виделись враги. Джулька медленно пятился к крыльцу, шерсть у него на загривке сама собою вставала дыбом, и он начинал рычать, стараясь изо всех сил, чтоб его рык вышел побасовитей.

— Ну и Джулька! — удивлялся старый Лесник. — Ну и молодец! Чует!

А Джулька, ободрённый похвалой, начинал громко брехать, и сейчас же в ответ ему начинало браниться эхо. Леснику это скоро надоедало, и он говорил с укоризной:

— Ну, Джуля, хватит, не будь пустомелей...

Гавкнув ещё раз пять, Джулька замолкал, тотчас замолкал и его невидимый противник. Джульку это очень удивляло. А кругом воцарялась такая тишина, что, казалось, было слышно, как стоят деревья, укрытые снегом.

С тех пор как Джулька родился на свет, была всё зима и зима — то ясно и морозно, то шипела и завывала метель. И Джулька уже поверил, что на свете только и может быть снег да холод. Но вот в середине февраля вдруг грянула затяжная оттепель. Джульке к тому времени уже минуло три месяца, и он научился понимать и подмечать.

Первые два дня мокрыми волнами накатывался южный ветер. Цепляя верхушки сторожевых сосен, над лесом и над домом шли рыхлые тучи. Леснику нездоровилось, да и Джульке было как-то не по себе. У него тоскливо ныло сердце, и всё казалось, что случилась какая-то беда.

Но вышло наоборот! Утром третьего дня вдруг засияло такое весеннее солнце — просто на удивление! Выйдя на крылечко, старый Лесник сдвинул на затылок шапку, с удовольствием пыхнул своей коротенькой трубочкой и сказал:

— Ну, Джулька, дожили! Весна не за горами!

Джулька не понял, конечно, что сказал Лесник, но догадался, что теперь уж всё будет в порядке.

А кругом творилось невероятное. Снег, сперва неистово блестящий под солнцем, отяжелел, стал матовый и не рассыпался ледяной трухой, как обычно, а продавливался под лапами большими неровными пластами. И при этом он скрипел. Бегать по такому снегу было непросто. Очень скоро Джулька упарился. Да и вообще на дворе была настоящая теплынь, почти как в доме Лесника, но только просторнее и веселей.

В следующие два дня всё было то же. И хотя по утрам снег лежал, остеклённый хрупким настом, уже к полудню с дома летели вразнобой крупные капли, а снег старел, темнел чуть ли не на глазах и оседал. С высоких елей то и дело рушились огромные шапки, оставляя за собой хвосты сверкающей пыли и качание ветвей.

Прекрасный этот праздник продолжался почти целую неделю. Потом зима опять вошла в силу, сухой снег засыпал следы оттепели, а мороз что есть силы кусал Джульке нос и язык. И всё-таки Джулька помнил о том солнечном островке в огромном море зимы, помнил и надеялся побывать там хотя бы ещё раз.

А дни шли за днями. И каждый новый день был всё солнечней. Кончился февраль. Ветры завели длинную песню, как оно обычно случается в марте. А морозы куда-то подевались, и только по ночам нет-нет да и заползали в конуру. Но это уже было не страшно! А значит, и жить Джульке становилось всё проще и веселей. К тому же у него теперь появились кое-какие охотничьи дела. На опушке, у самого леса, объявились мыши. Там и здесь в снегу виднелись ходы в их норы. А всё кругом было исчерчено незаметными для глаза, но остро пахнувшими мышинными тропами. Джулька с наслаждением вынюхивал эти места, но, как поймать мышью, он не знал. Он нетерпеливо совал нос в норку. Мыши там не было. Но вдруг она выскакивала из совсем другого входа, бежала по насту, словно коричневый дрожащий шарик, и потом снова проваливалась под снег. А Джульке не хватало ловкости сразу броситься за мышью. И когда он подскакивал, мыши уже и след простыл!..

Джулька пробовал караулить, притаившись у самых норок. Но мыши, наверное, замечали из-под снега его тень. Ведь Джулька был по сравнению с ними настоящим слоном!

Только однажды ему повезло. Из норы, совсем близкой, неосмотрительно выскочил какой-то глуповатый мышонок. Джулька успел прыгнуть и цапнуть мышонка за хвост. Огромное охотничье счастье тут же обрушилось на Джульку. Но это самое счастье и погубило всё дело! Джулька от радости сильно сжал челюсти, мышонок рванулся и тут же исчез в норке. А во рту у Джульки остался обрывок мышинного хвоста. Минуту Джулька стоял в растерянности. Потом он решил съесть хоть этот обрывок. Но хвост был удивительно невкусным. И тогда Джулька задвигал языком, затряс мордой и выплюнул свою жалкую добычу на снег... Больше мышами Джулька не интересовался. Всё-таки мыши — это не дело для охотничьей собаки!

Однажды утром — было это в конце марта, когда Джулька, стоя под елью, облаивал синиц, впрочем, несколько его не боявшихся, — к дому Лесника подъехали сани, в которые был запряжён гнедой конёк. Джулька бросился к саням и к незнакомцу, который уже поднимался на крыльцо.

Этому Джульку никто не учил, это он знал от рождения: есть на свете «чужие» и от них надо охранять Лесника. Джулька уже был у дома, когда дверь отворилась и вышел сам Лесник.

— О, Петрович! — сказал Лесник и протянул незнакомцу руку.

— Здравóво, Кузьма! — приветливо отозвался незнакомец.

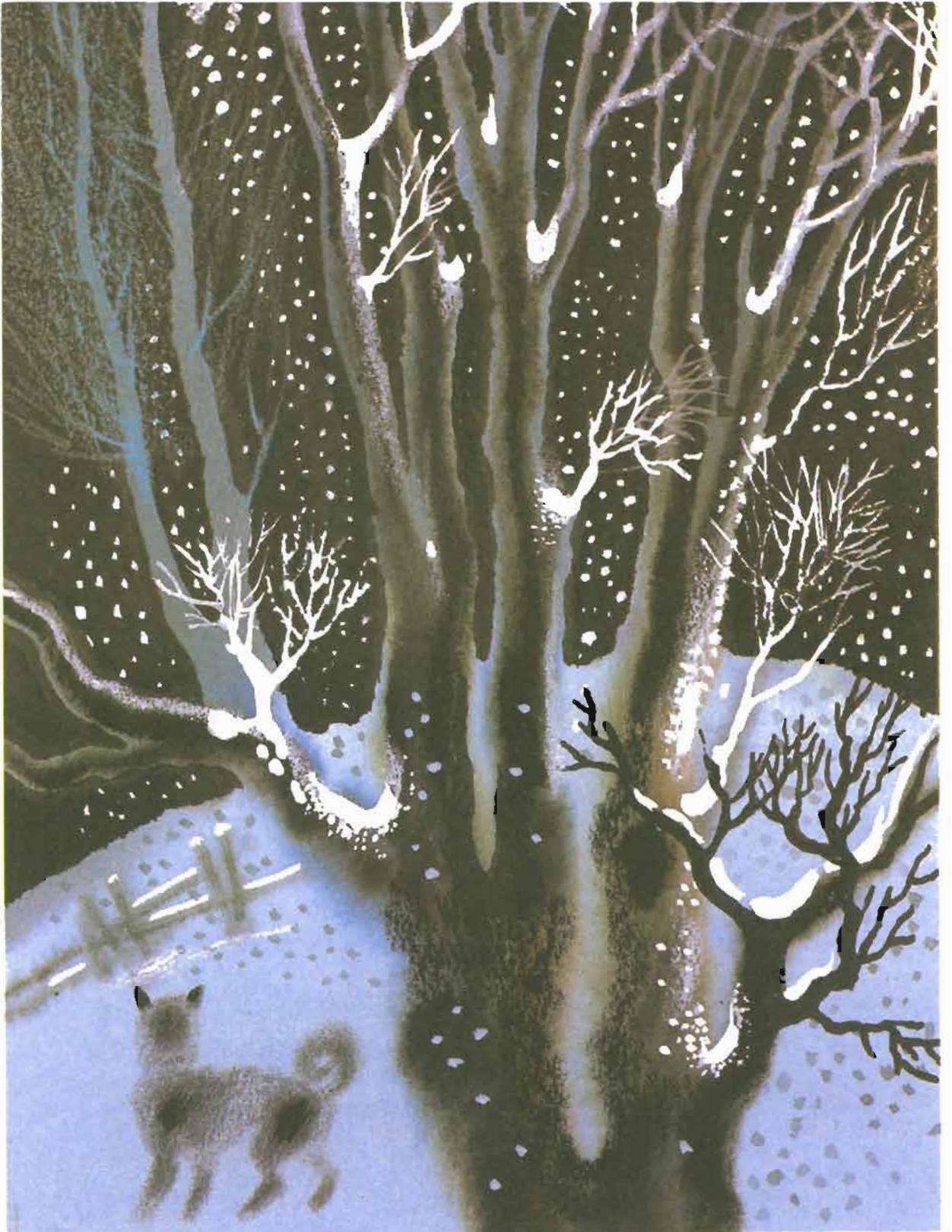
Джулька зарычал, залаял, в его сердце горела огромная, страшная злоба. И поэтому, может быть впервые, лай у него получился грозный, как у настоящего пса.

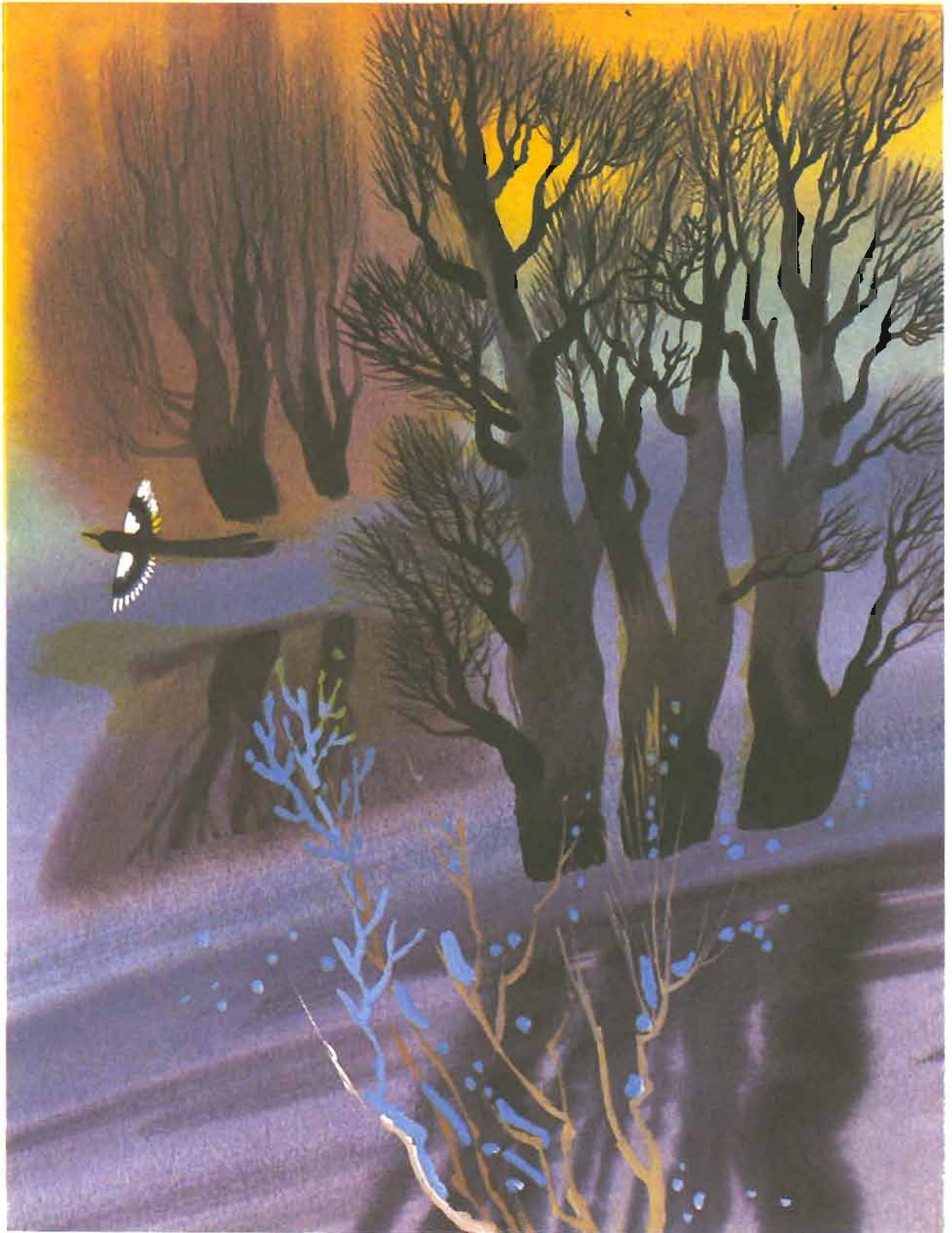
— Тихо, Джулька, свои, — ласково сказал Лесник.

Но Джулька не мог успокоиться. Тогда Лесник крикнул на него строго:

— Нельзя! Нельзя, говорят тебе!

Джулька почти сразу умолк, а Лесник, обращаясь к гостю, спросил:

— Ну как, хорош?

— Хорош! — ответил незнакомец. — Ничего не скажешь, хорош! — Он тоже был охотник.

— Джульбарс! — с гордостью сказал Лесник, и Джулька, услышав своё имя, вильнул хвостом.

Потом Лесник и незнакомец ушли в дом, а Джулька понюхал сани, для порядку облаял конька, который стал всхрапывать и бить передней ногой в снег. Потом незнакомец вышел, и Джулька уже на него не лаял, потому что помнил про «нельзя». Он даже разрешил себя погладить, но ему это совсем не было приятно. Даже и не напоминало те мгновения, когда его гладил Лесник. Потом незнакомец сел в сани и укатил по дороге куда-то в лес. Вот и всё. Но Лесник вдруг начал делать какие-то непонятные и тревожащие Джульку вещи. Если б Джулька был человеком, он сразу бы догадался, что Лесник собирается в дорогу. Но Джулька этого, конечно, понять не мог, а только чувствовал прихлынувшую вдруг тоску.

Лесник часто ходил в дом, из дому, потом вдруг запер сарай, закрыл ставнями окна. Потом он вынес целый таз похлёбки и поставил её перед Джулькиной конурой. Похлёбка была очень густая, там было много хлеба и ещё мелко накрошена колбаса. Джулька сейчас же начал эту колбасу выедать.

А Лесник ушёл в дом и очень скоро появился в новом, незнакомо пахнущем полушубке и с рюкзаком за спиной. Джулька всё время испытывал непонятную тревогу. Лесник нагнулся к нему, потрепал легонько, погладил и стал говорить что-то грустным голосом. И Джульке тоже стало грустно, он стоял тихий и присмиревший.

— Сегодня у нас вторник, — говорил Лесник, — а уж до субботы я непременно обернусь. Вот и считай: среда, четверг, пятница — три дня. Будешь тут за хозяина. Не балуй. — Он вздохнул: — А мне, брат, в город надо. Ничего не попишешь — служба.

Он хотел ещё что-то сказать, но тут появились уже известные Джульке сани. В них сидел тот же незнакомец и ещё один

незнакомец, новый. Сани остановились, Лесник сел в них, а Джулька остался у крыльца.

— Ты давай-ка рысью, — попросил Лесник, — а то как бы пёс за нами не увязался.

Незнакомец причмокнул, взмахнул вожжами, конёк сразу побежал.

У Джульки сердце сжалось, он бросился за санями. Но Лесник крикнул:

— Нельзя, Джульбарс! На место!.. Дом стереги.

И тут сани скрылись за деревьями...

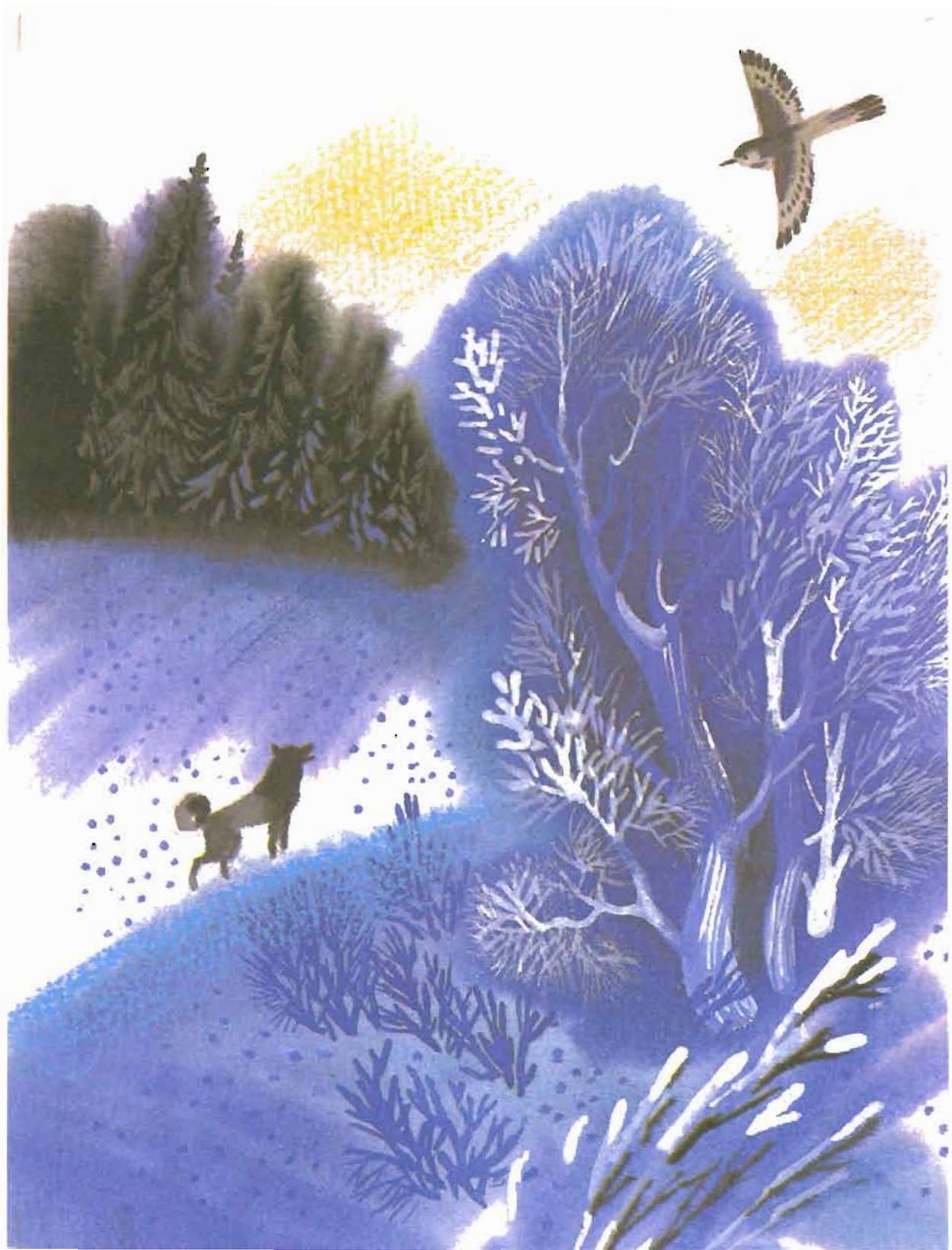
Просто удивительно, до чего быстро место без человека становится пустым. Вот уже сорока безбоязненно скачет по крыльцу, вот пошёл снежок и припорошил остывшую трубу. И дверь уже долго-долго не открывается, хотя у Джульки есть надежда, что она всё-таки вдруг откроется и оттуда выйдет Лесник. Но тишина кругом, сумерки выползают из леса. И в доме ни звука, ни огонька, даже окон нет.

Печально Джульке лежать в конуре, печально и страшно. А выходить и того страшнее. Нет Лесника — пусто!..

На следующий день наступила весна. Солнце засветило ровно и горячо, и по всему лесу началась капель, словно после дождя. Конечно, Джулька обрадовался весне вместе со всей природой, но тоска по Леснику не давала ему покоя. Джулька ходил вокруг дома, царапался в дверь, хотя вообще-то знал, что всё это зазря!.. Он не умел помнить, как это умеем мы, не мог представить себе Лесника — высокого, голубоглазого, небритого дня два или три. Но Джулька чувствовал: у него отняли что-то самое важное — словно лапу отрубили...

Лекарство от его печали нашлось неожиданно — голод. Лесник уехал во вторник, оставив Джульке порядочное количество еды. Но Джулька не умел экономить, оставлять про запас. И в четверг вечером оказалось: есть больше нечего. Джулька лёг спать без ужина.

В пятницу он больше думал о Леснике, чем о еде. К тому же и вокруг дома нашлось кое-что съестное. Однако в субботу

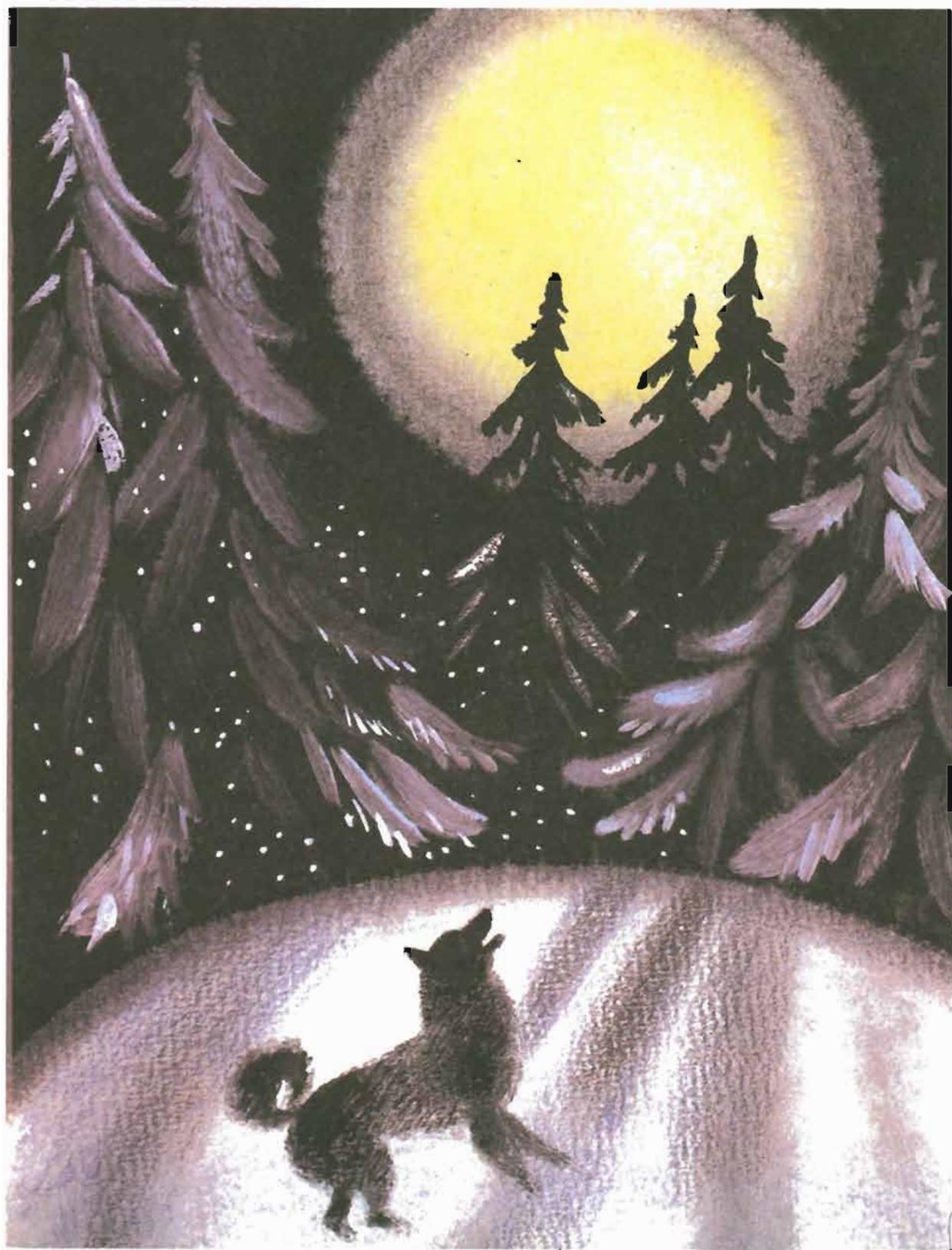
голод перестал шутки шутить!.. Вокруг дома всё было подьедено, и Джулька направился в лес. У него не было какой-нибудь определённой цели: ведь он никогда не охотился, не умел охотиться да и вообще не знал, что охотой он может достать себе пропитание. Просто какие-то смутные чувства, которые сидели в Джульке с самого рождения, подсказали ему, что надо охотиться и надо идти в лес.

Некоторое время он бесцельно блуждал меж деревьев, вынюхивая по привычке следы и поглядывая на аппетитных птиц, которых стало в лесу много... Вдруг его резко остановил запах еды. Запах этот был незнакомый, но Джулька знал, что это запах еды. Какое-то особое чутьё сказало ему, что не надо кидаться туда сломя голову, а наоборот — надо тихо идти, надо красться. Ветер дул в Джулькину сторону, прямо в нос, и запах извивался, дразнил, словно огонёк. Так Джулька пробирался минут пять. Наконец он вышел на край небольшой поляны. И в каких-нибудь шести скачках от себя увидел лису, она жрала убитого ею зайца.

Лиса эта была молодая, довольно мелкая, еды ей доставалось мало, и она всё не могла как следует окрепнуть. Особенно теперь, после долгой зимы, сил у неё было мало. Она долго подкарауливала добычу на перекрёстке двух троп и вот наконец сумела поймать этого зайца. Тащить его в нору у лисы уже не было сил, и она решила полакомиться им прямо здесь, на месте преступления.

И всё-таки лиса эта — уже взрослый зверь — была, пожалуй, сильнее Джульки. Но у страха глаза велики! Когда Джулька с грозным лаем кинулся из своей засады, лиса метнулась в ельник и потом помчалась, помчалась, не разбирая дороги... Кого лисы боятся больше всего на свете? Собак! Вот в том-то и всё дело...

Джулька пробежал немного и остановился. По глубокому снегу ему за лисой было не угнаться. Он вернулся на поляну, обнюхал и попробовал зайчатину. Шерсть сама собою встала дыбом у него на загривке. Впервые Джулька ел сырое мясо, с глухим урчанием отрывал куски побольше и жадно их глотал.

Лес кругом стоял молча, боясь шелохнуться. И пожалуй, не было сейчас зверя, который бы решился отнять у Джульки его добычу!..

Наконец пир был окончен. И тут на Джульку свалилась вдруг страшная усталость. В уши ему скулили о чём-то ласковые и коварные сны. Джулька обвёл поляну пустыми глазами и всё же тронулся в обратный путь. Совсем свежий след — его собственный след, — конечно, не мог дать Джульке заблудиться. Но идти было очень трудно, и дрёма всё время уговаривала остаться, и набитый мясом живот приходилось тащить по снегу, словно мешок. Джулька и сам не понимал, что заставило его с таким упорством идти по мокрому сыпучему снегу, а не прикорнуть прямо здесь. Если б Джулька был диким зверёнышем, мы бы точно могли сказать: домой его гонит страх. Но сказать так о щенке — это было бы полуправдой. Сильнее всякого страха Джульку звал домой Лесник — а вдруг он вернулся?

Джулька проспал почти целые сутки. Когда он проснулся на следующий день, солнце было уже высоко и слепило до черноты, а кругом бушевала вышедшая из берегов весна — всё таяло прямо на глазах, и птицы едва могли перекричать капель.

Счастливый Джулька потянулся до дрожи и зевнул так, что, наверное, мог бы проглотить свою собственную будку. Он встал и тут же почувствовал, какие у него пружинистые лапы, какое ловкое тело, и крепкие зубы, и чуткие уши, и острые глаза. Джулька почувствовал себя взрослым: он победил вчера лису и ел сырое мясо, теперь он воин и охотник!

Охотник должен идти в лес — за добычей. Но у Джульки нашлись дела поважнее, к тому же он был сыт. Джулька обошёл вокруг дома, ещё раз осмотрел закрытые ставнями окна и молчащую дверь. Нет, Лесника не было! Давным-давно когда-то Лесник крикнул ему из отъезжающих саней: «Нельзя!» И сани пропали...

Джюлька вышел на дорогу, глянул в ту сторону, куда уехали сани, — пусто, ничего там нет, солнце и тени лежат большими пятнами, как обычно, как везде кругом. Джюлька хочет пойти по этой дороге, однако его не пускает страшное «нельзя!», крикнутое напоследок Лесником...

Но где же Лесник? Там, за поворотом дороги?.. Джюлька сделал шаг, ещё один, ещё. Ему было очень страшно! И он ни за что не решился бы идти, если б не вчерашнее. Теперь он был куда уверенней! Да и лапы так легко и пружинисто несли его — скачок за скачком. И потом Лесник — его надо обязательно найти. Что с ним? Какая беда схватила его острыми лисьими зубами?..

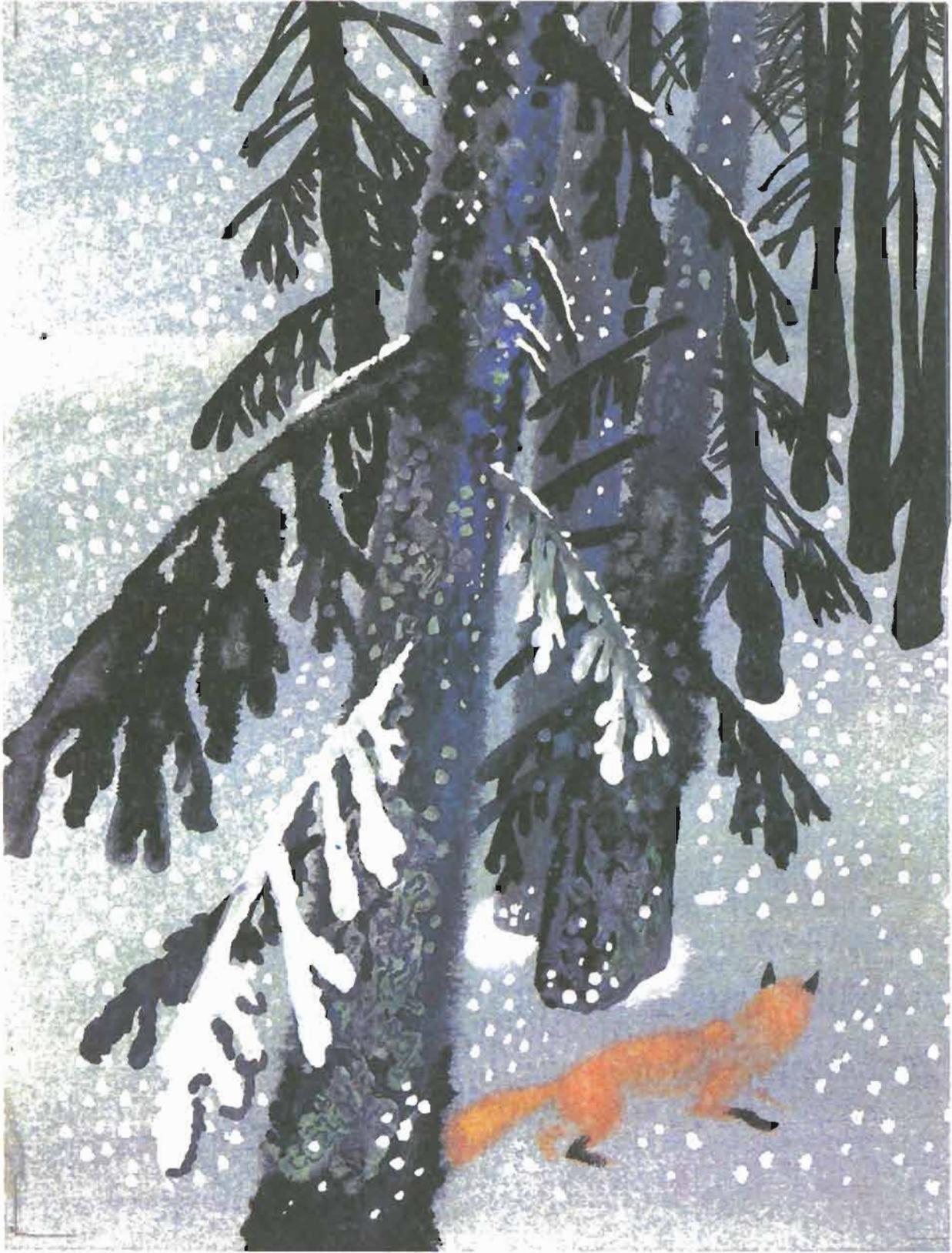
Джюлька бежал всё быстрее, всё уверенней, всё ловчее с каждым шагом, бежал на выручку хозяину и навстречу опасностям, бежал, не разбирая следов. А снег разлетался под его лапами тяжёлыми белыми брызгами.

Вдруг деревья перестали скакать слева и справа от дороги — лес кончился. Джюлька невольно остановился. Ещё никогда он не видел так много всего разом.

Он стоял на высоком холме. Внизу разлёгся широкий деревянный мост. К нему из-под Джюлькиных лап тянулась дорога, которая потом змеилась чёрной полосой на другой холм, где была рассыпана горстка домов. А внизу, под мостом, дорогу пересекала крест-накрест другая тёмная лента. Это была река, ещё покрытая льдом. Но льдом ненадёжным, рыхлым, весенним.

От всего увиденного, от необыкновенной огромности простора Джюлькина решительность сразу исчезла. Ему казалось, что он замечен со всех сторон, и от этого было очень неуютно. Всё-таки Джюлька спустился к мосту. Ведь Лесника надо искать! По пути ему встретилось удивительное. В нескольких местах из-под снега вылезла живая чёрная земля. У неё был какой-то особенный, незнакомый и очень хороший запах.

Но вот и мост. Джюлька опасливо ступил на мокрые тёмные брёвна, лапам его показалось, что они идут по полу или по

крыльцу Лесникового дома. И Джулька решил, что раз так — Лесник должен быть где-то рядом. Ободрённый этим, он, не раздумывая особенно, легко взбежал на гору и оказался в деревне. Пахнул ветер, и сейчас же к Джульке сбежалась целая орава запахов: дыма, скотного двора, собак. Но зато было тихо. Только иногда редкими птицами пролетали одинокие звуки — почти всегда незнакомые. Джулька стоял в нерешительности у самого входа в деревню. Раза два или три он видел, как по улице шагают куда-то незнакомцы. Здесь, наверное, было много незнакомцев. Но никто из них не обратил на Джульку внимания и даже не заметил его. Это было хорошо.

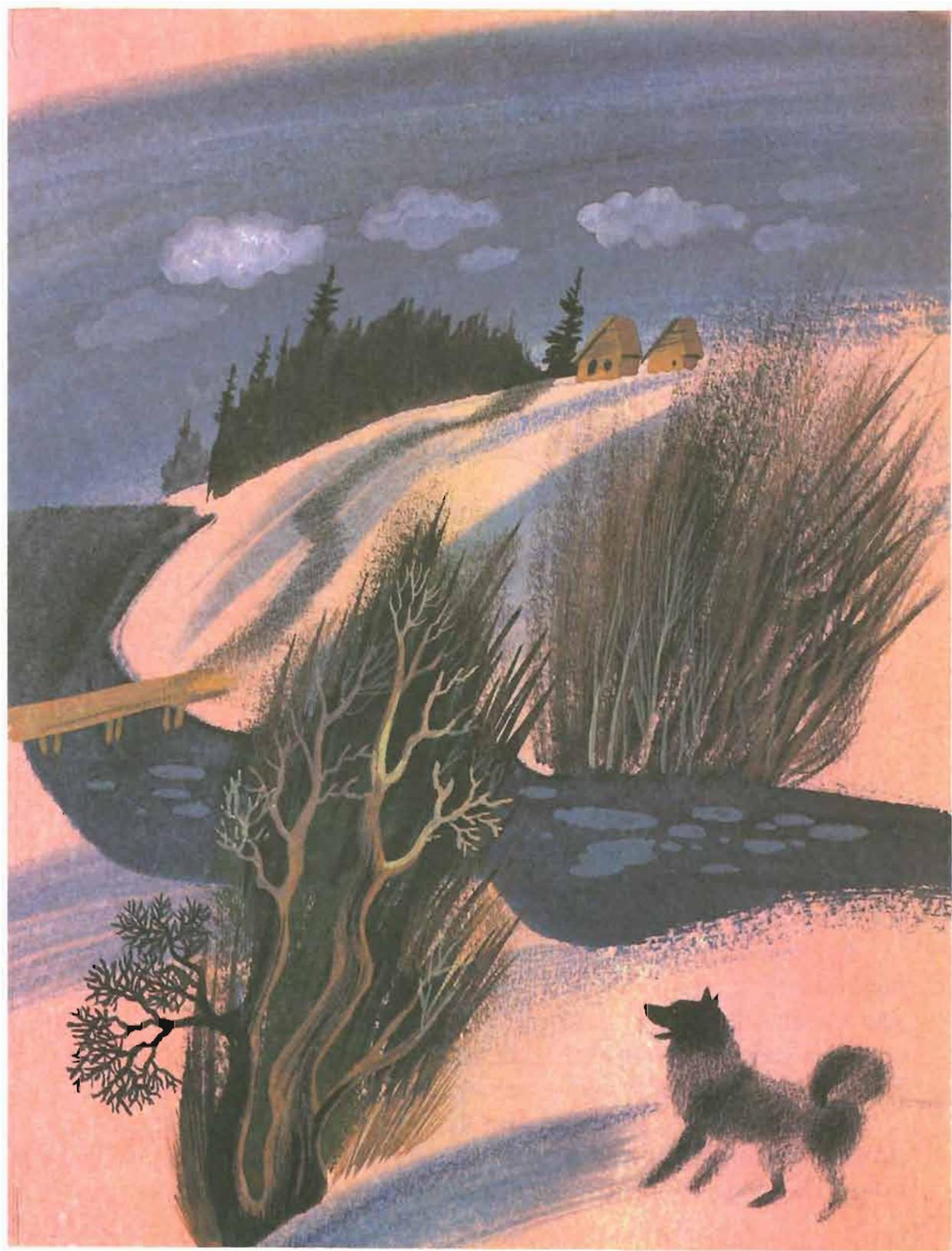
Так он стоял неизвестно сколько. Но вдруг, откуда ни возьмись, в его нос ударил запах еды. Джулька принюхался как следует. Оказывается, ему здорово хотелось есть! А еда была где-то недалеко — с каждым шагом запах усиливался. Это был хорошо знакомый запах овсянки, которую он не раз получал от Лесника... Значит, Лесник всё-таки был здесь!

Джулька пробежал уже мимо трёх заборов, а запах всё был впереди. Наконец у четвёртого забора Джулька понял — тут. Он протиснулся в дыру между двух досок — здесь, наверное, лазили кошки — и оказался на чужом дворе. Совсем медленно, переставляя лапу за лапой, он стал подбираться к дому. Пахло жильём, прошлогодним сеном, собакой — и всё это было Джульке как будто знакомо!.. Но не только потому, что похожие запахи были в их с Лесником доме, а ещё почему-то...

Вблизи дома стояла конура, похожая на Джулькину, и тут же была миска с тёплой, как почувствовал Джулька, овсяной похлёбкой. Джулька воровато огляделся — ни собаки, никого рядом не было. Так и нечего было раздумывать! Он шагнул к миске... Теперь ему стало совершенно ясно: Лесник был где-то рядом!..

Джулька успел сделать лишь несколько сладких жадных глотков, как вдруг дверь отворилась, и женщина, появившаяся на пороге, крикнула на Джульку:

— Пошёл! Пошёл вон!.. Альма, взять!

Сейчас же из-за дома вылетела огромная, как показалось Джульке, серая собака. Она в один прыжок догнала Джульку, сбила его с ног и уже готова была схватить за горло, но вдруг остановилась... Во-первых, она поняла, что перед ней просто щенок, а во-вторых... во-вторых, было ещё что-то более важное. Она как будто узнала в этом щенке кого-то...

Но кого?

А Джульке этого мгновения хватило, чтобы вскочить и пулей метнуться к забору, к прогалине в досках.

Альма в нерешительности посмотрела на свою Хозяйку.

— Ты что же это? — закричала Хозяйка. — Что же ты это? Альма!

Альма смотрела на Хозяйку и виляла хвостом. И тут вдруг Хозяйка догадалась!

— Ах ты господи! — всплеснула она руками. — Альма! Да ведь это же наша собачка, Джульбарс! Ах ты умница моя!

Альма как будто этих слов только и ждала, она бросилась догонять своего сына — ведь это был её сын Джульбарс!

Сердце у неё прыгало беспокойно и счастливо. Она долго провозилась, отворяя мордой калитку, — в дыру ей было не пролезть, — и, когда выскочила на улицу, Джулька был уже далеко.

Альма бежала за ним, лая громким материнским лаем. Но сына было уже не догнать!..

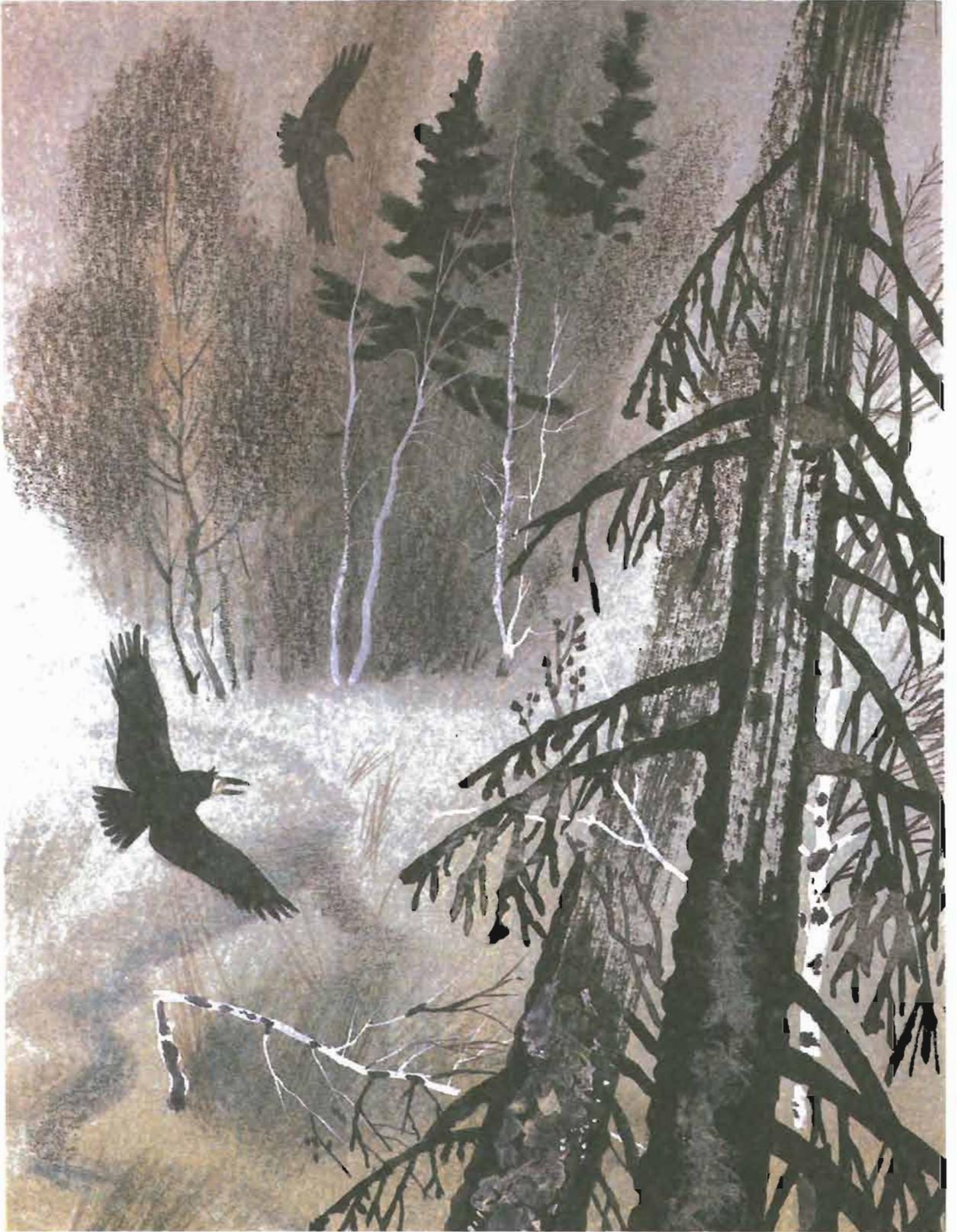
Джулька, Джулька! Остановись! А он слетел с горы, промчался через мост, единым духом вбежал на гору, где начинался лес, и пустился по дороге, вдоль которой опять скакали деревья, а мать всё бежала за ним.

Но чем дальше она уходила от дома, тем меньше в ней было уверенности, что это действительно её щенок. И когда Джулька, влетев на крыльцо Лесникового дома, строго, по-хозяйски залаял, мать остановилась, решив, что нет, видно, это не он. Потом опустила голову, отвернулась и побежала прочь.

И тут Джулька тоже словно что-то вспомнил. Он выскочил на дорогу, однако не побежал за незнакомой собакой, а лишь долго смотрел ей вслед, пока она не пропала за деревьями.

В этот миг и кончилось Джулькино детство. И когда на завтра Лесник вернулся домой, его встретил взрослый пёс — охотник Джульбарс.

ИЗГИБ ЛЕСНОЙ ТРОПЫ

Тропинки никогда не бывают прямыми. Особенно в лесу — вечно виляют, делают петли. Иногда совсем непонятно — зачем? Ну ладно, думаешь, там обогнула пень, тут не захотела идти в непролазный ельник. А здесь-то что? На ровном месте делаешь крюк в двадцать шагов!.. Не жалко этих шагов, а просто интересно узнать, в чём дело?.. Постоишь, постоишь и вдруг вспомнишь: да ведь тут года два-три назад была огромнейшая лужа с лягушками!..

Вот ведь как! Выходит, и у лесных тропинок есть своя особая память. И может быть, каждый их непонятный поворот — это своя история? Может быть, так, а может, и нет. Но по крайней мере одна из таких историй произошла на моих глазах...

Человек срубил берёзу толщиной в палец. Срубил просто так. Шёл по тропе и от нечего делать тюкнул топориком. Я потому это знаю, что берёза прямо тут и валялась — посреди тропы.

Почему-то я не мог перешагнуть через эту срубленную берёзу, как через простую палку. И я обошёл её. Тем более что особого труда тут не было — каких-то три-четыре лишних шага.

Случилось это в самом начале весны. Всё кругом было голо ещё. Только ели выглядели торжественно и строго. Но недели через две почки на осинах, ивах и берёзах не выдержали — треснули. Сразу по лесу словно пошёл зелёный дым. В первые дни, когда листья ещё совсем крошечные, это бывает очень красиво...

Появились листья и на срубленной берёзе. Она как будто бы ни о чём не подозревала, распускалась, как обычное дерево весной. И теперь уже все, кто шёл по тропе, не хотели перешагивать через берёзу, а обходили её. Только почему-то не с той стороны, где я, а с другой.

Зелёные листья ещё долго оставались на срубленной берёзе — место там было сырое. Одно время даже стало казаться, что срубленное деревце дало новые корни. Но в середине мая, когда стало жарче, берёза завяла. Потом кто-то убрал её с дороги.

И всё-таки изгиб этот — всего три-четыре лишних шага — на тропе остался. Как будто встала там невидимая ограда. За ней растёт непрямая трава и пчела по-хозяйски расправляет цветок. А тропинка проходит сбоку...

ДО ЗАВТРА, ПЧЁЛЫ!

Люди спят очень просто: откроешь форточку, чтобы воздух был свежий, повернёшься на правый бок — чтобы снились хорошие сны, — сунешь ладонь под щеку и... полетел!

Звери спят совсем по-другому. И бывает, что очень странно. Слон, например, умеет спать стоя. И четыре его тяжёлые ноги — словно четыре ножки могучей кровати. Спит слон и сам себя держит.

А рябчики спят, зарывшись от зимней стужи... в снег. С ветки в сугроб — бултых! Залезет поглубже, чтоб не поддувало, и спит. О таком только подумаешь — и то пробирает дрожь!

Летучие мыши спят, повиснув головою где-нибудь в укромном местечке — на чердаке старого дома, в пещере, в дупле... Попробуйте-ка так повисеть хотя бы минутку. Сразу перед глазами поедут зелёные и синие круги, в ушах застучит, загудит... Какое там спанье!

Но спят летучие мыши. И сладко! Проснувшись, пищат друг другу: «Доброе утро!» Вернее (если только они вообще как-то здороваются), они говорят: «Добрый вечер!» Потому что они спят днём.

А рыбы спят — иные, как мы с вами, ночью, иные днём — вроде летучих мышей, вроде тигров и львов, вроде ёжиков... Но дело в том, что рыбы — все до одной! — спят с открытыми глазами...

Вот так потихоньку-помаленьку у меня накопилась целая коллекция «сонных знаний». Почти что какой зверь ко мне ни приди, какая рыба ни заплыви, какая птица ни залети, я любого сумею уложить, подвесить, закопать или посадить... спать. Как говорится, отдыхайте на здоровье!

...Однажды по делам я попал на пасеку. Хорошее это было местечко. С двух сторон пчелиные дома обступала берёзовая роща. Под ногами расстился пушистый фиолетовый ковёр — клевер. И ещё по всей пасеке рассажены были яблони. Что ни ветка — светит по пять, по шесть добротных краснобоких яблочек... Так и хотелось тут жить подольше!

Я и жил — не спеша узнавал то, что мне было нужно. Товарищем моим стал пасечник Саня, молодой, высокий и крепкий парень, который только в этом году окончил специальное «пчелиное» ПТУ... Я от сердца пожалел, что в моё время таких ПТУ не было.

Я помогал Сане вести пасечное хозяйство. А он помогал мне узнавать повадки пчёл. Вечером мы ставили свои раскладушки

прямо среди пасеки. Ложились, смотрели на звёзды и разговаривали. А потом засыпали.

И однажды я спросил у Сани о пчёлах — как, мол, они там спят у себя в улье?

А это было очень раннее утро. Мы встали, чтобы сбегать в березняк за грибами. Часок походим — глядишь, на жаревое и соберём.

Над пасекой было тихо — пчёлы ещё не летали. Но Саня подвёл меня к улью, приложил ухо к задней его стенке.

То же сделал и я.

Внутри слышался сухой размеренный шорох от огромного множества копошащихся пчёл. Они уже работали.

Чистили ячейки, чтоб туда можно было откладывать новые яички.

Подметали крыльями дно улья, чтоб не осталось в нём ни малейшего сора.

Кормили личинок. Строили новые соты и чинили старые...

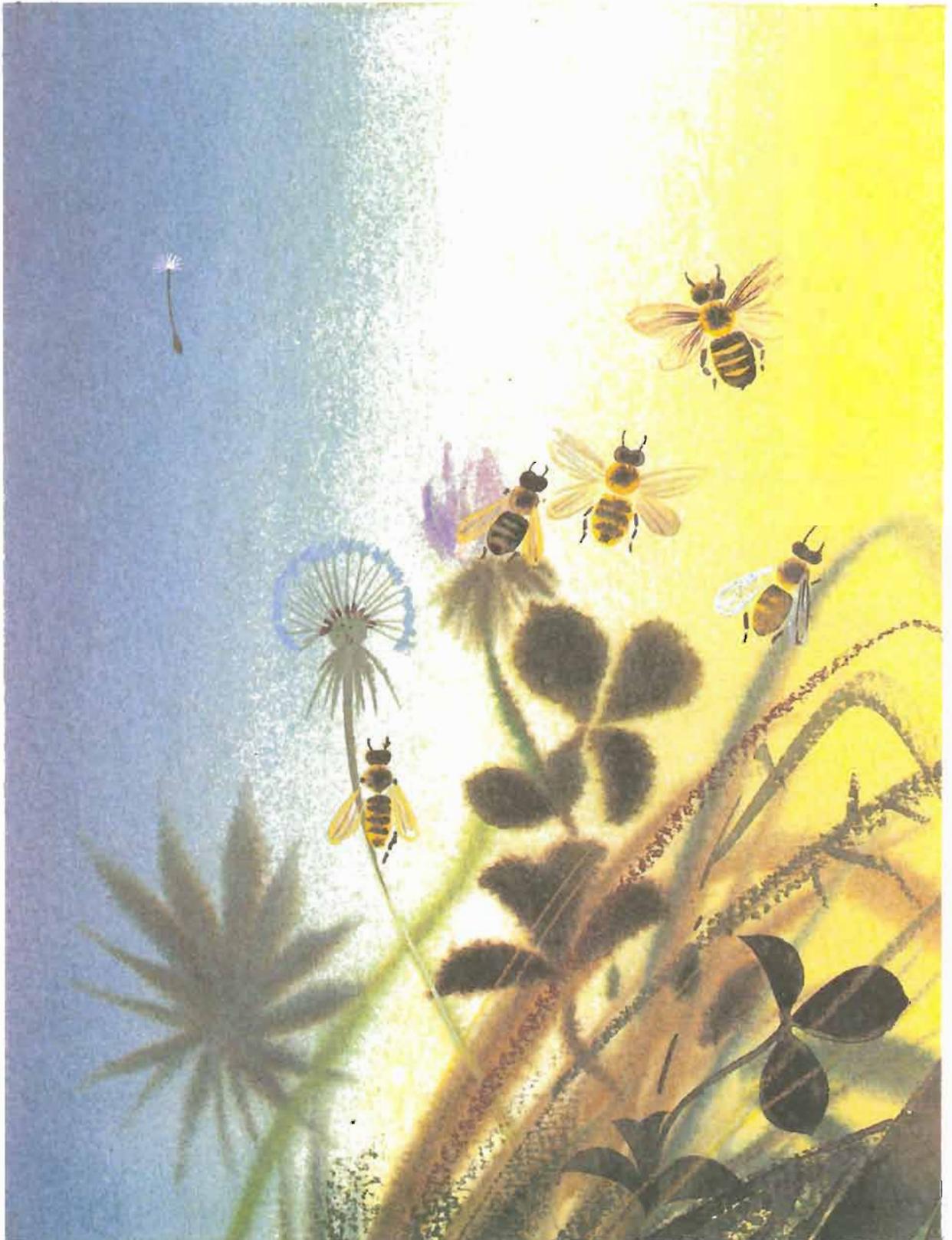
— Это чего, случайно? — спросил я. — Или они каждый день встают в такую рань?!

Саня лишь улыбнулся в ответ...

После завтрака до обеда и после обеда до ужина, до самого вечера, мы осматривали ульи. Открывали верхнюю крышку — крышу, и Саня бесстрашно запускал руки в кишасий пчёлами деревянный ящик. Вытаскивал дощатые рамки с сотами и смотрел, много ли в них мёду, не пора ли эту рамку забрать, а пчёлам поставить пустую — для новой работы.

Не сказать, что пчёлы встречали нас очень приветливо. И хоть работали мы в непрокусываемых рубахах и джинсах, в пасечных шляпах с сетками, закрывающими лицо и шею, однако по несколько жал нам в тот день всё-таки досталось.

— Ничего, на пользу, — говорил Саня, легонько потирая припухшую руку. — Пчелиный яд знаешь какой целебный! Многие даже специально в поликлиники ходят на ужаливание, очереди выстаивают... В общем, ты не расстраивайся. Смотри на это дело веселей.

Сказал он без ехидства, от чистого сердца, а получилось... Смотреть веселей было мне трудновато, потому что смотрел я... одним глазом. В самом конце дня две пчелы-лазутчицы сумели залезть мне под сетку и как тяпнут! Вместо левой щеки — жёлто-синяя подушка...

Понятно, я был здорово сердит на злую пчелиную породу. Что, в самом деле, за манера: как чуть что — сразу кусаться!

— Да не кусаться, — осторожно поправил меня Саня, — жалить. У пчёл ведь зубов нету...

— Какая разница, слушай!

Мы посидели ещё некоторое время над остывшим чаем. И тут Саня, вдруг что-то вспомнив, тихонько хлопнул меня по плечу:

— Пойдём-ка...

Уже вечерело, темнело, солнце давно ушло по своим делам на другую сторону земного шара. А у нас на небе остались только звёзды. И облака по краям.

Как и утром, Саня подвёл меня к улью: слушай. Пожав плечами, я приложился ухом к задней стенке. И снова я услышал мерное шуршание — там по-прежнему шла работа!

Замазывали опасные щели клеем-прополисом.

Кормили личинок.

Проверяли, созрел ли уже мёд или его надо ещё раз перелить из ячейки в ячейку.

Охраняли вход в улей от ночных бабочек со страшным названием «мёртвая голова»...

Делали ещё многое множество разных дел...

Я удивлённо посмотрел на Саню:

— Когда же они спать-то ложатся? Пол-одиннадцатого почти!

— Они никогда не спят, — тихо ответил Саня. — Сколько отпущено жизни, работают и работают...

Признаться, в первую секунду я не поверил ему. Послушал у второго улья, у третьего, у четвёртого... Иногда за тонкою стенкой раздавалось то высокое, то низкое пение, то словно

какие-то гудки. Казалось, пчёлы переговариваются, перекри-
киваются о чём-то во время работы.

— Я, знаешь, — сказал Саня, — я на них никогда не
сержусь. — И потом добавил серьёзно: — Я их уважаю!

Уже наступила ночь. И все, кто днём работал, давно спали.

Одни пчёлы продолжали неустанно трудиться в чёрной
темноте своих ульев.

И не только у нас на пасеке — по всей земле!

До рассвета им надо многое успеть, чтобы завтра со спокой-
ной душой опять полететь за мёдом...

Нам с тобой за мёдом.

ВОРОНЫ И ТРАКТОРА

В декабре, когда уже выпал хороший снег и кругом всё привыкло к зиме, вдруг началась обманная погода. Каждое утро солнце зажигалось так ярко, а небо делалось таким синим и большим, что даже премудрые вороны стали подумывать: а не пришла ли вдруг каким-нибудь чудом весна?.. Воронам ведь весна нужна особенно: другие птицы с холодами на юг улетают, а вороны зимуют дома. Им приходится вдоволь хлебнуть и мороза и метели. А здесь вдруг, откуда ни возьмись, весна...

Но всё-таки не поверили бы, наверное, премудрые вороны обманной декабрьской погоде, если б однажды рано поутру не заставил их встрепенуться знакомый весенний стрекот — на поле вблизи деревни работали трактора!

Со всей округи потянулись на поле вороны. Стаями, а кто в одиночку, прилетели, расселись на соснах вдоль поля. Столько ворон сразу, я думаю, никто ещё никогда не видел. Сидят вороны, смотрят, что это затеяли трактора. Неужели и правда весенняя пахота?.. А солнышко светит, а небо синее-синее.

Ползают трактора по полю, оставляя за собой широкие коричневые полосы — ну совсем как свежие борозды. Однако что-то всё-таки не так. Сидят вороны, остерегаются. Но вот уже полполя из белого стало коричневым, и забыли вороны про свою опаску: одна, другая, третья... десять, сто слетели на поле... А вдруг всё правда? Вдруг всё на самом деле? Так хочется

походить по тёплой земле, выхватить из рассыпчатого земляного кома свеженького червяка...

Да только нет! Ходят вороны по полю, ничего понять не могут. Сверху коричневое, как земля, а чуть ткнёшь носом — снег! Ни тепла, ни живой земли, ни червяков...

А механизаторам смешно. Очень уж по-весеннему выглядит декабрьское поле, когда ходят по нему важные вороны. Словно бы и правда пахло апрелем. Но механизаторы и не думали мёрзлую землю пахать. У них была совсем другая задача. К тракторам прицеплены не плуги, а специальные тележки, гружённые минеральным удобрением. Двигается трактор, работает разбрасыватель, остаются на белом снегу широкие коричневые полосы. Весною вместе с растаявшим снегом удобрение уйдёт в землю. Выпьет поле этой волшебной воды — дружно пойдут в рост и заколосятся хлеба.

Но воронам всё это невдомёк. Им весну подавай. Да только в декабре весны не сыщешь и днём с огнём... К вечеру мороз припекает. Зябко ходить по снегу, хоть он и коричневый. Снова расселись вороны на сосновых ветвях. Серdito, удивлённо каркают.

Нет, вороны, весны вдруг не бывает. Надо ещё зиму зимовать. До тепла далеко...

ОХОТА НА ЗАЙЦА

Несколько зим тому назад я жил в недалёкой подмосковной деревне. Комнату я снимал у одинокого старика Ильи Петровича. Его дом стоял у самого края — я потому туда и попросился. Сразу за нами начиналось чисто поле — белое, ровное. И дальше стеною стоял еловый лес.

Илья Петрович среди здешних считался охотником. Правда, за то время, что я у него жил, на охоту Илья Петрович не выбрался ни разу. Однако ружьишко на стене висело!

Как-то после телевизора и чая, уже укладываясь спать, мы заговорили о зайцах. Это я заговорил. Потому что зайцев до той поры приходилось мне видеть только телевизионных, или зоопарковых, или которые на картинке нарисованы.

— Зайка, зайка, — сказал Илья Петрович, словно что-то припоминая. — Зайка-немогузнайка.

— Какой «немогузнайка»?

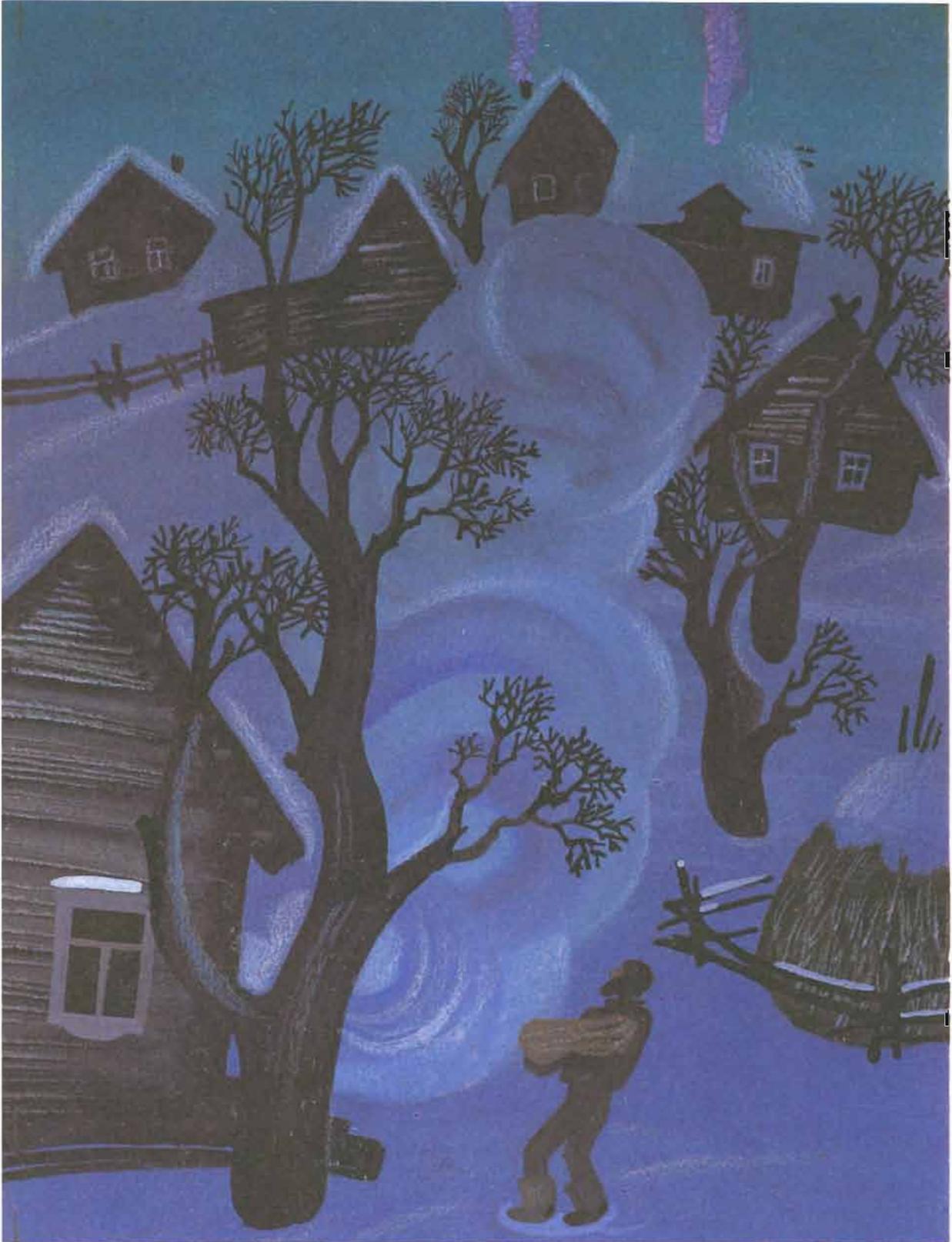
— Трусишка, значит... В старые времена, когда начальство простого человека щучило, он в ответ: «Не могу знать!» — и кончено.

— А вы будто помните...

— Помнить не помню, а люди говорили! — Старик помолчал немного. Видно, обиделся на моё недоверие. — А местá у нас, однако, зайчистые. И особенно в нынешнем году.

— Что ж за год такой особый?

— Такой! В сырые годы мыши больше, в сухие — зайца... А нынешний-то как раз сухой был, даже слишком. Или не помнишь? — С этими словами он удалился восвояси, и мне ничего не оставалось, как только спать.

На следующий день он надо мной сыграл шутку — за моё недоверие. День был морозный, да уже и клонило к вечеру, так что припекало особенно. Я выскочил в сарайку набрать охапку дров... Вбежал опять на крыльцо, стукнул валенком в дверь, мол, отворяйте, Илья Петрович (руки-то у меня были заняты). Он тотчас открыл — залп сырого пара из двери окатил меня с ног до головы.

— Вон он, заяц-то! — крикнул Илья Петрович.

— Где? — Я быстро оглянулся на поле, покрытое ровным, малиновым и синеющим вечерним снегом. — Нету ничего, Илья Петрович!

— Давай в избу заходи, заячник! — Старик, смеясь, поднял выпавшее из моих рук полено.

Потом, когда затопили печку, когда захрустело и загудело внутри, он рассказал мне, что «зайцем» называют иногда клуб пара, который вырывается из отворённой двери.

Я слушал его, и не обижался, и смотрел в раскрытую печь... Что за красота — печка, полная золотых, спелых углей!

Однако зайца мне увидеть хотелось. Уж на лису, на волка я не рассчитывал, а хоть бы зайца!.. После работы я вставал усталый из-за письменного стола (на самом деле это был не письменный, а обычный обеденный стол, просто я за ним работал), вставал из-за письменного стола, выходил во двор, надевал лыжи.

— Поеду на зайцев охотиться, Илья Петрович!

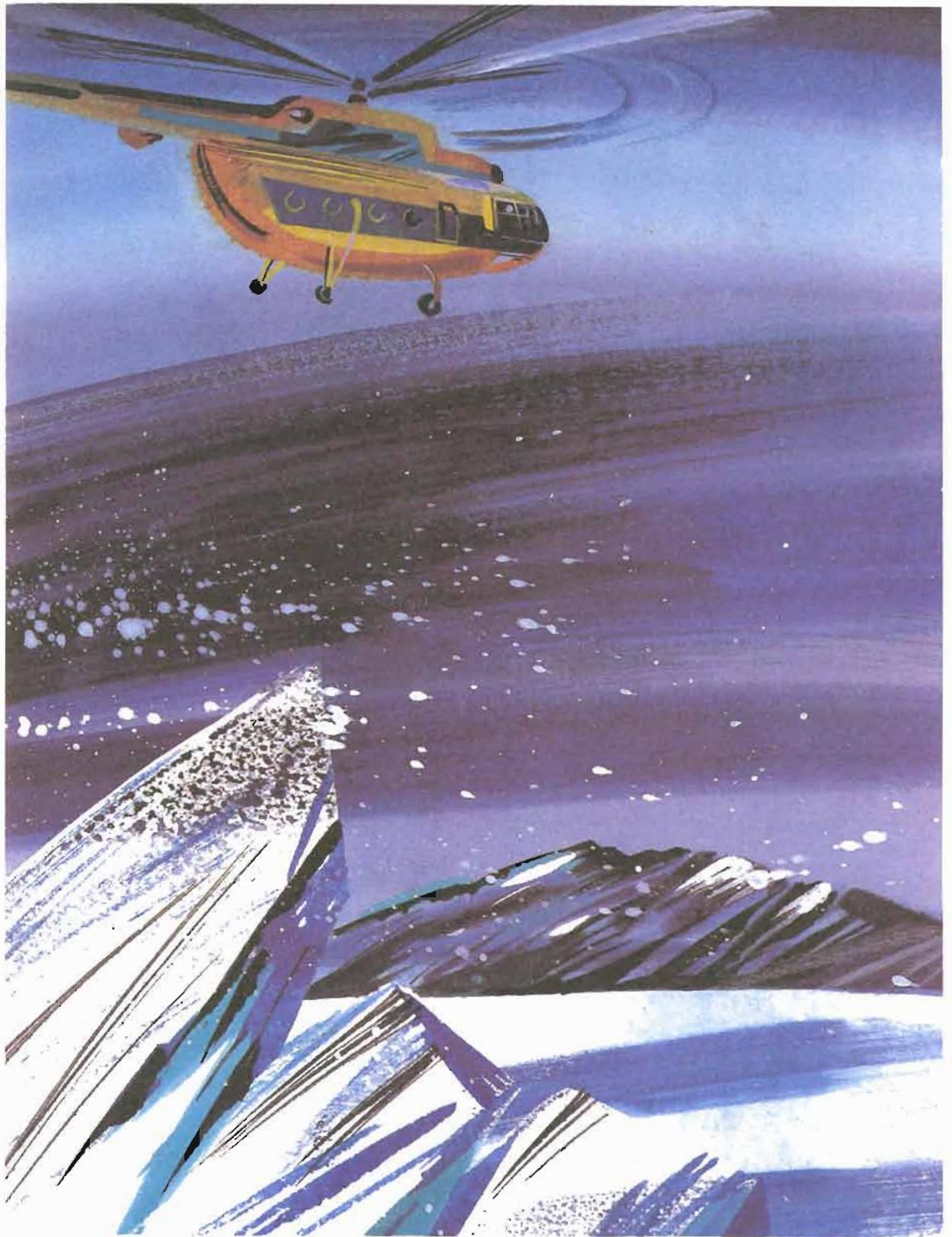
— Ты бы ружьецо прихватил. По заячьему-то следу до медведя доходят — вот такая поговорка.

— Ни ружья мне не надо, ни фоторужья. Я и глазами всё запомню...

Так и ездил... Не выпадало счастья!

Но всё-таки я увидел его. Да вы уж и сами знаете — ведь иначе не было бы этого рассказа.

Зима почти миновала, наступил весенний месяц март. И хотя на земле по-прежнему царствовали снега, однако солнце светило уже по-иному и ветра прилетали иные — влажные, долгие, бились в окна нашего домика. Фортка сама собой открывалась и глотала крупными кусками свежий воздух оттепели.

Через день-два, конечно, опять примораживало — как не было ничего. Но мы-то помнили — знали, что было! И снег помнил — отзывался под лыжами жёстким и хрустким настом.

В тот день я выехал из дому много после обеда... По-деревенски обед в двенадцать часов. А я «наострил» свои лыжи, наверное, часика в три.

Солнышко светило, блестела стеклянная лыжня, скользилось хорошо. Я пробежал чисто поле и первый лес. Он был невелик, хотя и казался издали таким грозным. Дальше пошёл кустарник, мелколесье какое-то. Наверное, под снегом здесь лежало болото.

По пологому бугру я въехал в новый лес. Этот был уже серьёзный, большой. По нему проходила путаная и, видно, старая тележная и санная дорога — вилась, петляла от поляны к поляне. Но сейчас никаких иных следов на ней не было, кроме лыжни.

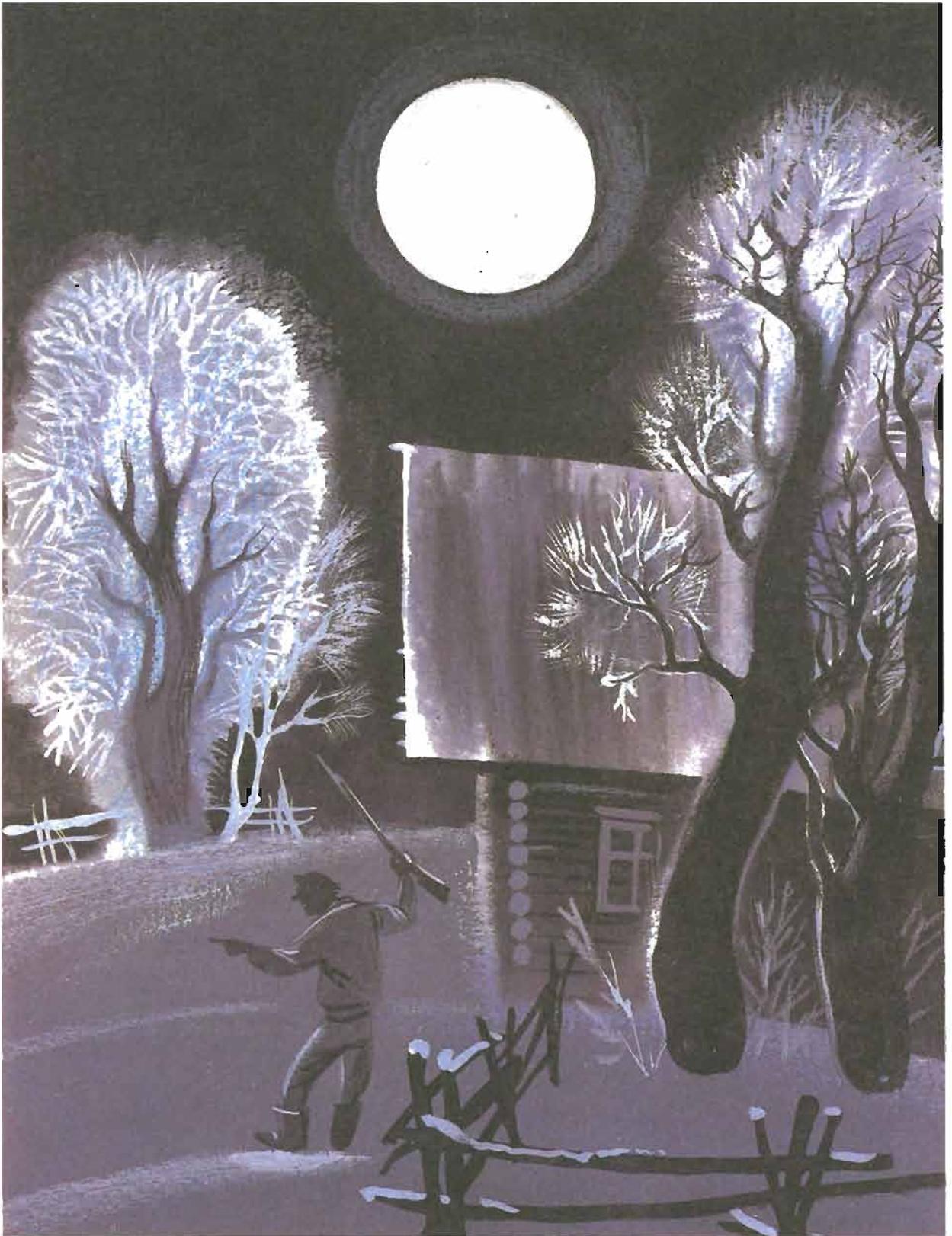
И никакого зверья тоже мне не попадалось. Только синицы мелькали по веткам, да снегири усердно и неторопливо обрабатывали почернелые кисти рябины, да дятел стучал...

И тут я увидел заячьи следы. В лесу снег был помягче. Вот они и отпечатались. Этот прыг-скок не спутаешь ни с чем: две растопыренные задние лапы впереди, две собранные передние лапки сзади.

Я проехал было след, но вернулся. Говорят, если волк дорогу перебежит, то к счастью, а если заяц — к несчастью. Даже есть такой специальный приговор, который кричат вдогонку косому: «Тебе пень да колоду, а нам путь да дорогу!» А иначе, мол, пути не будет...

Но вернулся я, конечно, не поэтому. Я просто хотел пройти по заячьему следу — а вдруг повезёт!

Однако в лесу без дороги, без лыжни я сразу начал путаться и застревать. Каждой ветке поклонись, от каждой изогнись. Заяц-то низенький, он тех веток и знать не знал... А тут ещё лыжа моя ткнулась носом в невидимую под снегом корягу — чуть вообще не поломалась... Нет, думаю, надо поворачивать. Вовремя припомнилась и поговорка Ильи Петровича: не ищи зайца в бору — на опушке сидит!

Я опять поехал по петлявой дороге... Неожиданно она превратилась в широкую, прямую, как стрела, просеку и вместе с моей лыжнёй довольно круто уходила вниз. Далеко впереди, под горой, я видел светлый выход из этого лесного туннеля. А что там дальше, я не знал.

Поехали! Я оттолкнулся раз, два. А потом уж дорога сама понесла меня. Толстые ёлки отпрыгивали назад то слева, то справа. А ёлочки поменьше мелькали и мелькали, словно зрители на мотогонках.

Я не успел испугаться — всё случилось слишком быстро. У самой лыжни, не очень далеко, впереди меня, торчал из снега пенёк. И я на ходу соображал, как бы его половчее объехать. Но вдруг он выбросил вверх длинные уши и кинулся наутёк.

Заяц мчался по лыжне, а я мчался за ним. Получалось, будто я его преследую. Горка становилась всё круче, всё быстрее летели мои лыжи. Я заметно догонял зайца. Ещё, чего доброго, задавишь! Я слышал рассказы бывалых шофёров, что зайцы, застигнутые на ночном шоссе, бегут в свете фар и никуда не могут свернуть, как загипнотизированные.

Так же и мой заяц. Он мчался по лыжне, словно трамвай по рельсам. А я, вместо того чтоб радоваться нашей встрече, вместо того чтоб запоминать все подробности, боялся, как бы мне его не сшибить... Хоть бы свернул куда-нибудь!

Я уже, что называется, наступал зайцу на пятки. Но здесь мы вылетели оба из леса. Моя лыжня с последнего пригорочка круто уходила вбок и потом снова выворачивала на прямую. Я положил лыжи вправо, потом влево, а заяц как выскочил из просеки, так и продолжал мчаться напрямик.

Теперь он оказался сбоку от меня, всего шагах в трёх-четырёх. Мы были с ним словно два автомобиля, что мчатся наперегонки.

И тут уж я рассмотрел его. Он что есть силы забрасывал задние ноги вперёд, а потом выстреливал передними — раз! И снова забрасывал задние, и снова выстреливал! А уши его при этом то опускались, то вставали торчком.

Он был буровато-коричневый, а не снежно-белый, как пишется в книжках о зимних зайцах. Или, может, это мне лишь

показалось. Потому что наша гонка продолжалась всего несколько мгновений. Потом лыжи мои, которые больше не мчались с горы, поехали медленней. А заяц всё мчался и мчался, не жалея лап своих... Недаром сказано: охотник — за зайцем, а заяц — за волей!

Он проскакал открытое пространство, нырнул в заросли молодых ёлок. Как в озеро... Лыжи мои совсем остановились. Я посмотрел на зелёную густую заросль. Ни одна веточка не вздрогнула, ни одна птица в испуге не выпорхнула... Да не приснился ли мне и сам заяц?.. Я свернул с лыжни — нет, вот он, след-то! Две растопыренные задние лапы впереди, две собранные передние лапки сзади.

Здоровенный такой был зайчище, матёрый. Больше самого раскормленного кота!

— Илья Петрович! — крикнул я, воротившись домой. — А ведь я зайчишку-то видел! Вот как вас... Да ещё такого громадного зайчугу!

Хозяин мой вдруг заволновался:

— Серьёзно?! А не врёшь?

— Да ей-богу!.. Чего мне врать?

— Ну, стало быть, повезло тебе, Серёга...

— Так места-то зайчистые, сами говорили.

— Зайчистые-то они зайчистые. Да что-то про зайцев последние годы у нас не слышать.

Он снял со стены своё ружьишко, зарядил его, уж не знаю, каким патроном.

— Далеко ли собрались, Илья Петрович, на ночь глядя?

Старик вышел на крыльцо, приметился в полную золотую луну, что висела над трубой, — ба-бах!

Потом посмотрел на меня, улыбнулся и пояснил:

— Это чтоб они побаивались...

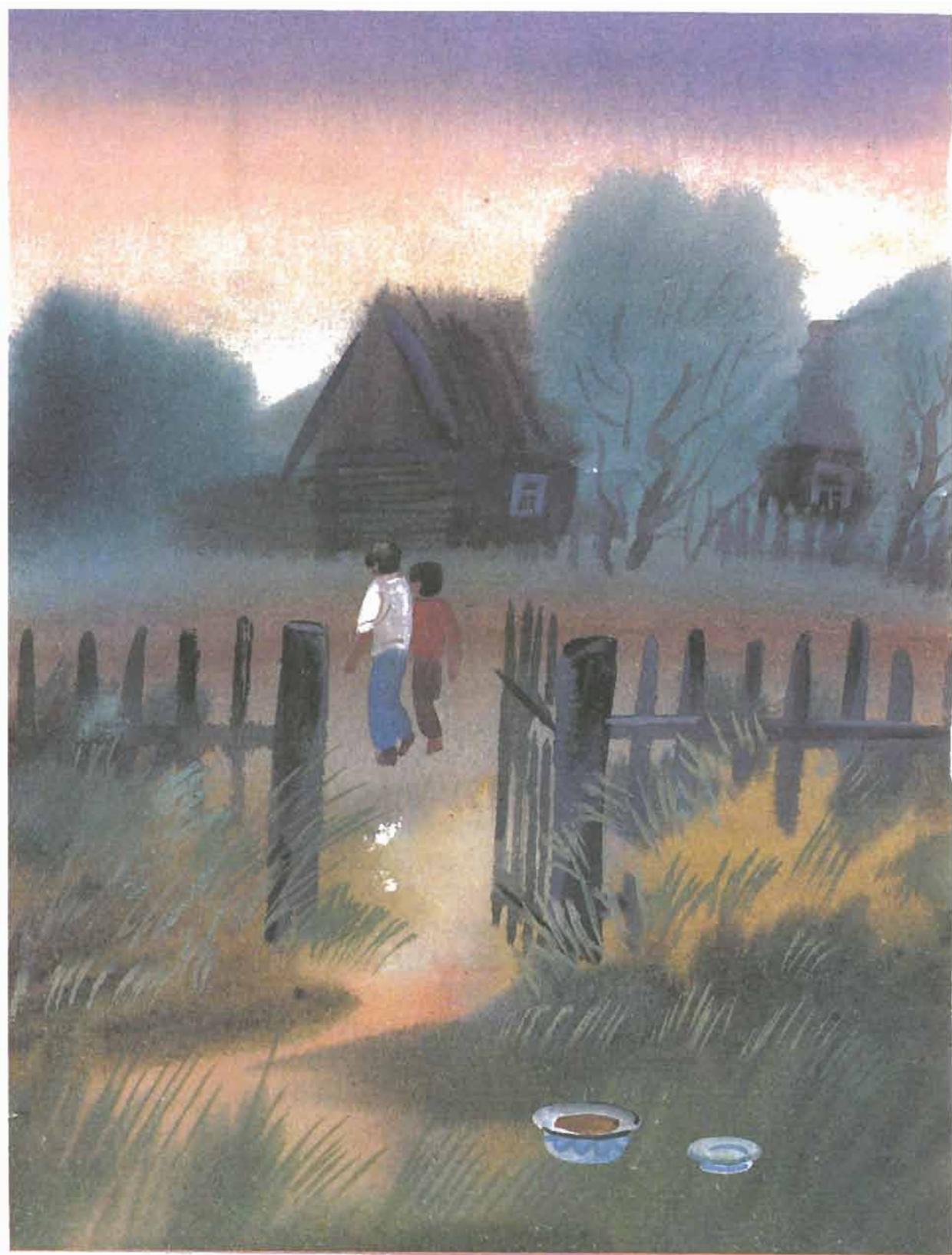

КАК ЗАЖИГАЮТСЯ ЗВЁЗДЫ

Старайся не старайся, а кое-что никогда не удаётся увидеть... Хотя, конечно, если ты внимателен и терпелив, ты многое сумеешь подсмотреть. Вот по осеннему лесу бредёт лось, расталкивая рогами клочья тумана. Вот белка рыжей искрой, хвост трубой несётся к сосне на том краю поляны. А вот — присядь на корточки! — встретились два муравья и беседуют, притрагиваясь друг к другу усиками... Да и вообще мало ли чудес на свете — чудес, которые могут стать твоими!..

И всё же есть, по крайней мере, одно такое, что всегда происходит без нас. Я говорю о звёздах — никто не видел, как они загораются.

Вот я сижу на старом берёзовом пне и смотрю, как темнеет длинный апрельский вечер, который остался после погожего дня. Справа от меня уже почти потухший закат. А слева небо холодное, тёмно-синее. Высоко бледнеется тонкое лезвие месяца. Чуть заметно темнеет. Я придирчиво осматриваю небо — ни звезды! Жду. Небо над закатом становится зелёным, потом начинает синеть. Вдруг мне показалось, что за моей спиной кто-то корчит рожи. Оборачиваюсь — горит-подмигивает звезда! Когда загорелась? Не видел!.. Но это ещё не всё! Пока я оглядывался, на том месте, куда я прежде смотрел, тоже замигала звёздочка. А потом, стоит только отвернуться на малую секунду, задуматься, даже просто моргнуть, сейчас же этим воспользуется новая звезда. И вот они уже слева, справа, выше, ниже — сыплются, словно брусника из лукошка! Ещё какое-то время они бледны и едва заметны. Но вот разгораются, словно кто-то прибавил им сил. Я-то знаю, в чём дело. Это небо

становится темнее и темнее, потому что солнце всё дальше опускается за горизонт — светить другим людям, другим странам.

НЕЛОВЛЕННЫЙ ЁЖ

Случилось это на даче, в конце августа...

Мы пили на веранде чай. Вдруг Вовка, сидевший прямо напротив окна, тихо сказал:

— Смотрите, ёж!

Уже вечерело, но мы хорошо рассмотрели его. Ёж был серо-коричневый, а поверху его иголки отдавали рыжиной. У него было длинное рыльце, чёрный нос пяточком и чёрные блестящие глаза. Иголки у него начинались прямо там, где у нас брови. И был этот ежище величиною с доброго кота! Сейчас он, ничего не замечая, ел из миски нашего Мурзика.

— Поймаем! — прошептал Вовка.

Я сказал:

— Не стоит. Всё равно убежит. Или мы должны будем его в клетке держать. Понял? В клетке!

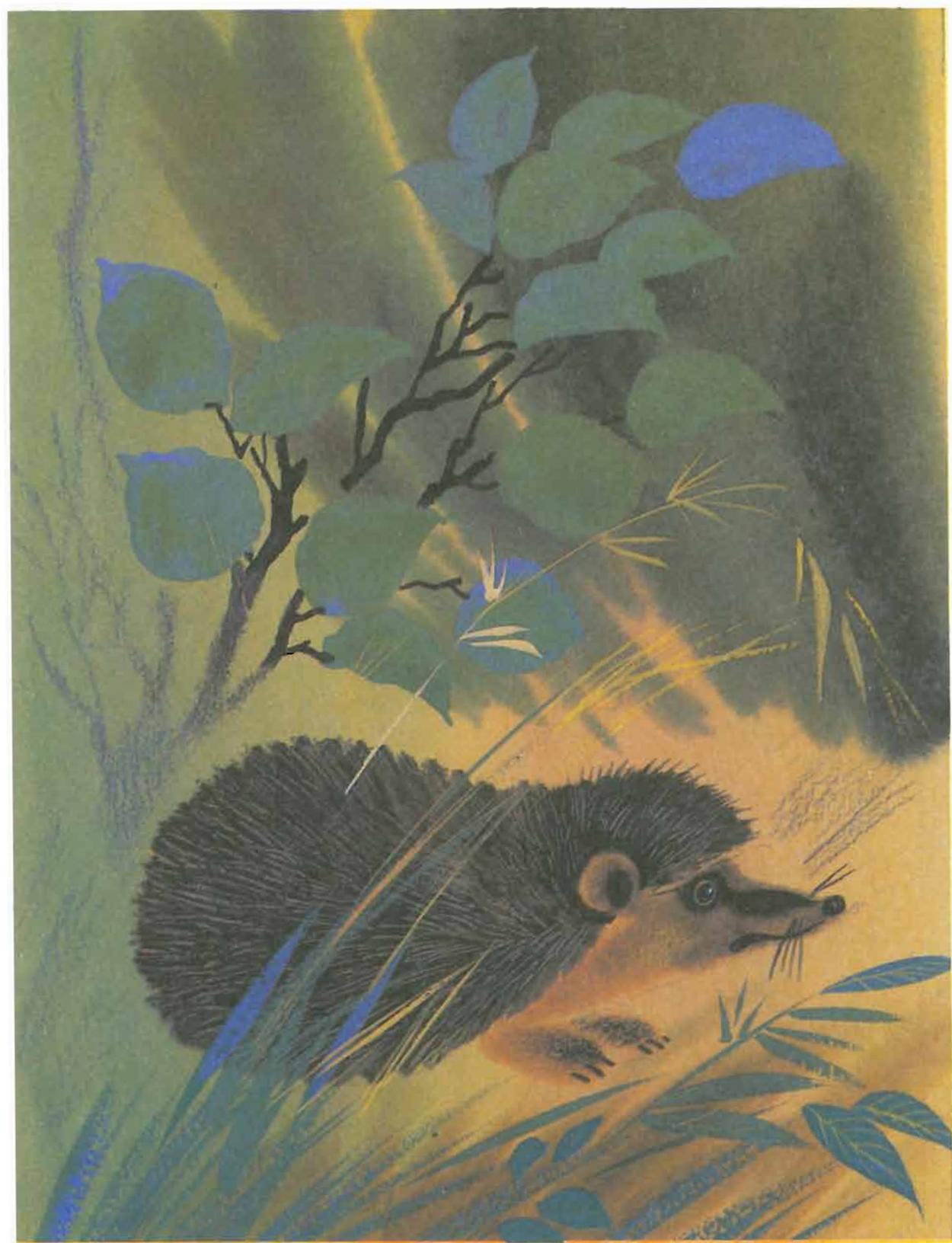
— Зато ёж будет! — сказал Вовка. — Давай поймаем, а там посмотрим.

Я сказал:

— Да не надо его ловить, он сам к нам ходить будет.

— То ли будет, то ли нет, а там ещё кто-нибудь его сцапает!

Ёж как будто догадался, что решается его судьба. Он вдруг перестал есть, быстро-быстро задвигал мордочкой и торопливо

нырнул в крапивные заросли... Вот и всё. Как будто ничего не было. Только в мурзиновской миске еды поубавилось.

— Эх вы!.. — сказал Вовка. — Такого ежа упустили!

А Катя вздохнула...

Я сказал:

— Да не расстраивайтесь! Он придёт!.. Давайте лучше подумаем, как его приручить.

Катя сразу повеселела.

— Надо поставить ему еду, — сказала она. — Что ежи любят?

Мы собрали в миску сырные корки, кусочки хлеба, колбасные кожурки, налили в блюдце молока и всё это поставили у крапивных зарослей.

Однако наутро оказалось, что ни к миске с едой, ни к блюдцу с молоком никто не притрагивался. Катя посматривала на меня вопросительно, а Вовка ворчал и пыхтел. Он всегда пыхтит, когда чем-нибудь недоволен.

Но вечером ёж всё-таки пришёл! Опять во время нашего чая...

— Вот он, Василий! — прошептал Вовка.

Из крапивы мелкими шажками шёл ёж. Почему Вовка назвал его Василием, неизвестно. Однако мы с Катей сразу догадались, о ком идёт речь. И с тех пор так и стали его называть.

Ёж подошел к мискам. Он был совсем близко от крыльца, от нашей веранды... Мы разом нырнули под стол: а вдруг Василий заметит нас и заподозрит что-нибудь неладное? Мало ли что могло взбрести в его колючую голову!..

Веранда наша хоть и выкрашена сочной зелёной краской, но вообще-то щелястая. Сейчас мы все трое стояли на коленях — каждый у своей щели — и в три глаза смотрели на Ваську. Он был совсем рядом, поэтому не то что двигаться — дышать было страшно!..

Нам страшно. А Ваське — нисколько! Он не спеша, как хозяин, обнюхал обе посуды, попил молока из блюдца и повернулся к миске, где горкой лежали всякие лакомства. Сперва он ел, как культурное домашнее животное. Потом ему показалось, что так слишком медленно, и он влез в миску с ногами. Миска заходила ходуном, перевернулась и накрыла Ваську!..

Ох, если б это увидеть ещё раз!..

В каждом из нас бесновался смех, как джинн в бутылке. Вовка таки не выдержал и сдавленно хрюкнул несколько раз в кулак.

А Василию было не до смеха! Он перепугался не на шутку. Как-то боком отскочил от грохочущей миски и тут же свернулся в клубок. Мы все трое начали страшно грозить друг другу, что, мол, тихо, не шуметь!.. Говорят, ежи очень чутки.

Сколько так времени прошло, не знаю. Хотя потом я вспомнил, что часы на руке у меня были. Мы уже отсмеялись давно, и жалко стало Ваську: он-то ведь боялся и дрожал по-настоящему!

Но вот наконец Василий зашевелился, выглянул из-под своих иголок. Миска больше не двигалась и, как видно, не казалась ему страшной, потому что он опять подошёл к ней. Однако, когда миска опрокинулась, то накрыла всю еду. Васька потыкался в её алюминиевую спину, но перевернуть посудину не смог или не сообразил.

Тогда он допил молоко из блюда, осмотрелся, помедлил немного и ушёл в свою крапиву.

— Почему он всё-таки к нам ходит? — задумчиво спросила Катя.

— Ясно почему, — ответил Вовка. — За едой!

— Но ведь он же видит, что еду кто-то подкладывает... А вдруг это ловушка?

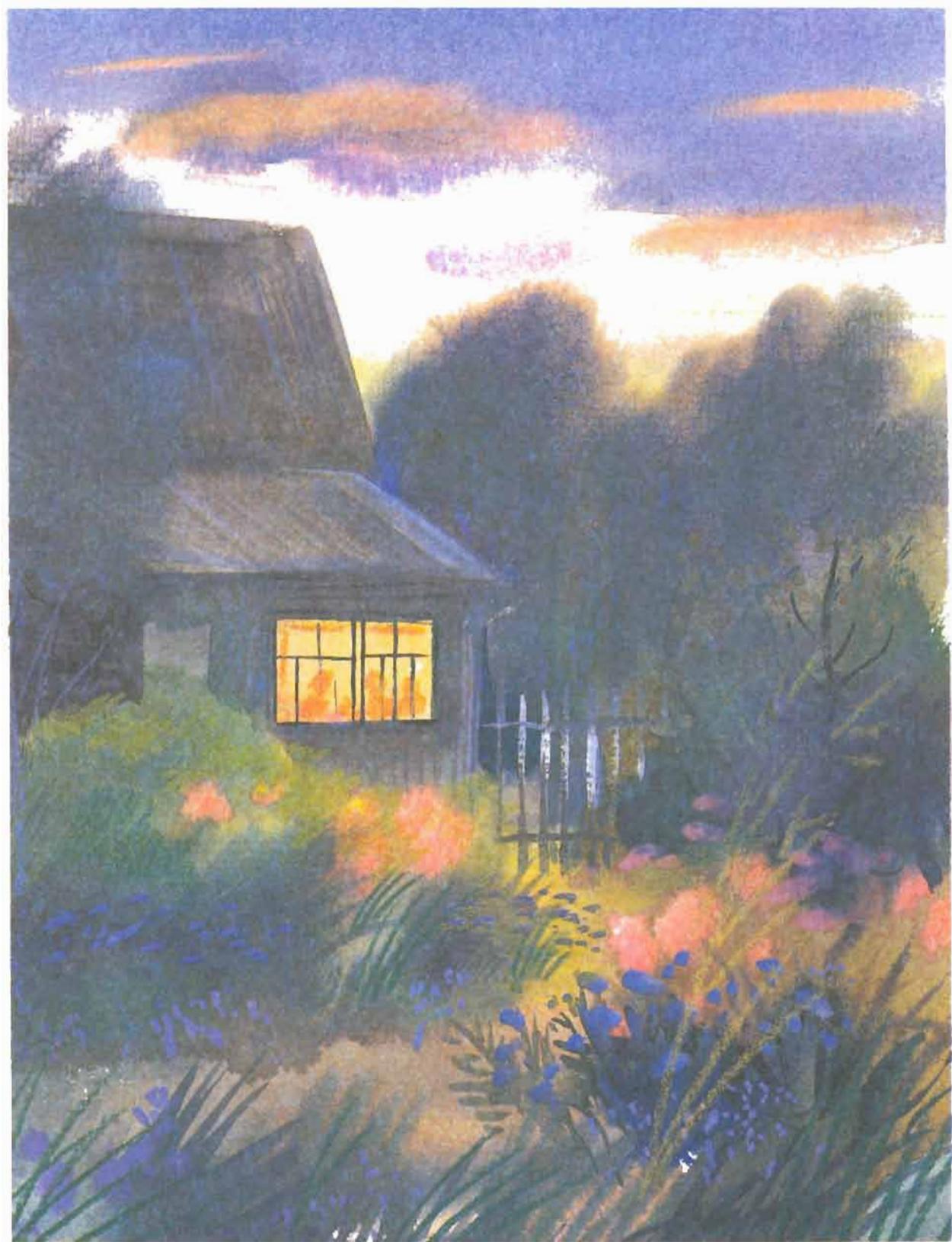
— Наверно, он понял, что мы его ловить не будем, — сказал Вовка.

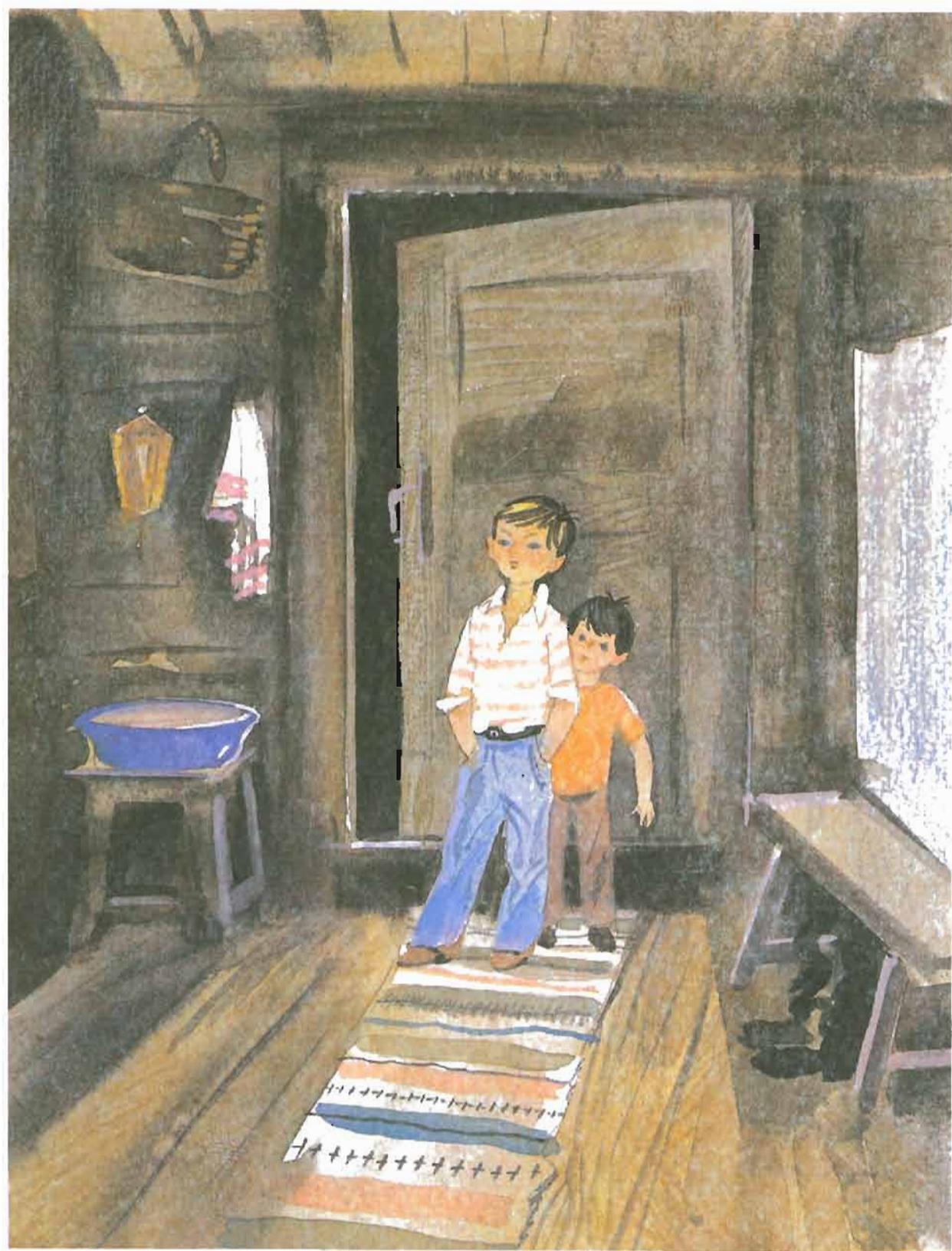
С того дня Василий стал приходить каждый вечер. А мы украдкой наблюдали за ним. Постепенно мы очень привыкли, привязались к этому небольшому серому существу, хоть и виделись с ним всего несколько минут в день. А Васька уже совсем хозяйски чувствовал себя у нашего крыльца: бегал, пыхтел, принюхивался. Ещё раза два он пытался влезть в миску с ногами, но посудина опять его наказала. Тогда Васька оставил свои звериные замашки. Мы про себя посмеивались:

— Вот ёж и приручился немного — уже умеет культурно есть!

На шестой или на седьмой день мы решили: приручать так приручать! Пусть в следующий раз, когда ёж придёт за едой, кто-нибудь из нас сидит на крыльце...

Вовка сказал:

— Я!

— А может, лучше Катя?

— «Катя, Катя!»! — запыхтел Вовка. — Всегда всё Катя!

Я сказал:

— Да не в том дело. Мы с тобой мужчины — похожи на охотников. А Катя — девочка, сразу видно, что не охотник.

— Кому это видно? Ваське, что ли?!

— А что ж, по-твоему, Васька глупый? — обиделась Катя. — Васька очень умный!

И на следующий вечер она поджидала Василия, сидя на крыльце, а Вовка и я незаметно подсматривали сквозь свои щели — что будет... Вот уже половина седьмого — пора бы Ваське появляться, а его нет! Без четверти семь — нет Василия! Обождали ещё минут десять. «Что же с ним случилось?» — подумал я.

И вдруг Вовка схватил меня за руку:

— Тихо!.. Смотри!

— Что смотри?

— Да вон — крапива!

Стебли привычно зашевелились, и на опушке крапивного леса показался Васька. Как ни в чём не бывало затопал он к своим мискам... И вдруг — словно ткнулся носом в невидимую преграду. Остановился, замер — эдакая продолговатая серая кочка. Чёрные пуговицы глаз смотрят недоверчиво на Катю, колючие брови насуплены, блестящий нос мелко-мелко бегаёт из стороны в сторону. Очень хочет понять: что за уловка, надо ли Катю бояться, можно ли будет поесть?..

Вовка сердито шепнул:

— Вот тебе и не охотница!.. Уйдёт Васька!

Я глядел сквозь щель на Василия и мысленно уговаривал его: «Чего же ты боишься, дурачок? Ты не бойся! Посмотри, какая она добрая! Ну, смелее!.. Это ведь просто девочка!»

И Васька наконец стронулся с места, пошёл. Но так медленно, будто он весь заржавел. Только что скрипа не было слышно. Несколько раз он останавливался.

— Отдыхает, — улыбнулся Вовка, — как старичок.

— Храбрости набирается!..

А ведь и правда: нашему Василию надо было на многое решиться. Теперь уж он точно знал, что еду подкладывают ему специально. И он всерьёз должен был пораскинуть своим не очень-то сообразительным умишком: либо уйти навсегда, если это опасность, либо остаться — дружить... Васька не убежал, остался. Он решил дружить!..

В общем-то, я подозреваю, что главными его друзьями были миски, а вовсе не мы. Но может быть, это не так уж и важно? Главное, что мы сами полюбили Василия — за его доверчивый и простой нрав... Вообще — за то, что он серый, колючий, рыжеватый; за то, что он наш!.. Сначала нам просто было интересно наблюдать за ним. А теперь вот, оказывается, мы его полюбили...

С тех пор каждый вечер мы все трое выходили на крыльцо и оттуда наблюдали за Васькой. А он занимался своими мисками.

Однажды, когда Василий уже почти покончил с едой, я, как будто нечаянно, уронил кусочек колбасы. Колбаса была ярко-розовая, пахучая, с аппетитными капельками жира. Ёж её сразу заметил. Повернулся к ней носом, но подойти не решался, стоял и пыхтел — совсем как Вовка, когда он сердится. Однако — лакомство нешуточное, упускать жалко. Тихо-тихо Василий подобрался к колбасе, недоверчиво её понюхал.

— Ешь, Васька, — сказала Катя, — не бойся.

И ёж стал есть, как будто правда послушался. А Катя тихо приговаривала:

— Вася, Вася, хороший, Вася, Василий, Васька...

Вот так мы подружились с ним. Под конец он уже совсем перестал нас бояться. А у Кати брал еду прямо из рук. Но тут случилась беда.

Как-то утром, почти перед самым нашим отъездом в город, ко мне в комнату влетел Вовка — вид отчаянный:

— Ваську поймали!

— Не может быть!

— Да говорю же — поймали!.. Он у Егоровых в клетке сидит.

Егоровы — наши соседи. Кроме взрослых, там два мальчика, братья — Вадим и Саша, Вовкины приятели. Вовка им, конечно,

рассказывал про ручного ежа. Вот братья, наверное, и выследили Василия. А Васька — несмышлёныш! — решил, как видно, что его никто из людей ловить не будет, потому и попался...

К Егоровым сходила Катя и тоже признала в пойманном еже нашего Василия.

— Он у них ничего не ест и молоко не пьёт, сидит всё время в углу. — Катя заплакала. — А меня узнал даже через решётку...

— Не плачь, — сказал я, — что-нибудь придумаем.

Катя вытерла слёзы:

— Сходи к ним и скажи, что это наш ёжик. Ты ведь взрослый!

— Васька не наш, — ответил я, — он лесной. Это ж тебе не собака и не кошка. Мы ведь его даже не ловили, какой же он наш?

— Вот и выходит, — грустно заметил Вовка, — что надо было его ловить!

Помолчали.

Я спросил:

— Может, выменять Василия на что-нибудь? Вовка, как ты думаешь? Они ведь твои приятели.

— Не выйдет, — ответил мрачный Вовка. — Я уже пробовал, — он насупился ещё сильнее, — я им всё предлагал... Я им даже нож предлагал!

Нож у Вовки был отличный: настоящий полуохотничий, с костяной ручкой. Теперь таких ножей не достанешь.

— Ну, значит, надо придумать ещё что-нибудь.

— А что? — спросил растерянно Вовка. — Я не знаю!..

Честно говоря, я сам не знал, что тут можно придумать... И вдруг наша тихая Катя сказала:

— Надо украсть Василия!.. Вернее, не украсть, а просто выпустить на свободу. Надо устроить ему побег!

Вовка вопросительно посмотрел на меня. Понятное дело, он-то был согласен. Но как быть мне? Ясно ведь, что взрослые так вроде бы поступать не должны... И всё-таки я сказал:

— Ладно, я согласен!

— Ура! — закричал Вовка и бросился на меня.

Однако я остановил его:

— Ты, Вовка, не шуми: мы теперь, брат, заговорщики, всё должны делать втайне и под покровом темноты.

— Ну, до покрова темноты ещё далеко, — махнул рукой Вовка.

— Во-первых, не так уж далеко, а во-вторых, нам ещё нужно разработать план действий.

— Как это? — спросила Катя.

— Ну, всё продумать заранее... Например, мы знаем, где эта клетка с Василием?

— Знаем, — ответила Катя, — во дворе, за егоровской дачей.

— А вечером её не унесут в дом?

— Нет, — сказал Вовка, — она на колышках, в землю врыта. Там раньше у них кролики жили.

Часов в десять вечера мы вышли из дому. Было уже совсем темно, тихо, только крупные августовские звёзды горели над головой. Мы подошли к даче Егоровых — в окнах ни огонька. Катя осталась на дороге: она должна была подать сигнал, если кто-нибудь покажется. Мы с Вовкой подошли к егоровскому забору. Я протянул ему свою старую шляпу.

— Положишь сюда Ваську, — шепнул я.

— Ладно. — Он сунул шляпу за пазуху.

— Записка при тебе?

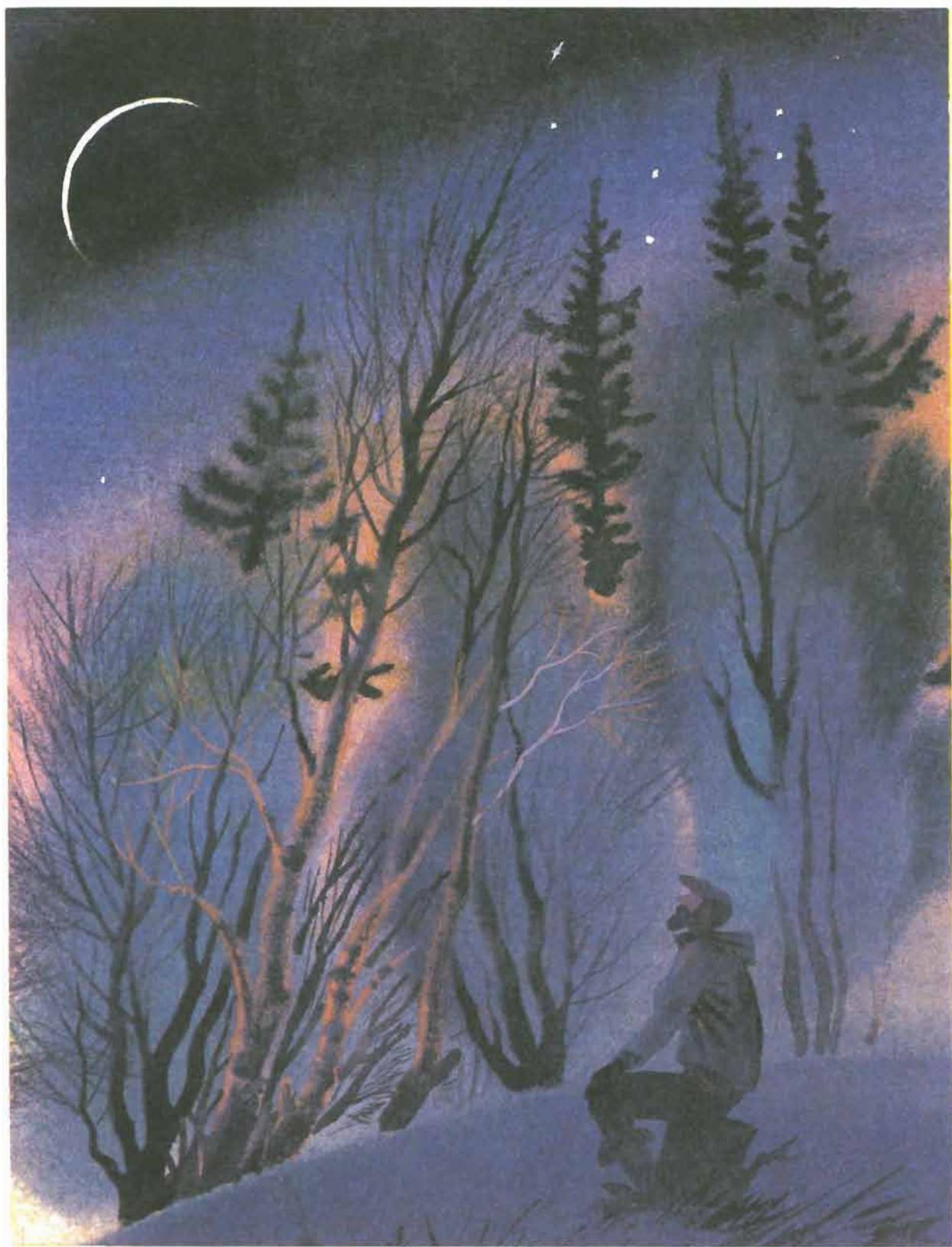
— При мне.

— Ну тогда действуй!.. Ни пуха ни пера!

Я посадил Вовку на забор и через секунду услышал, как он спрыгнул в сад. Вовка должен был пробраться к клетке, взять Василия и оставить записку, которую сам и придумал: «Ёж отпущен на свободу. Неизвестные». Конечно, по этой записке Егоровы могли кое о чём догадаться. Но мы не хотели действовать, как воры!

Прошло две минуты, три, пять. Вдруг послышалось: «Мяу!» Это был Катин сигнал. Я плотнее придвинулся к тёмному забору. По дороге прошёл какой-то запоздалый дачник. Перед лицом у него прыгал оранжевый уголёк папироски...

Едва незнакомец пропал в темноте, за забором в глубине егоровского сада чуть слышно зашелестела, зашептала потревоженная листва — это крался Вовка. Вот скрипнул забор. Я

шепнул: «Давай!» — и взял из Вовкиных рук свою здорово потяжелевшую шляпу...

Дома, у крыльца, мы осторожно выкатили Василия из шляпы. Он лежал надутый, как футбольный мяч, пыхтел и ни за что не хотел разворачиваться — видно, натерпелся страху. Катя позвала:

— Вася, Васька!..

И ёж вдруг... развернулся! Он сразу узнал старое место и учуял нас. И, может быть, даже кое-что понял. А может, и нет. Но, по крайней мере, он не убежал от нас, как от врагов, а направился к своим мискам. Они были полны — об этом, как видно, позаботилась Катя.

Васька, изголодавшись за целые сутки, сопел и чавкал. На этот раз мы даже разрешили ему влезть в миску с ногами!

А на следующее утро, едва мы поднялись, Вовка, который всегда всё видел первым, тревожно сказал:

— Егоровы идут!

Сказал и спрятал в карман руки, исколотые вчера об Василия...

Дверь распахнулась, и вошли братья. Вид у них был решительный:

— Это вы отпустили нашего ежа?!

Я хотел сказать, что коли они пришли в дом, так неплохо бы поздороваться с хозяевами. Но сейчас было не до того — надо отвечать на вопрос. И я ответил:

— Да, мы!

— А какое вы имели право?! — крикнул Вадим. Он был старший.

— Никакого, — ответил я, — никакого права мы не имели... Ну, а вы? Какое вы имели право ловить ручного ежа?

— Он был не ваш!

— Да. Не наш. И ничей. Он был лесной. Но этот ёж поверил, что от людей ему зла не будет. Мы его в этом убедили... Я не знаю, может, вам нравится, что, куда ни придёшь, от тебя, как от чудовища, все врассыпную — и звери, и птицы... На что уж насекомые — не очень-то сообразительные, и те понимают — бегут во все лопатки!.. А мы трое... мы хотим, чтоб стало по-другому...

Вадим недоверчиво хмыкнул, а младший мальчик, Саша, сказал:

— Ну и всё равно! Кому этот ёж расскажет, что его не ловили? Он и говорить-то не умеет.

— Не бойся, — сказала Катя, — умеет!.. Он всему лесу расскажет, всем ежам.

— Ну и всё равно: ежи будут знать, а люди не будут. И опять ежей ловить станут!

— А может, и люди узнают! — крикнул Вовка.

— Как же они узнают?

Вовка и сам этого не знал — не придумал ещё. Он посмотрел на меня. И тогда я сказал, что раз на то пошло, то я возьму да и опишу эту историю.

— Какую историю? — спросил Саша.

— А про то, как был ёж, как он стал к нам ходить, как он нас сперва боялся, а потом нет, как он узнал, что его зовут Василий, как вы его поймали, и как мы — отпустили, и как он к нам снова потом пришёл...

Я почувствовал, что Саша нам верит. Но вдруг Вадим зло сказал:

— Ты что, Сашка, глупенький — сказки слушать?!

Потом он повернулся ко мне:

— Ежи разговаривать не умеют! Никакой истории не будет! Учёный ёж сюда больше не придёт! Просто вам стыдно, вот вы и выкручиваетесь!

И братья ушли, громко хлопнув дверью...

Я, честно говоря, не знаю, умеют ежи разговаривать или нет. Но вот люди умеют. Они и читать умеют. И теперь, Вадим, когда эта история всё-таки появилась, пусть все скажут, кто же был тогда прав — ты или мы...

А Васька в тот день к нам всё-таки пришёл. Только попозже, когда стемнело.

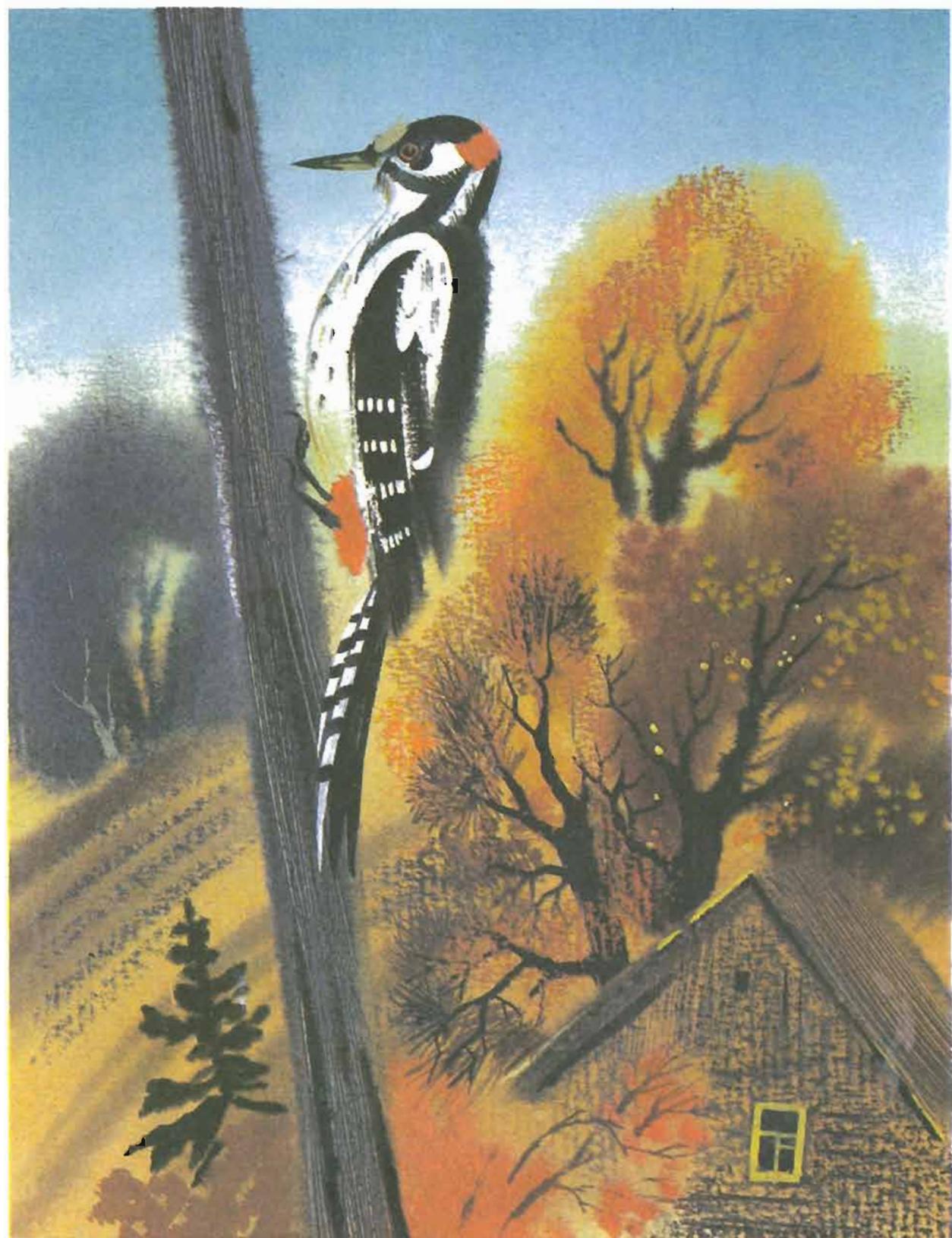
СТУЧИ-СТУЧИ, ДЯТЕЛ!

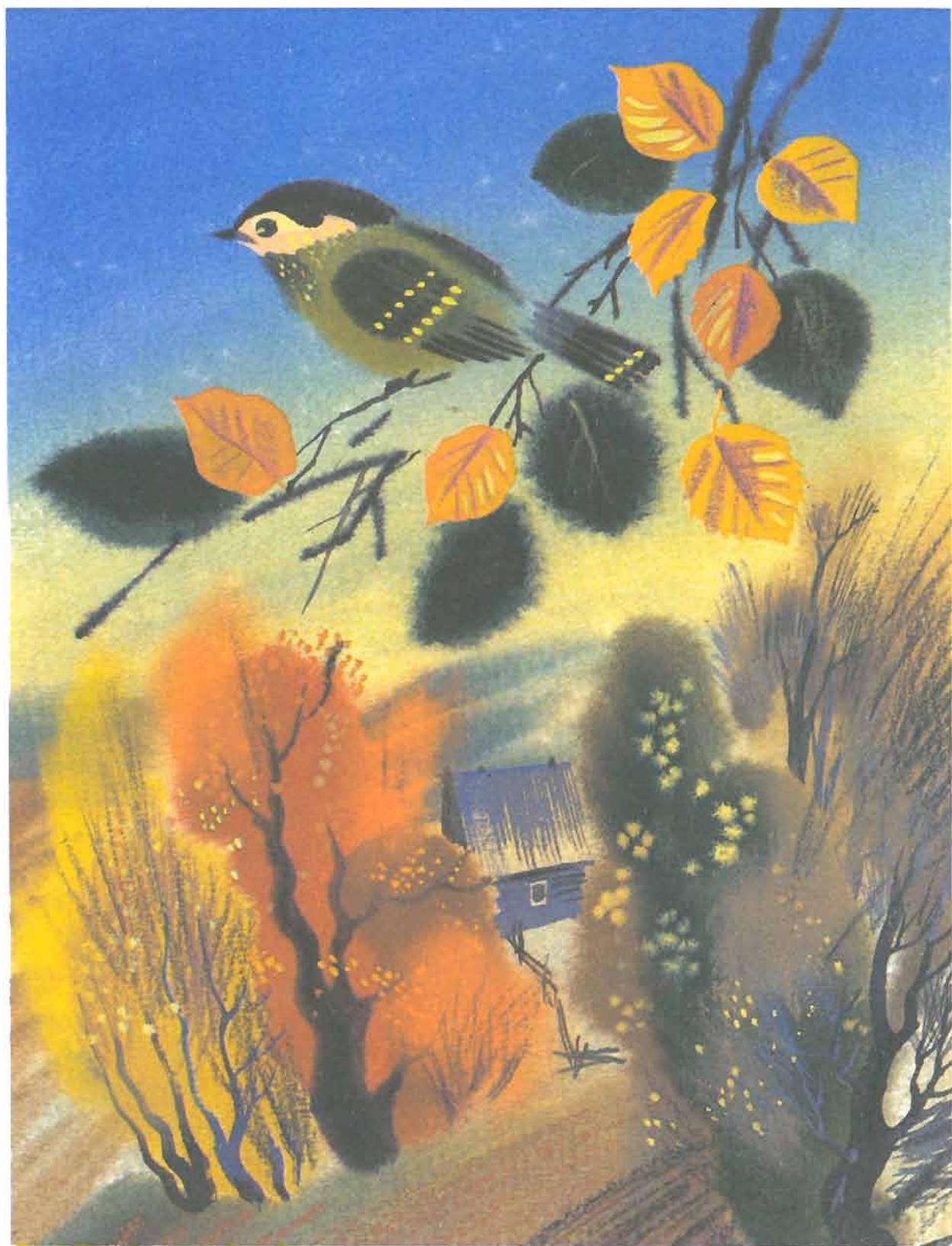
В сентябре на даче пусто. А погода всё ещё стоит необыкновенная: тихо, солнечно, прозрачно, с одного конца прямой как стрела улицы я легко вижу, как на другом её конце медленно шагает одинокий прохожий...

В эти пустынные и погожие сентябрьские деньки в посёлке как будто наступает вторая весна, только осенняя — тихая, неторопливая. На пустых жёстких дорогах пробивается молодая трава. В полдень припекает, и от земли идут к небу дрожащие столбы воздуха. Но с берёз падают и падают листья.

На всё лето распуганные людским шумом, теперь в посёлок возвращаются осторожные сороки, вороны, дятлы. Один дятел почти по целым дням проводит у нашего дома... Забавная птица! Я сперва никак не мог понять, что он делает. Высоко над крышей у нас торчит шест телеантенны — это уже немного потемневший, давно высохший еловый ствол. Даже отсюда, снизу, видно, какие глубокие трещины расползлись по его бокам...

И вот появился дятел. Подлетел к нашей антенне, побегал-побегал по ней вверх-вниз на своих цепких лапах. Но вот остановился — видно, нашёл то, что искал. Я с земли за ним наблюдаю. Интересно, что будет дальше. А дятел повозился ещё немного, устроился поудобнее, уселся на свой короткий твёрдый хвост, словно на табуретку, и принялся долбить антенну. Я удивляюсь: для чего это ему? Неужели завелись в старом дереве червяки? Да нет, не может этого быть. А потом и дятел, как видно, никого не собирает искать, долбит и долбит в одно место. Стукнет раз десять — остановится, откинёт голову, словно

осматривает свою работу, и снова колотит. Вот это клюв! Наверно, крепче железа!

Так дятел долбил часа два, а то и больше. Я уже успел сварить себе обед, дочитать книжку, пообедать, а он всё работал...

Торопливое осеннее солнышко уже гуляло по самой земле, между деревьями дальнего леса, когда дятел вдруг перестал долбить, вскинулся и улетел. Полёт у дятлов немного смешной и странный: они быстро-быстро машут крыльями, а летят не очень быстро, и кажется, что кто-то невидимый держит их с земли за ниточку.

На следующее утро я проснулся ни свет ни заря. То есть, конечно, были и свет и заря, но всё равно очень рано! А проснулся я оттого, что по всему дому гудело: бум-бум-бум... Я вышел — дятел опять долбил антенну. Вот поди ж ты! И что он такого вкусного нашёл в этой антенне? Я решил запастись терпением и всё-таки узнать, что же задумал дятел.

Когда время подошло к обеду, он снова улетел, и теперь я уже мог рассмотреть, в чём состояла его работа. Оказывается, дятел зачем-то расширял одну из самых глубоких трещин. Вернее, он делал в этой трещине продолговатую ямку. Я не знал, закончена его работа или нет, потому что всё ещё не мог догадаться, для чего он это затеял.

Дятел долго не прилетал, и я, занявшись домашними делами, забыл о нём. Вдруг, почти уже вечером, дом снова загудел, словно бубен. Дятлу подпевало каждое бревно и каждая доска моего дома, как будто все они вспомнили наконец то время, когда сами были деревьями и длинноносый работяга простукивал их бока.

Я глянул вверх... Вот в чём дело! В продолговатую ямку, над которой дятел так упорно трудился, была вставлена спелая еловая шишка. И дятел долбил, ерошил её — выковыривал семечки.

Теперь уже он действовал своим клювом не только как тяжёлым долотом, но и как шильцем, как буравчиком, отвёрткой — теперь-то работа стала куда хитрее! Я приглядываюсь внимательней. Вот дятел стукнул осторожно по шишке, отогнул одну её чешуйку. Затем ещё раз ткнулся носом в то же самое место, словно что-то обнюхивал. На самом деле это он слизнул семечки, которые на отколушенной чешуйке лежат теперь, как

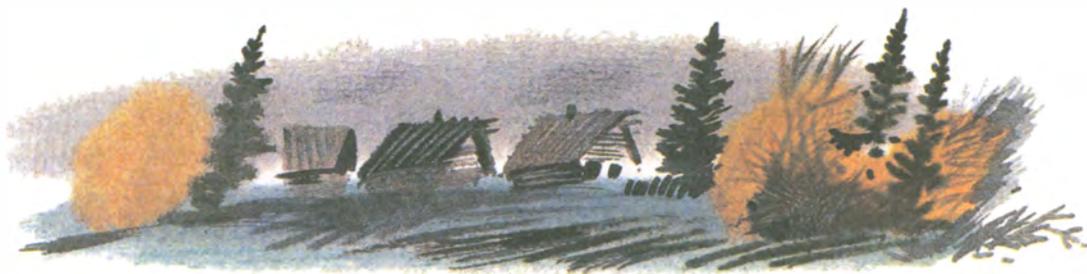
на блюдце. А язык у дятлов длинный — под стать клюву, — тонкий и клейкий, очень удобный в такой работе!

Когда с одного бока шишка оказалась выпотрошенной, дятел подцепил её клювом, вынул, повернул другим боком, вставил... и снова за работу.

Прошло ещё какое-то время, вдруг дятел перестал долбить, вскинулся опять неожиданно и полетел-полетел, как всегда слишком быстро махая крыльями. А шишка так и осталась торчать в антенне. Однако минут через пять дятел явился с новой шишкой. И лишь теперь он выкинул пустую шишку, вставил свежую. Я заметил, что он так делал всегда, пока «работал» на моей антенне. Может быть, другим дятлам давал знак, что занято... Уже много времени спустя, когда дятел улетел и когда я уехал в город, я узнал, что такую ямку, в которую дятел вставляет шишку, называют наковальной. Что ж, дятел и правда немного похож на сельского кузнеца!

В тот погожий сентябрь дятел начинал свою весёлую и всегда одинаковую музыку с самого утра. Доски, балки, толстые брёвна, из которых был сложен дом, гудели, откликались низким густым пением. Так и повелось, что каждое утро дятел будил меня. И ни разу мне не захотелось пойти прогнать его. Почему?.. Звуки, от которых мы просыпаемся, бывают разные — хорошие и плохие. Плохо, когда над тобой закричит непрошенный транзистор или в ухо начнёт завинчиваться какой-нибудь скрежет, треск. Другое дело, если тебя разбудит дятел, или музыка лесного ветра, или гул морского прибоя, или пение птиц... Несколько раз в своей жизни я просыпался от пения птиц и ни разу не был раздосадован этим.

ПИСЬМО

С конца весны и до середины лета мы не были на даче. А когда приехали — ахнули! Без хозяйского глаза всё буйно разрослось, стало каким-то чужим, диким... Над участком клубники там и здесь развевались высокие султаны травы. Помидоры и огурцы почти совсем потерялись в чащобе сорняков.

И сам наш дом тоже как будто незнакомым стал. Сквозь щели в полу террасы пробивались какие-то бледные ростки, по стене — от пола к потолку — пролегла муравьиная дорога, в пустых комнатах хозяйничали мыши. Но самое неожиданное было в почтовом ящике. Там свили гнездо осы. Одной стороной оно упиралось в железную стенку ящика, другой в письмо. И видно, письмо это уже давно поджидало нас здесь.

Начались споры, как поступить.

— Письмо надо вынуть! — сказал Вовка.

— Письмо вынешь, а гнездо разрушишь, — ответила Таня.

И Вовка был прав, и Таня была права. И между прочим, я почти точно знал, что это письмо для меня: Вовка с Таней писем пока ещё не получают.

Вовка сказал:

— Если б хоть были пчёлы, а то осы!.. Осы не приносят людям никакой пользы!

— «Пользы, пользы!»! — рассердилась Таня. — Что же, нам разрешается всё ломать, что не приносит пользы? Кто это тебе сказал?

Так мы и не знали, что нужно всё-таки сделать. День шёл за днём, склеивались недели. А письмо продолжало лежать в ящике, над которым постоянно как бы вился дымок — это влетали и вылетали осы.

В конце июля вдруг размокропогодилось, редкий день обошёлся без дождя. И по всему было видно, что письмо наше промокает всё до последней буковки!

— Письмо, конечно, не моё, — говорил Вовка, — но будет обидно, если там что-нибудь важное. Все слова уже, наверно, расплылись.

— Если б там было написано важное, — ответила Таня, — то уже что-нибудь бы произошло. Но ведь ничего такого не происходит!..

В конце августа осы вдруг исчезли. Может, они вылетели все разом, как облако дыма из паровозной трубы, может, по одной — длинной-длинной цепочкой, может, ещё как-нибудь... Я не знаю: мы этого не видели. Просто мы однажды заметили, что гнездо опустело.

— Вот и улетели, — сказала Таня, — даже не попрощались!

А Вовка уже бежал к почтовому ящику... Он вынул гнездо, которое было похоже на кулёк, свернутый из очень плохой серой бумаги.

— Не ломай его! — крикнула с террасы Таня.

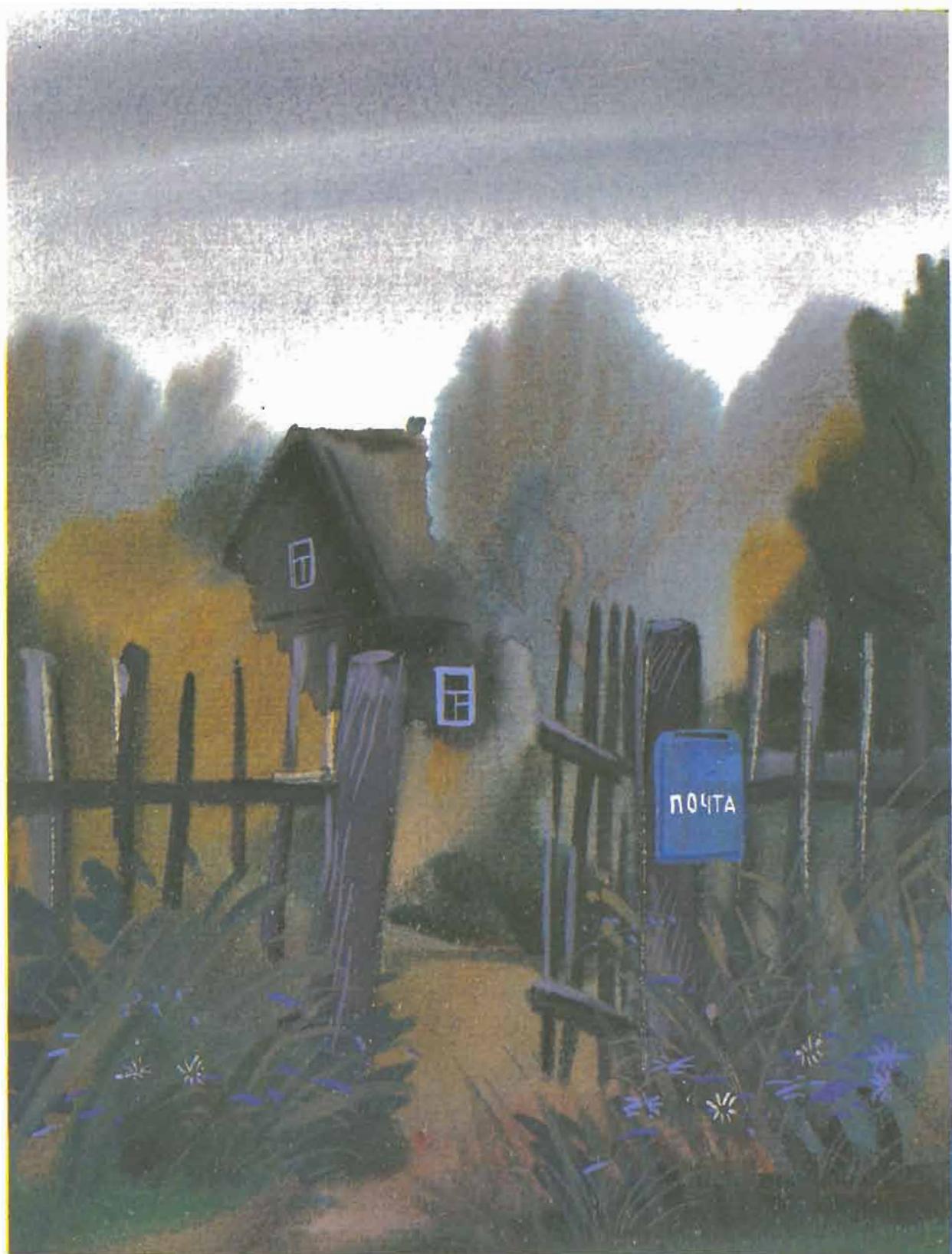
— Зачем мне его ломать, — пожал плечами Вовка.

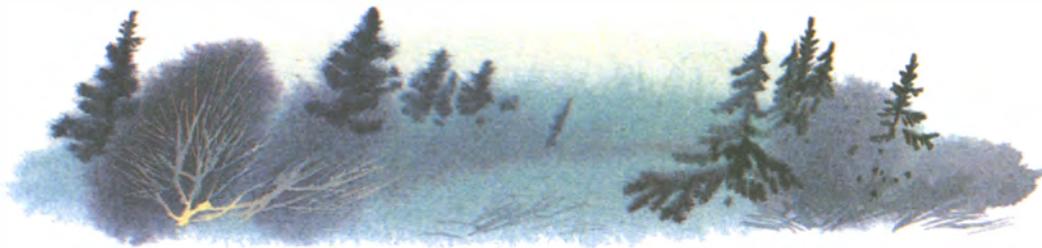
Письмо почти не пострадало, и было оно не мне, не Вовке, не Тане, а всем нам вместе. Один наш знакомый писал, что заезжал к нам как-то в начале лета, не застал никого дома и вот оставил под крыльцом банку черешневого компота.

Мы заглянули под крыльцо. Там действительно была эта банка. Она вся проржавела, и компот прокис.

— Эх! — махнул рукой Вовка. — Самый мой любимый компот! Если говорить честно, то и мой тоже.

Вот и весь рассказ. О чём же он? То ли о том, какую необыкновенную штуку выкинули осы. То ли о том, что жаль терять компот из-за каких-то ос. То ли о том, что жаль разрушать даже и осиное гнездо из-за какого-то компота!..

ЯБЛОКИ И ЗВЁЗДЫ

Август. Что ни листок календаря, пропадает минута, две, три. А зато сумерки долги. Закаты горят — бледнеют, бледнеют, а всё не могут потухнуть. У горизонта долго ещё виден высокий еловый лес. Небо бледное, светлое — как разбавленное водой. А лес чёрный — ни единой щёлки. Правда, что стена!

Но вот пропал и этот, самый последний закат. Длинные, в небо головой сосны, что растут близко за нашей оградой, медленно уходят в темноту, словно путники. Теперь из всего, что есть в мире, остаются только звёзды...

Августовские вечера. В них летнее тепло настояно на холоде будущей осени. От этого родятся туманы. Они клубятся и ползут вниз, пряча реку и луг. К нашему дому, на бугор, им не добраться.

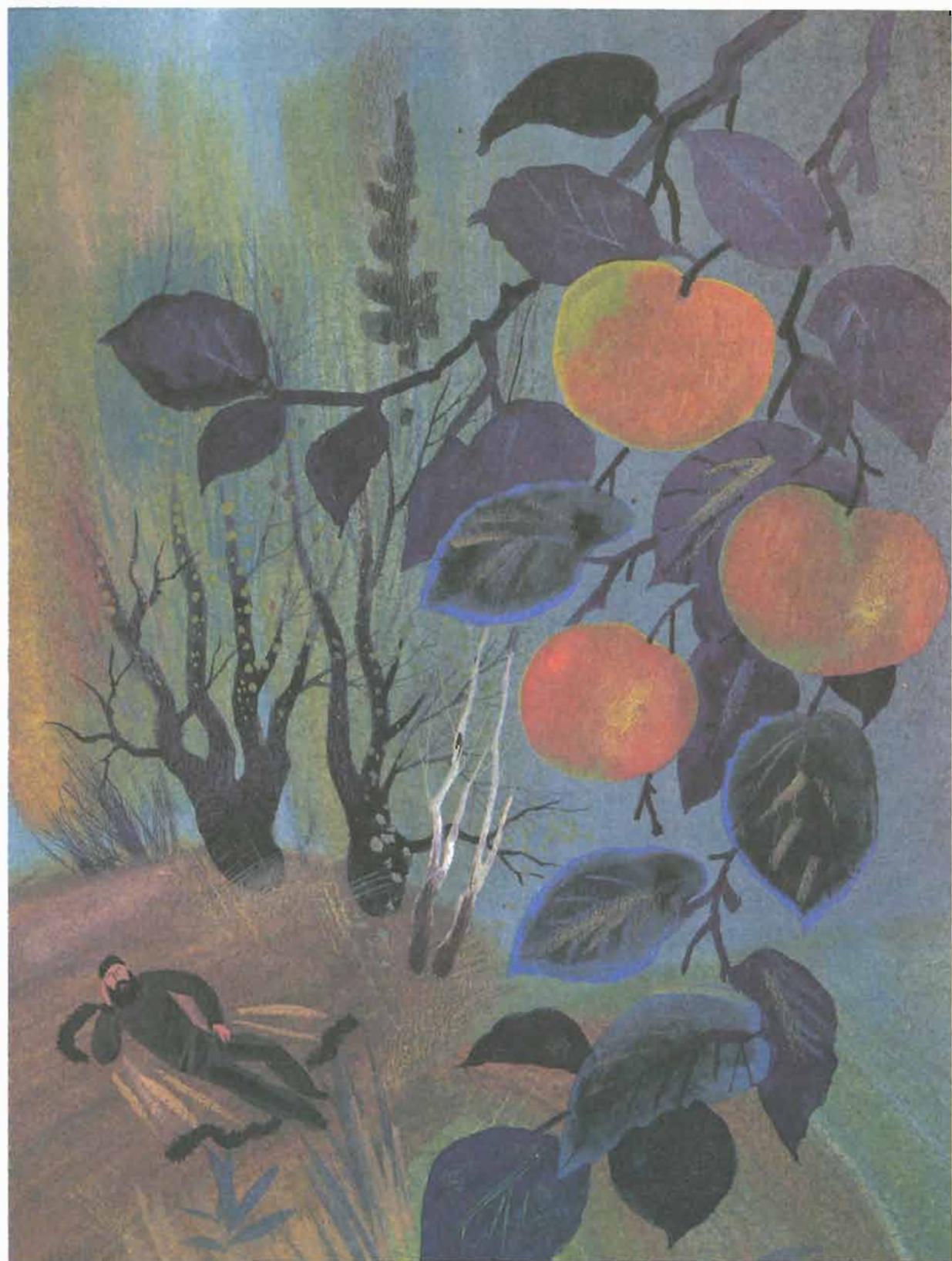
Странно смотреть, как они там шевелятся и перестраиваются, словно старинные войска перед атакой.

В небе крупно висят спелые августовские звёзды. Словно спелые яблоки.

Я лежу на чёрной траве у самого края дороги. Можно протянуть руку и потрогать её гладкую чуть влажную глину. За оградой, шагах в двадцати, стоит не шелóхнется наш сад.

Лежать совсем не холодно, и кажется, что так можно пролежать всю ночь. Трава мягка и упруга, на траве старый овчинный тулуп. А на тулупе я — руки за головой, глаза в небо. Огромный круг неба и маленький круг человеческого лица...

В августе небо интересное. Звёзды совсем близкие и в то же время таинственные. Смотришь, смотришь на них — и вдруг так сердце защежит, что не сумел ты стать ни космонавтом, ни

астрономом... Вон, словно маленький корабль между льдинами, плывёт между звёзд огонёк — спутник. Теперь их стало много! Час вот так полежишь, хоть одного да увидишь. Летит там одинокий, среди холода и вечной пустоты. А мы снизу, из темноты, посмотрим на него.

Но ещё интереснее, чем на спутники, смотреть на падучие звёзды. Про это давно известно — что август такой особый месяц для звёзд. Так было и когда человек ещё жил в пещерах, и когда он по звёздам научился узнавать в океане дорогу. Так и теперь, когда навстречу падучей звезде по небу бежит спутник.

Вон-вон, смотри! Звезда покатила над головою у самой высокой сосны и вниз, через всё небо, туда, где стоит у горизонта невидимый сейчас еловый лес.

Как ярко они падают!

И как тихо... Ни звука от них, ни шороха. Даже единый лист не вздрогнет. Вся природа будто уснула. Будто ей дела нет до падающих с неба звёзд.

И всё-таки если прислушаться очень чутко, если всё забыть на время и только слушать, то можно услышать, как иногда от чего-то вздрагивает земля... Нет, даже не вздрагивает, а какое-то эхо по ней пробегает. Добежит до тебя и замрёт — такое слабое.

Я долго не мог понять, что это. Смотрел на августовские ненадёжные звёзды и гадал... Может, мне это кажется? Может, просто сердце иной раз стукнет посильнее, а ты думаешь, что...

Но потом я понял: это слышно, как ударяются о землю яблоки в окрестных садах. Августовские яблоки, как и августовские звёзды, тоже все налитые и на редкость падучие.

Так вот лежишь — один, среди садов, среди неба — и смотришь и слушаешь: то звезда упадёт, то яблоко. То опять яблоко, то звезда...

НА РОДИНЕ

Тишина. Стою босой по колено в июльской траве. Над головой неподвижно плывёт большое белое облако. Семнадцатое число, самая макушка лета. Тишина. Реки не слышать — слишком тиха. И ветра не слышать... И не слышно того самолётника, что чертит белый след по самой небесной тверди — выше облака и выше всего. Тишина. И самый громкий здесь звук — удары моего сердца: секунда, секунда, секунда, секунда.

Говорят, по окрестностям больших городов полевые цветы стали чуть ли не редкостью. Особенно колокольчики... Здесь их вдоволь! И вдоволь ромашек, пастушьей сумки, и львиного зева, и капельных ярко-жёлтых цветков калгана — целебной травы.

«Целебной травы...» Я написал эти слова и задумался. Потому что нет на свете нецелебных растений!

Это поможет быстрее заживить оцарапанный палец, настойка из этого успокоит головную боль, а то надо заварить вместо чая и на ночь — простуду как рукой...

Но может быть, самое целебное не пить их настои, не прикладывать к ранам, не делать из них снадобья и мази. Самое целебное — прийти сюда однажды и вот так постоять по колено в траве. И узнать, что самый громкий звук на свете — удары твоего сердца: секунда, секунда, секунда, секунда...

Простое чудо июльского луга — синева, зелень, цветы, солнце. Такое привычное и такое необходимое нам.

И такое хрупкое... Да, хрупкое. Теперь уж мы точно знаем, что чудо июльского луга надо беречь.

Беречь... Как? В заповедниках? Что ж, и это хорошее дело. Но ведь каждую ромашку не посадишь под замок и каждый ручей не упрячешь за ограду. Да и не нужно! И даже обидно: разве мы дикие звери или браконьеры, чтобы бессмысленно убивать палками колокольчики или бросать в ручей консервные банки... Мы хотим с ними дружить — и с этим ручьём, и с колокольчиками. Родная природа, мы любим тебя, мы не сможем да и не хотим жить без твоей целебной доброй помощи.

Спокойно дыши, июльский луг. Спокойно плыви в синеве, белое облако. Мы, люди, твои верные помощники, защитники и друзья.

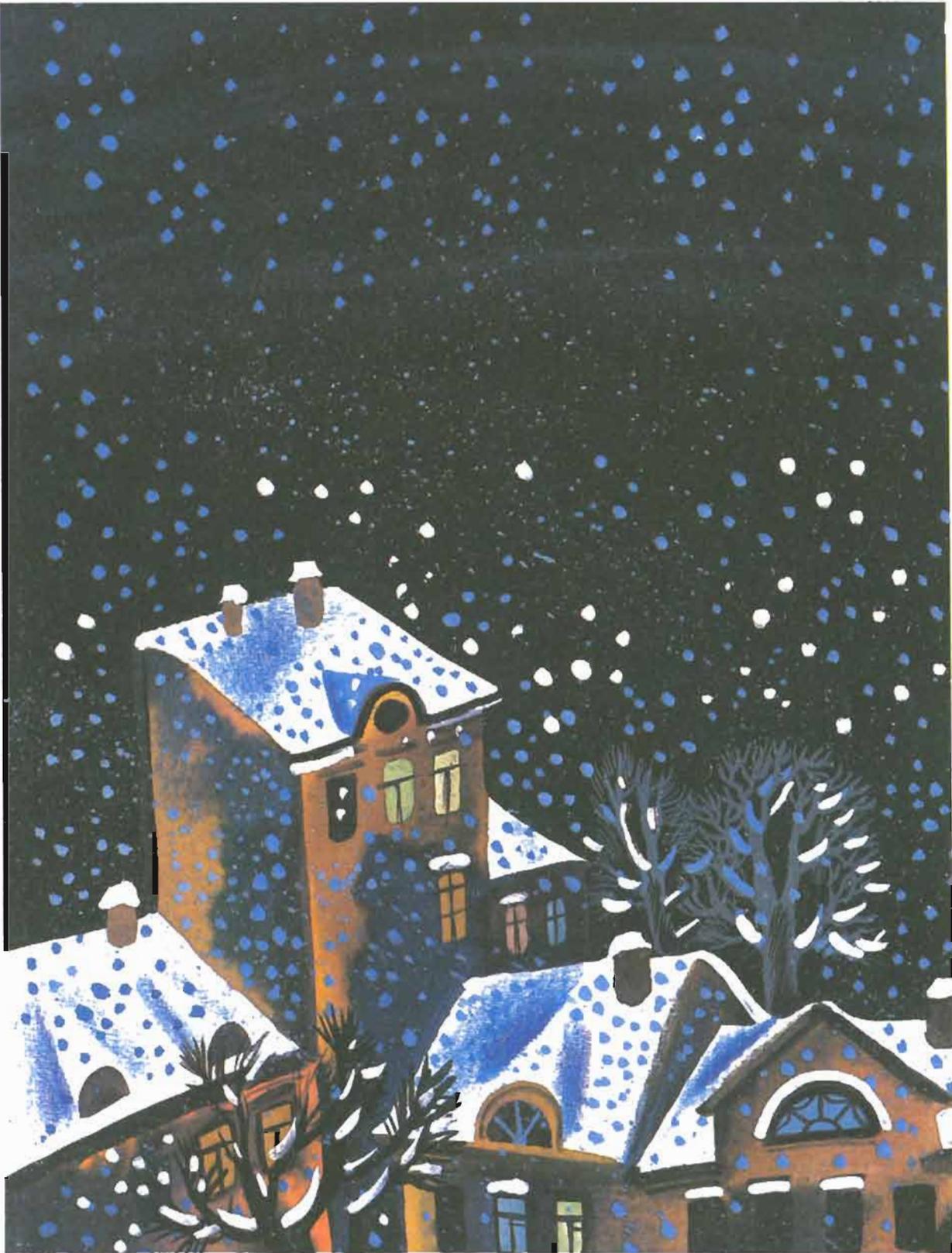
А тот, кто ещё не стал таким, пусть становится как можно скорее!

ЗИМНЯЯ ДЕВОЧКА

Повесть

НЕСЛЫШИМЫЙ ЗВОН

Проснёшься — и не знаешь: то ли ещё ночь, то ли уже утро, — так бывает поздней осенью. Таня лежала в кромешной темноте и смотрела туда, где было окно, сейчас почти неотличимое от стены.

Незаметно для себя она к чему-то прислушивалась, что-то надеялась услышать — какой-то тихий звон, что ли?.. И наконец услышала его. И почувствовала себя лёгкой-лёгкой...«Сейчас выскользну из-под одеяла, к форточке подплыву, и...»

И тут поняла, почему такой лёгкой кажется себе, и почему может слышать тихий звон, какого никогда и нигде не бывает, и почему ветер, что шевелит занавеску, так прохладен и чист, как в большом городе случается один раз за все триста шестьдесят пять ночей. Дело было в том, что несколько минут назад на Москву стал падать первый в этом году снег.

Не в силах больше пролежать и секунды, Таня встала, открыла балконную дверь, босыми ногами ступила на каменный пол, на воздушный, толщиной в две снежинки, белый коврик. Обняла плечи руками и стояла так — в одной только ситцевой ночной рубашке.

Снег летел реденький, несмелый. Тихо дышащий ветер поддувал его в Танину сторону. И было так хорошо кругом, так тихо, так свободно и честно! Все, кто не спал, слушали и ловили с Таней этот снег: деревья, молчаливые сейчас дома, легковой автомобиль, голос которого донёлся с какой-то далёкой улицы...

— Танечка!

В темноте Таня увидела бледную фигуру.

— Я же не простужусь, бабушка, — сказала она тихо.

— Да я знаю, — ответила почти невидимая бабушка. — Боязно мне... Закрой, пожалуйста, дует очень.

ПОЛЖИЗНИ ТОМУ НАЗАД

Таня сама не знала, почему она так любила холод. В ванной всегда открывала самую ледяную воду. Бабушка говорила:

— Ты у меня оттого и такая худенькая.

А Таня что ей могла ответить? Только плечами пожать да улыбнуться.

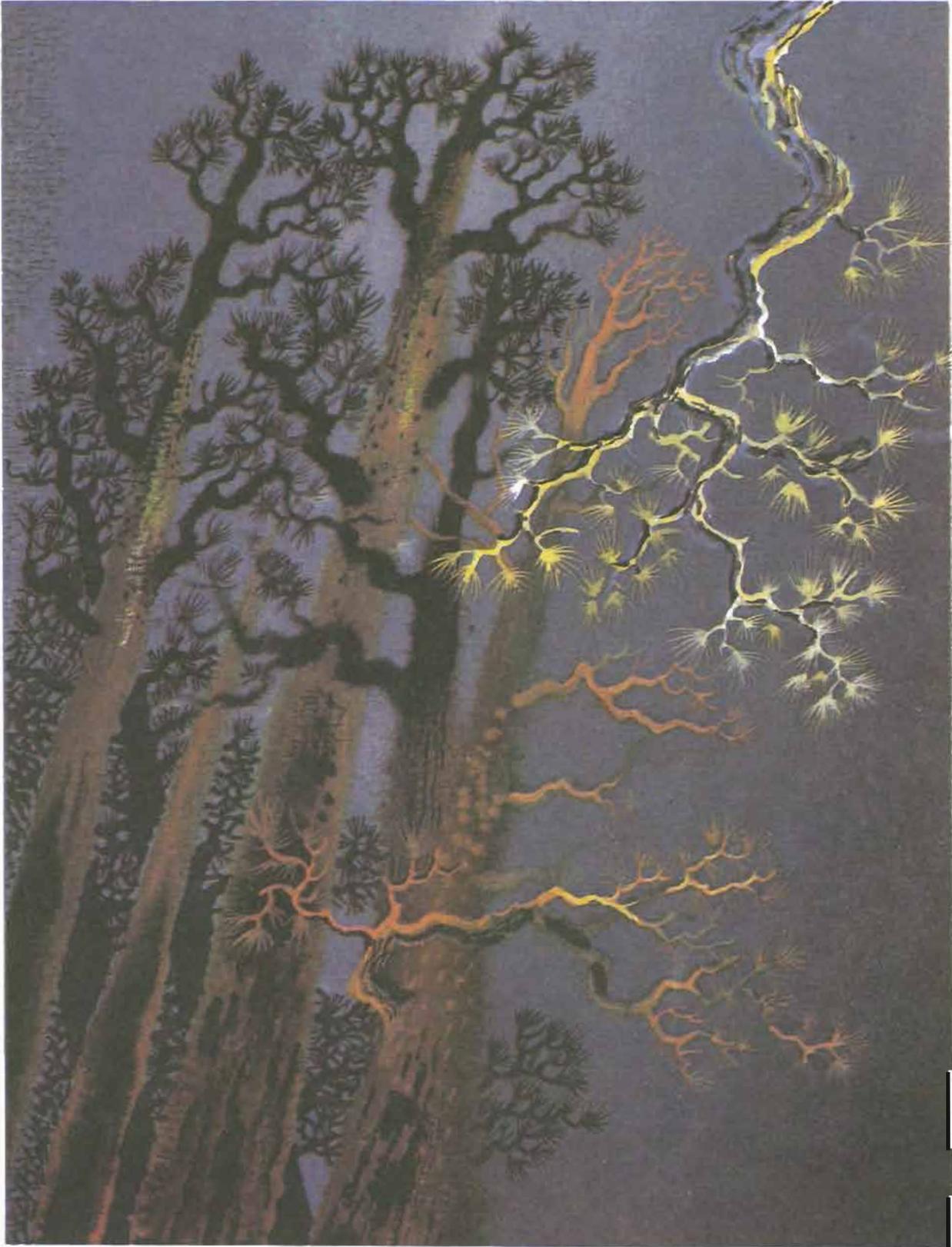
И со снегом у неё были особые отношения. Если по радио объявят: «Местами снег», то можно спорить, что у Таниного дома он будет обязательно. Снеговая туча всё московское небо переплывёт из конца в конец, а над их улицей встанет на дыбы, как кузов самосвала... Это могло бы считаться сказкой, если б не было правдой.

Снег, лежащий на земле, Таня жалела, как многие жалеют палую листву. А радовалась она снегу летящему! Казалось ей, когда метель тебе навстречу, когда ветер, наполненный снежинками, то можно и полететь. Но не по-птичьи, а как бы поплыть... Вы во сне летали? Значит, поймёте, на что это было похоже. Только Таня никогда не могла решиться. Вроде бы чего тут решаться-то? Подпрыгни, и всё. Вот и ветер подходящий... Но вдруг да правда полетишь?..

Однажды в первый снег с Таней случилось самое страшное, что только случалось с ней в жизни. И самое счастливое. Да, так вот странно слилось.

Это было давно — больше полжизни назад: сейчас Тане семь, а в то ноябрьское утро было три.

И она почти не помнит тот свой страх. И помнить не хочет! Но и не может забыть... Как она бежит сквозь снег в одном платъице белом. И белые волосы путаются на ветру.

Да, вот представьте себе: по скверу с угольными, застывшими на холоде деревьями в реке летящего снега бежит девочка. Глаза ей застыт слёзы. Что она бежит — куда или от кого, — она не знает. Но ей отчего-то страшно, и потому кажется, что она потерялась.

— Бабушка! — кричит она. — Бабушка-а!

И вдруг какая-то пожилая женщина, которая шла по скверу, грустно улетя мыслями далеко в другой город, далеко в другой год... Вдруг эта женщина испуганно обернулась:

— Таня!

И подхватила девочку — почти уже падающую. Как только могла скоро, побежала домой — хорошо, близко жила.

А прохожие оглядывались на эту очень странную пожилую женщину с очень странной маленькой девочкой на руках:

— Да разве можно так выпускать ребёнка?.. И родители хороши: оставлять девочку на какую-то сумасшедшую старуху!

И дальше всё в том же роде.

А женщина в ответ лишь повторяла:

— Извините, извините...

Потому что ведь прохожие-то были правы... И в то же время совсем не правы: женщина впервые в жизни видела эту девочку. И вовсе не знала, что её зовут Таня. Имя это просто вырвалось случайно. Она очень хотела иметь дочь. И назвать её именно Таней. Но какая уж там дочь в её возрасте, с её одиночеством. Судьба поступает далеко не всегда так, как нам хотелось бы, — в этом, к сожалению, вы сами ещё не раз убедитесь.

Сейчас женщина ни на что не надеялась в своей жизни. И когда она подхватила на руки бегущую девочку, она тоже, конечно, ни на что не надеялась. Лишь нечаянно выкрикнула: «Таня!»

Она принесла девочку домой — как же оставишь ребёнка в одном платьице да на холоде? И стала немедленно писать объявления, что нашлась девочка с такими-то и такими-то приметам...

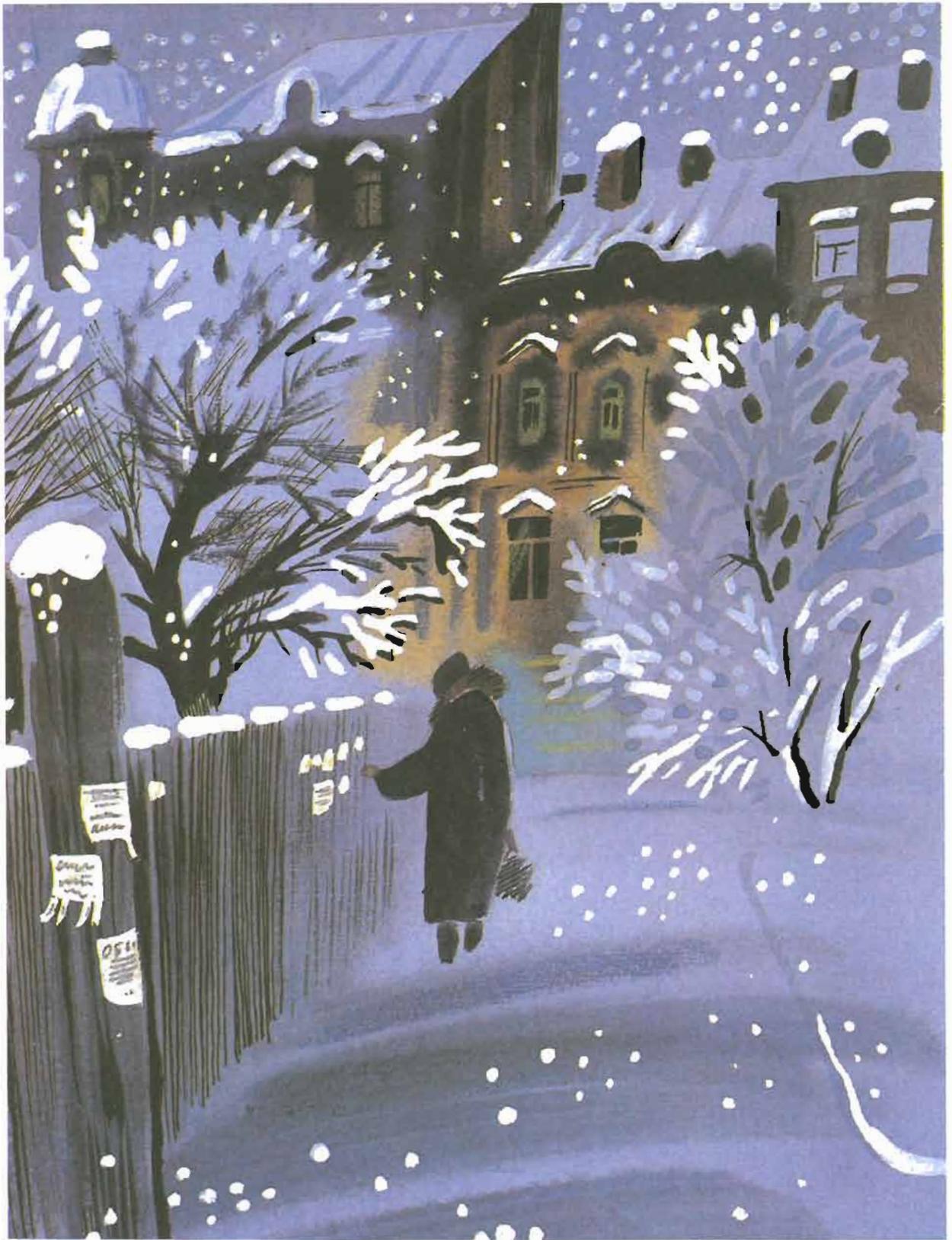
— Тебя как зовут?

— Меня?.. Да ведь Таня же!

Несколько мгновений женщина смотрела на неё сама не своя... Знаете, так бывает во сне: всё очень похоже на обычную жизнь, а потом раз — и проснёшься...

Однако девочка сидела напротив и не спеша ела апельсин.

— Ты чья, Танечка?

— Твоя.

«Ну что взять с трёхлетнего ребёнка? Ещё скажи спасибо, что не плачет...» — Так она себе говорила, а сердце билось, билось!

Однако взяла листки объявлений, клей, кисточку, поплотнее прикрыла дверь на кухню, чтобы, не дай бог, маленькая Таня не открыла газ.

Она клеила объявления на стенках и деревьях — где по заметней. А последний листок, так получилось, она приклеила на дверях отделения милиции... Потом отыскала кабинет участкового своего, Валерия Сидоровича Винокурова. А тот, человек ко всему привыкший, хорошо, говорит, постараемся обнаружить родителей.

Прошла неделя, потом месяц. Девочку никто не искал! И она давно уже звала нашедшую её женщину бабушкой. А для бабушки (давайте и мы теперь будем так её называть) каждый новый день становился всё большей мукой: ведь когда-никогда, но должны были объявиться Танины родные!

И вот однажды утром действительно раздался звонок — Валерий Сидорович Винокуров!

Он вошёл... Он, кстати, был человек такой очень обстоятельный. Вытер ноги, подождал, пока нос и щёки оттают с мороза.

— Нашлись? — спросила бабушка.

Не спеша капитан Винокуров развёл руками. И это могло значить что угодно. Бабушка от муки и волнения заплакала.

— Да вы не плачьте, — сказал Винокуров задумчиво, — мы её заберём. Определим, как положено, в детский дом...

Дальше не стоит рассказывать. Бабушка принялась хлопотать, и ей разрешили удочерить Таню. Вообще это дело довольно долгое: кому попало ребёнка ведь не дадут! Но тут всё сладилось удивительно быстро. Словно кто помогал! И они зажили — внучка и бабушка. Тогда-то и записали Таню, как трёхлетнюю. А по правде никто не знал, сколько ей лет, неизвестно откуда явившемуся найдёнышу.

ПЕСТРУХА

К середине дня первый в этом году снег перестал. Но не растаял! Праздничными ленточками бежал по карнизам домов. А на крышах лежал целыми полянами. И машины гоняли по городу в снежных тубетейках. Да, снег умирать не собирался. Но Таня чувствовала

всем сердцем: растает он, пропадёт в чёрных лужах. И любила его за это особенно сильно — потому что жалела.

Её послали за хлебом. День клонился к закату, небо над Москвой розовело. И в то же время на самой своей глубине оно оставалось голубым и зимним — родным. Таня шла запрокинув голову. Редкие прохожие были добры и не толкали её.

Итак, взглядом и всею душой Таня жила на небесах... Вдруг с ней поздоровались — непонятным таким, хрипловатым голосом:

— Приветик!

Женщина в пенсне, толстый спортсмен с новенькими горными лыжами на плече... Таня посмотрела на них... Но слишком хорошо она знала, кто с нею поздоровался: возле булочной стояла собака, привязанная к водосточной трубе.

Они были старые знакомые. Таня когда-то звала её Огонёк. Собака была очень хорошая, лохматенькая, послушная, пёстрая — белая с черным... Почему же тогда Огонёк? А у неё сквозь густую шерсть виднелись не то чёрные, не то коричневые, но очень блестящие глаза. Таня и подумала: как огоньки. И получилось собачье имя.

Собака появилась у них во дворе в прошлом году. Пришла и стала жить. Наверное, потерялась. Или её выгнали какие-нибудь люди.

Но даже пусть и собаке, а зимовать на улице холодно. А у Тани в подъезде как раз была не заперта подвальная дверь. Таня туда нанесла тряпья, подыскала старый матрасик... Вещи хотя и с помойки, но они все были чистые: кто-то вынес их только что! А что она могла ещё сделать? Домой?.. Плохо вы знаете Танину бабушку.

«Ещё чего! — скажет. — Собаку бездомную! А если у неё лишай?»

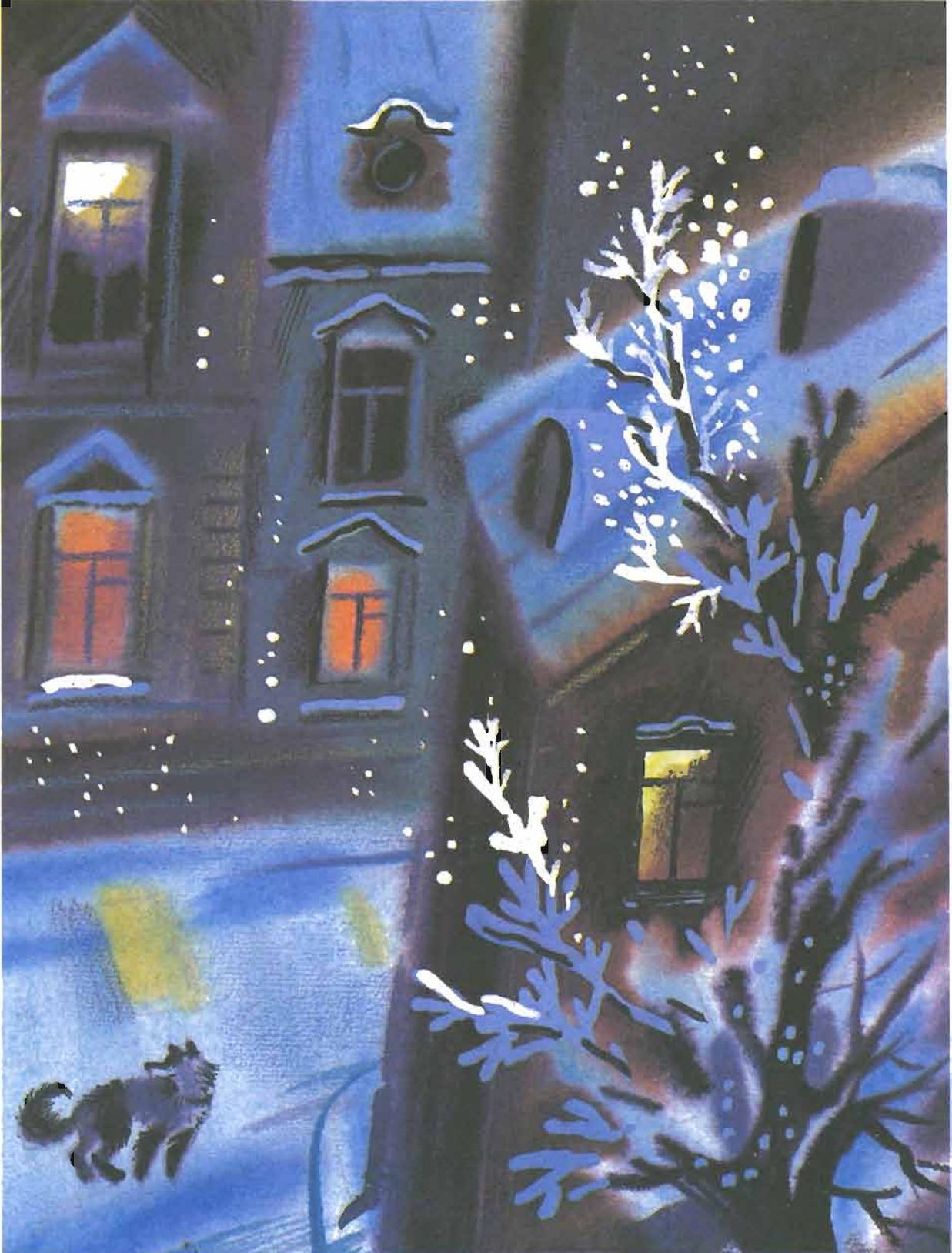
Так она устроила Огоньку жилище. Но скоро про это узнали с первого этажа... Им собака, видите ли, лает. А когда целый день телевизор на полную катушку — это для вас ничего?!

Пришлось отдать Огонька одному мальчику, которого не ругали за животных... А потом Таня вдруг услышала, что он называет собачку... Пеструхой.

Сперва так обидно стало. Но мальчик этот, Вадим, ей объяснил, что бывший Огонёк не *собак*, а *собака* — собачья то есть девочка. Да ещё и вся такая пёстрая!

И вот теперь она сказала Тане:

— Приветик!

А Таня не любила таких вещей — не любила выделяться! И хотя она знала, конечно, что собаки разговаривают — да, знала! — но старалась не обращать внимания: ведь обычно люди об этом даже не подозревают. И она решила сделать вид, что никакого «приветика» не было: просто, мол, слышалось, да и всё.

— Радуюсь? — спросила собака, не обращая внимания на то, что Таня никак ей не ответила. — Снег, да?.. Хорошо тебе?

Просто удивительно разговорчивая попалась собака.

— А я не радуюсь, — продолжала Пеструха, — холодно будет... А тебе? Не будет, что ли, холодно? — Голос у неё был словно бы немного ворчливый. Но в то же время не злой.

— Мне, когда зима, даже лучше, — сказала Таня. — Я холод люблю...

Всё! Впервые в жизни она призналась, что умеет разговаривать по-собачьи. Пеструха в это время спокойно выгнала блоху с правого бока.

— А я и смотрю — какая-то ты не такая девочка...

— Какая? — спросила Таня.

— Не знаю. — Собака вильнула хвостом.

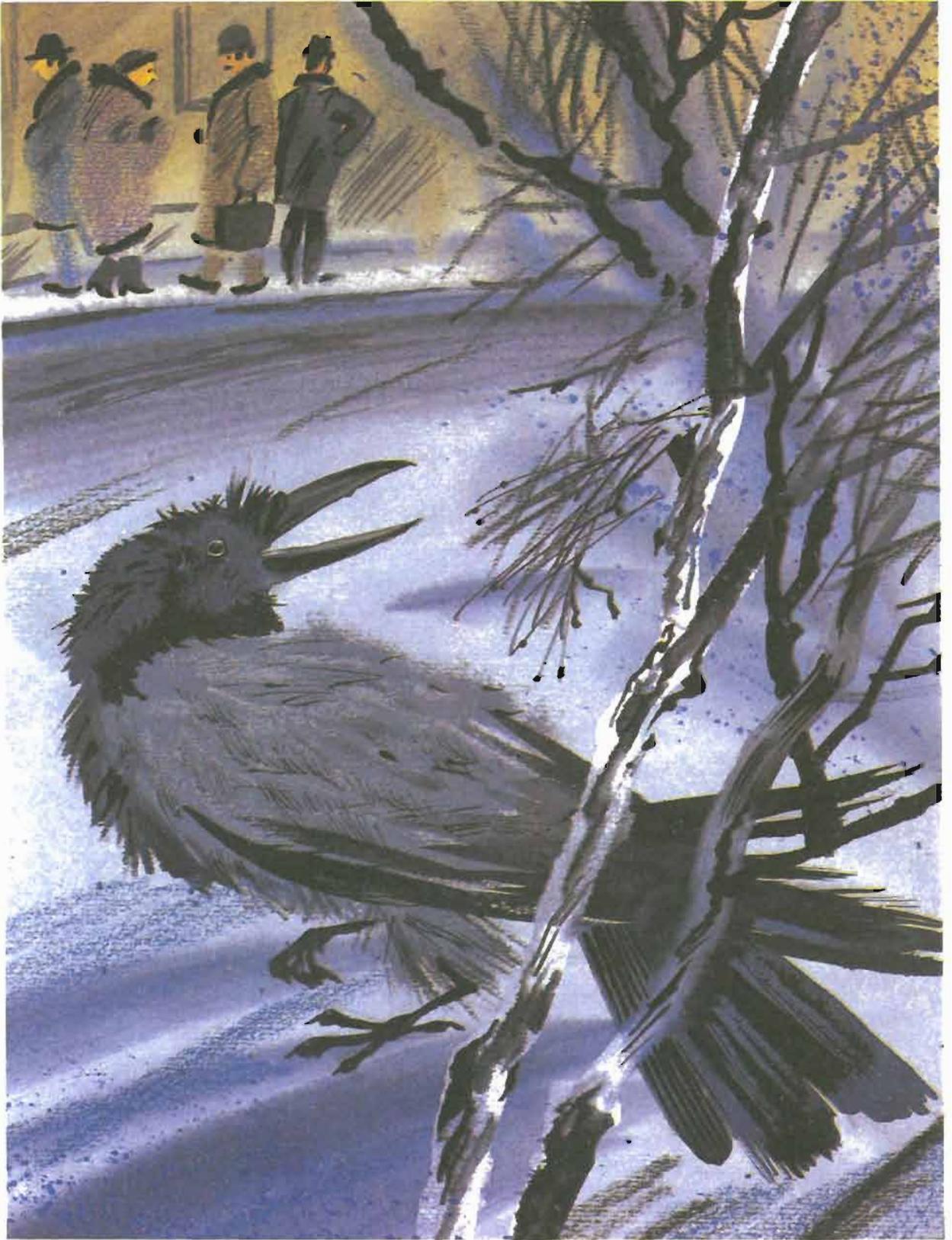
ВАДИМ

Их разговор прекратился очень вовремя — из булочной вышел Вадим, Пеструхин хозяин и Танин, между прочим, бывший жока-тый. Теперь он был просто её знакомый, хотя Таня училась лишь во втором классе, а он уже в шестом. Но всё дело было в собаке: когда вместе выручаешь из беды собаку, подружиться нетрудно.

Едва Вадим увидел своего октябрёнка, сразу на лице его проступило выражение, что, мол, всё я, девочка, про тебя знаю. Он часто так смотрел на людей — уверенными и насмешливыми глазами. И, по-честному говоря, он вряд ли кого-то сильно любил или сильно жалел — у себя в классе, или даже во всей школе, или даже в огромном городе Москве... Да, он был такой: весёлый, но малость равнодушный.

А зато он любил животных. И хотя не мог, конечно, с ними разговаривать, но очень их хорошо понимал. Не раз бывало: Таня и Вадим идут по улице, вдруг он остановится:

— Смотри, бездомная...

Он всегда замечал бездомных собак. И кошек с котятами, что живут по случайным дырам. Он шёл к вороне с раненым крылом, которая отбивалась от всех, как прижатый к мачте пират. Потом слизывал кровь с расклёванных пальцев. А через какое-то время отпускал ожившую ворону на свободу.

Причём Вадим не был таким уж доктором Айболитом: животные не очень к нему льнули. Он просто делал для них то, что считал нужным. И не добрел от дружбы со зверьём, как об этом часто пишут в книжках. Да он и не дружил с ними.

Таня никогда не могла понять, почему он их спасает...

Вадим увидел надутую северным ветром Танину сумку:

— Не ходи. Здесь свежего хлеба нету.

По правде говоря, они с бабушкой за мягким хлебом особенно не гоняются. Но разве плохо пройти по улице с шестиклассником? И разве плохо пройти, держа на поводке такую милую собачку, как Пеструха?

— Да отпусти её, — сказал Вадим. — Не убежит.

— Да отпусти меня, — почти одновременно сказала Пеструха.

Собака не понимала человеческих слов, а Вадим не понимал собачьих... «А я понимаю всё», — подумала Таня. Но без радости. Скорее со страхом.

Отпущенная, Пеструха сейчас же побежала вперёд — по манере всех собак. Что-то там вынюхивая и бормоча про себя.

Вдруг Вадим остановился перед незнакомой дверью:

— Мы сейчас заскочим в один дом... (Честное слово, в голосе его слышалась растерянность.) Ты мне понадобишься там.

Подбежала Пеструха, с явным презрением обнюхала порог, сделала крохотную лужицу, сказала, ни к кому, собственно, не обращаясь:

— Не люблю я сюда ходить... Там кошка, сволочь, всем расправляется!

— Здесь живёт тип, — наконец сказал Вадим, — которого мы должны облапошить.

— Зачем?

— Он книгу украл... у меня.

— А почему обманывать?

— Ну... — Вадим прикинул, что бы сказать. — Тебе не всё равно? Мне так надо! — И усмехнулся. Он опять «видел всё насквозь» и

знал, что Таня готова помогать ему почти в каком угодно деле. — Ты его задури!

— Что?

— Ну, загнипнотизируй в смысле... Как в тот раз, помнишь, когда я тебя засёк?

Таня испуганно промолчала...

В сентябре второму «В» задали приготовить устное изложение по сказке «Цветик-семицветик». А там, если вы помните, девочка попадает на Северный полюс. Ну и, само собой, все сказали: «Во, не дай бог там оказаться — на льдине да среди медведей!»

Тане обидно стало: за бескрайний снег, за прозрачно-зелёные, ни на что не похожие горы, которые, кажется, на что-то всё-таки похожи. И стало обидно ей за солнце, которое смотрит на северный мир печальными раскосыми глазами и что-то хочет сказать — и не может... А под белым снегом, под чугунной корой льда задумчиво плывут в чёрной воде рыбы. И можно было увидеть глубже, ещё глубже... Только очень страшно туда заглядывать, в самую черноту, где на мёртвой и мягчайшей подушке донного ила что-то лежит. Но что?.. Таня не стала рассматривать, а бросилась наверх, в белые просторы, освещённые низким и тяжёлым солнцем, так что верхушки зелёных ледяных гор подождены и сверкают...

Это она стала вдруг рассказывать второму «В». Нет, не рассказывать даже, она как будто им рисовала картину... Шла большая перемена, но никто не уходил из класса. Все смотрели на Таню, как околдованные: «Откуда знаешь?» А она стояла — сама растерянная, испуганная. И вдруг брякнуло — будто ненавистный будильник среди сна про каникулы.

— Дураки! Такое кино есть. Показывали по «Клубу путешественников»! — Это был Вадим...

Теперь насмешливым взглядом он «просветил» её всю насквозь:

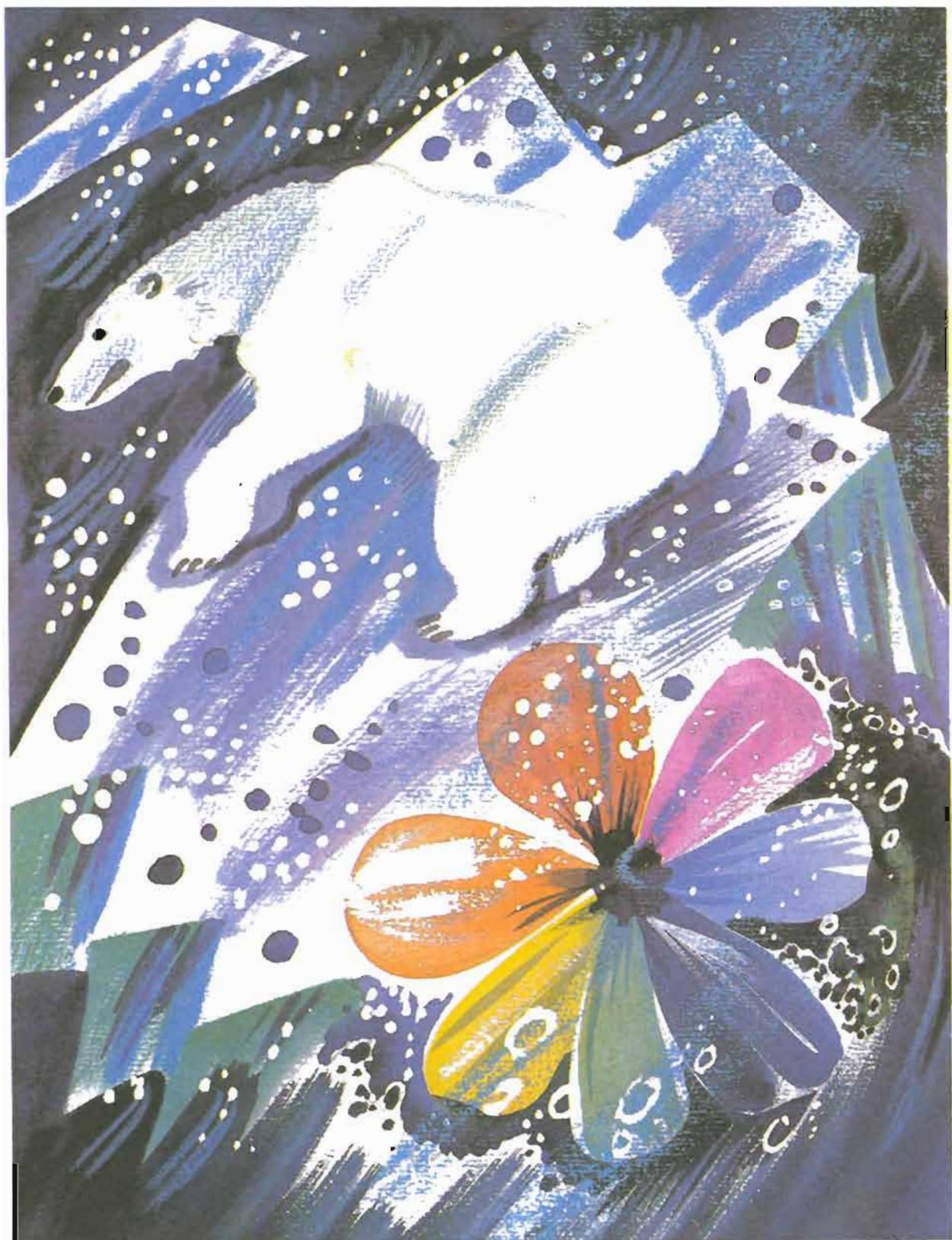
— Сделаешь?

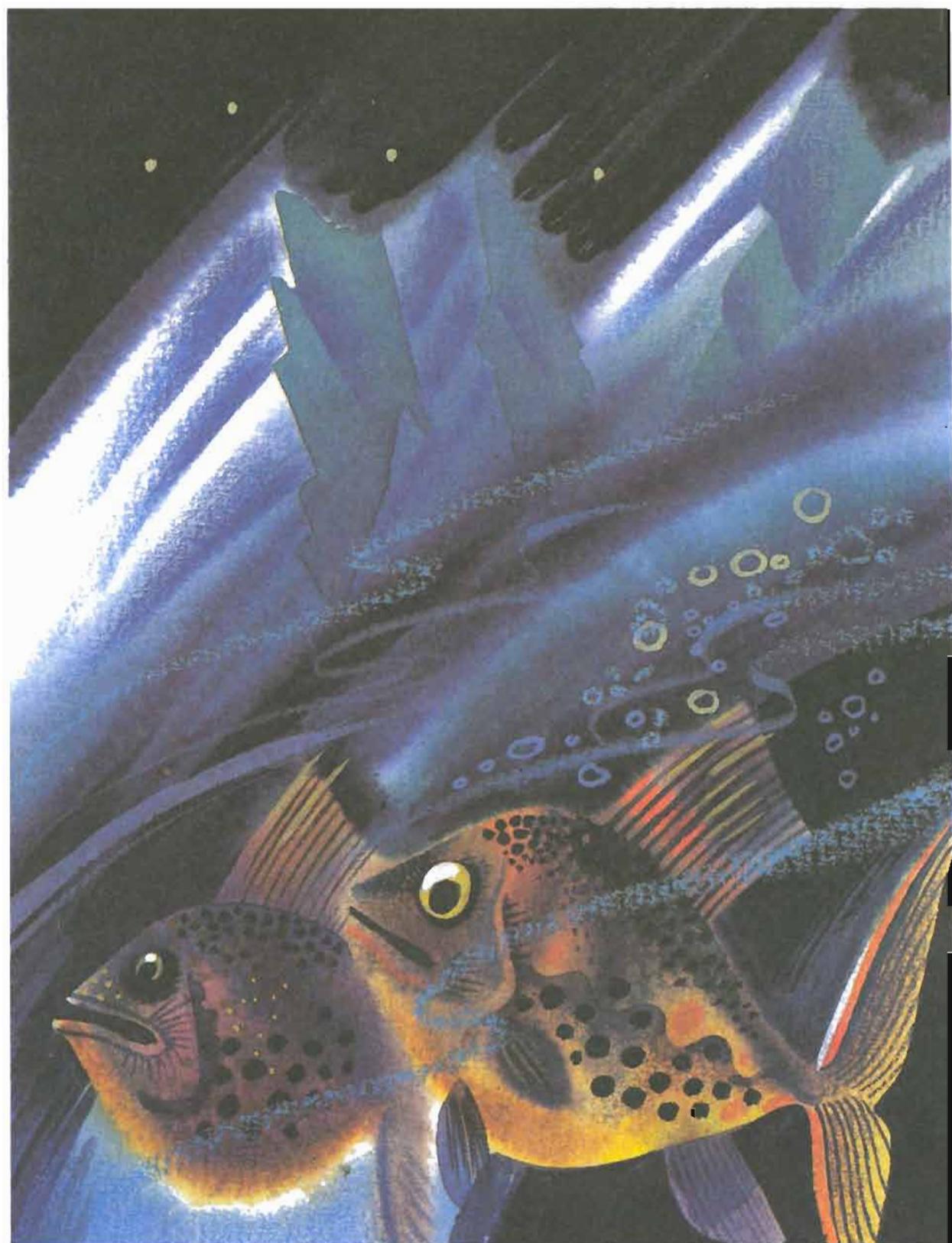
Таня ничего не смогла ответить, лишь опустила глаза.

— Сделаешь!

ГРИШКА

А Пеструха-то была не права: кошка оказалась отличная. С хорошим (но, конечно, по-кошачьему хорошим) характером. Рост и мускулатура давали ей возможность совсем не бояться собак

Пеструшкиного сорта. Однако она не стала, как теперь делается у многих кошек, доказывать свою силу, а, соблюдая законы, оставшиеся ещё от древних, скакнула на стол и принялась оттуда шипеть, якобы полная злобы, страха и презрения.

Пеструха, как и все собаки, была более доброй и куда более преданной, чем эта кошка. Только у неё не хватало тонкости, как сказала бы Танина бабушка. Но ведь это вообще всем собакам, по сравнению со всеми кошками, не хватает «тонкости». Кошкино шипение со стола Пеструха приняла за настоящую победу. Она звонко лаяла, словно произносила речь на митинге в честь освобождения данной квартиры от кошачьего ига, а потом стала подлизывать остатки молока из кошачьего блюда... Ей было невкусно, и она сегодня уже дважды плотно пожрала, и она вообще не любила молоко. Но победитель должен вести себя как победитель!

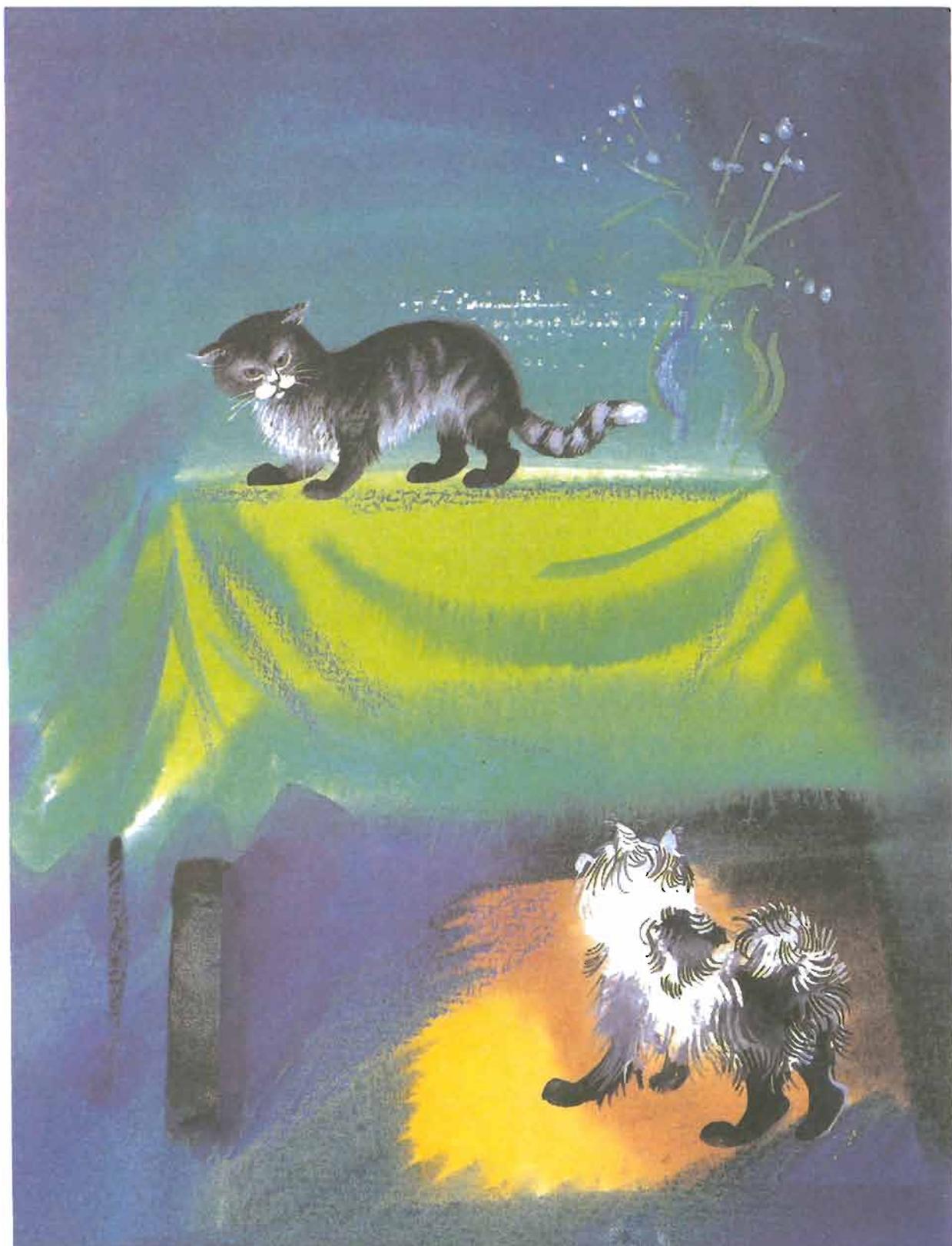
Тане забавно было смотреть на кошку и Пеструху, и поэтому сперва она вообще как бы не заметила хозяина. Его звали Гриша, и он был хуже своей кошки: она точно знала, кто такая и как себя надо вести, а Гриша суетился всё, суетился... Было похоже, он в своей жизни не одну эту книгу стащил. И вообще, быть может, воровал не только книги.

В то же время он старался, чтоб про него думали как можно лучше. Он двигался по комнате прыжками и короткими перебежками, чтобы незаметнее затолкать под тахту драные домашние тапочки, смахнуть со стула какие-то не очень спортивные трусы. А попутно он прятал от чужих глаз что-то ценное, задвигал какие-то ящички... Лет ему было — между Таней и Вадимом, то есть класс примерно четвёртый...

«А чегой-то я такая умная? — подумала Таня. — Чегой-то я за всеми подсматриваю?..» Она последнее время стала замечать за собой такое: сидит где-нибудь в углу и наблюдает. Причём не как равнодушная ротозейка: ей интересно, она переживает. А в то же время она будто сидит на просмотре учебного фильма... «Учебного? Чему же я сейчас учусь?»

Вадим в это время просто ждал, когда Гришка прекратит свои прыжки. А тот, сколько мог, оттягивал надвигающийся разговор. Он не знал, зачем пришли Таня и Вадим, но, как всякий нечестный человек, боялся заранее: «Вдруг я уже в чём-нибудь виноват?»

Наконец Вадиму эти пряталки надоели.

— Слушай, ты, — сказал он без единой капли приветливости. — Это Танька. У неё дефицитная книга. Может с тобой поменяться.

Гришка замер на полупрыжке — опасность миновала: пришли по делу, в нём нуждаются. И он сразу стал другим человеком:

— Что за книга?

— А я не знаю. Она без обложки.

— Что?! Фома, ты с ума? — И засмеялся своей выдающейся шутке... (А дело в том, что Вадимова фамилия была Фомин.)

Но и Гришка, конечно, понимал, что Вадим не такой дурак — предлагать для обмена простую драную книгу. Ясно: здесь что-то не того. Поэтому он выжидательно прищурился... Тогда Вадим повернулся к Тане, которая понимала, что сейчас начнётся её роль, и волновалась.

— Давай рассказывай. — Вадим пристально посмотрел на неё. — Про Северный полюс. — Он-то совершенно не волновался. Ему это просто надо было.

НА ДИВАНЕ СРЕДИ ТОРОСОВ

И тут словно кто-то подтолкнул Таню, и она, как в пропасть, упала в свой рассказ.

Сперва она увидела то, что уже видела в прошлый раз, — низкое выпуклое солнце над ледяными и снежными горами, полями, полянами. И это было не кино, не фантазия. Это всё она когда-то видела своими глазами.

Таня ехала куда-то... Ехала? На чём же? Странно сказать, но, честное слово, она ехала на диване, покрытом пушистым толстым пледом или ковриком. Диван двигался не спеша, мягко качаясь и переваливаясь. При этом он двигался удивительно упорно, всё время вперёд, без единой остановки, без секундного отдыха. Таня сидела свесив ноги... Только спинки у него не было, у этого дивана.

Так она ехала сколько-то времени. Вдруг диван оглянулся, изобразил улыбку, и Таня увидела наконец, что это же белый медведь! У него была морда немного насмешливая, и немного наглая, и ещё плюс к тому немного курносая. И он вёз Таню без всякого, самого малейшего труда. И почему-то было понятно: если медведь её, упаси боже, уронит или заденет о ледяную глыбу, мимо которых они двигались, ему сильно кое от кого влетит. Но от кого, Таня пока не знала и догадаться не могла.

И тут она заметила, что едет в одном лишь коротеньком белом платье! Почему-то она помнила это платье. Но почему — вылетело из головы... И вот сейчас, из Гришкиной комнаты, глядя на себя ту, в коротком платье среди снегов, она с тоской подумала — как вспомнила, — что ей совсем не было холодно, что она опять не похожа на других, опять не такая...

Этот страх Таня затаила в сердце — надо было смотреть, что там дальше произойдёт с тою Таней, которая сидела на белом медведе... Солнце опустилось ещё немного — ярче подожгло верхушки зеленовато-прозрачных гор.

— Он за тюленем. — Медведь мотнул башкой куда-то вперёд. — За тюленем.

И тогда вдруг Таня увидела, что впереди действительно стоит ледяная глыба, похожая на тюленя. Тут ей и открылся секрет этих гор и глыб. Они все были на кого-то похожи: на моржей, на медведей, на тюленей, на рыб. А может, наоборот: северные рыбы и звери взяли себе такие тела, как у ледяных гор, вылизанных волнами и выюгами.

А за ледяным тюленем стоял её дед! Сейчас, глядя это «кино», Таня поняла, что совершенно забыла своего деда. Но и помнила его!

Она смотрела и удивлялась его полупрозрачной, как бы стеклянной бороде, его серебристой старинной одежде. «Как же называется она? — подумала Таня. — А... кафтан!» И удивлялась дедовским рукам: они были живыми, они двигались и одновременно были тоже полупрозрачными, как его борода...

Взгляд солнца легко проходил сквозь Таниного деда, не оставляя тени.

«Кто же я такая, — подумала Таня со страхом, — кто же я, если это мой дед?..» И продолжала смотреть на себя — ту, которую вёз медведь...

Дед поднял её на руки — легко, словно совсем невесомую, и Таня сразу вспомнила, какой он сильный. Медведь стоял, ожидая его слова.

— Ну? — спросил дед. — Отвезёшь нас туда?

— Боюсь, — ответил медведь.

И Таня поняла, что бояться — для медведей совсем не стыдно, не то что для людей. Для медведя «боюсь» — то же, что для человека, например, «хочу поест».

— Вы невидимы, — сказал медведь, — а я — боюсь!

Дед помолчал немного.

— Ладно, отпущен. — И пошёл прочь куда-то с Таней на руках.

А медведь остался стоять, словно чем-то обиженный и в чём-то виноватый... Они шли довольно долго. Сколько? Таня сейчас не могла вспомнить. Вдруг дед легко взошёл на вершину ледяной горы и остановился.

Таня с удивлением увидела дом, и людей около дома, и флаг на мачте. Вернее, это она теперь знала, что там за люди, дом, флаг, мачта. И понимала, что всё это з и м о в к а. Но Таня, которую она, теперешняя, видела на руках у деда, ничего не знала и, прижавшись к дедовой груди, вся дрожала, как дрожат от холода. Всё, что было там, на ледяной поляне среди... А! Вспомнила слово: «торосы»!.. Всё, что было на ледяной поляне среди торосов, это всё было ей неприятно, страшно. Она — теперешняя — не могла понять, откуда были тот страх и неприязнь. Но они были!

— Дрожишь? — Дед как-то странно и внимательно посмотрел на неё. — Ну вот, значит, я правильно задумал.

— Что?

— После узнаешь... Медведю-то их можно бояться...

— А мне?

— А тебе их надо любить.

В ТИШИНЕ

Она опять увидела себя в Гришкиной комнате. А та северная картина распадалась прямо на глазах, таяла, словно была сном: думаешь, запомню на всю жизнь, а попробуй-ка вспомни через полчаса — ничего не увидишь в душе, будто на экране погасшего телевизора.

— А дальше? — тихо спросил Гришка. — Дальше что?!

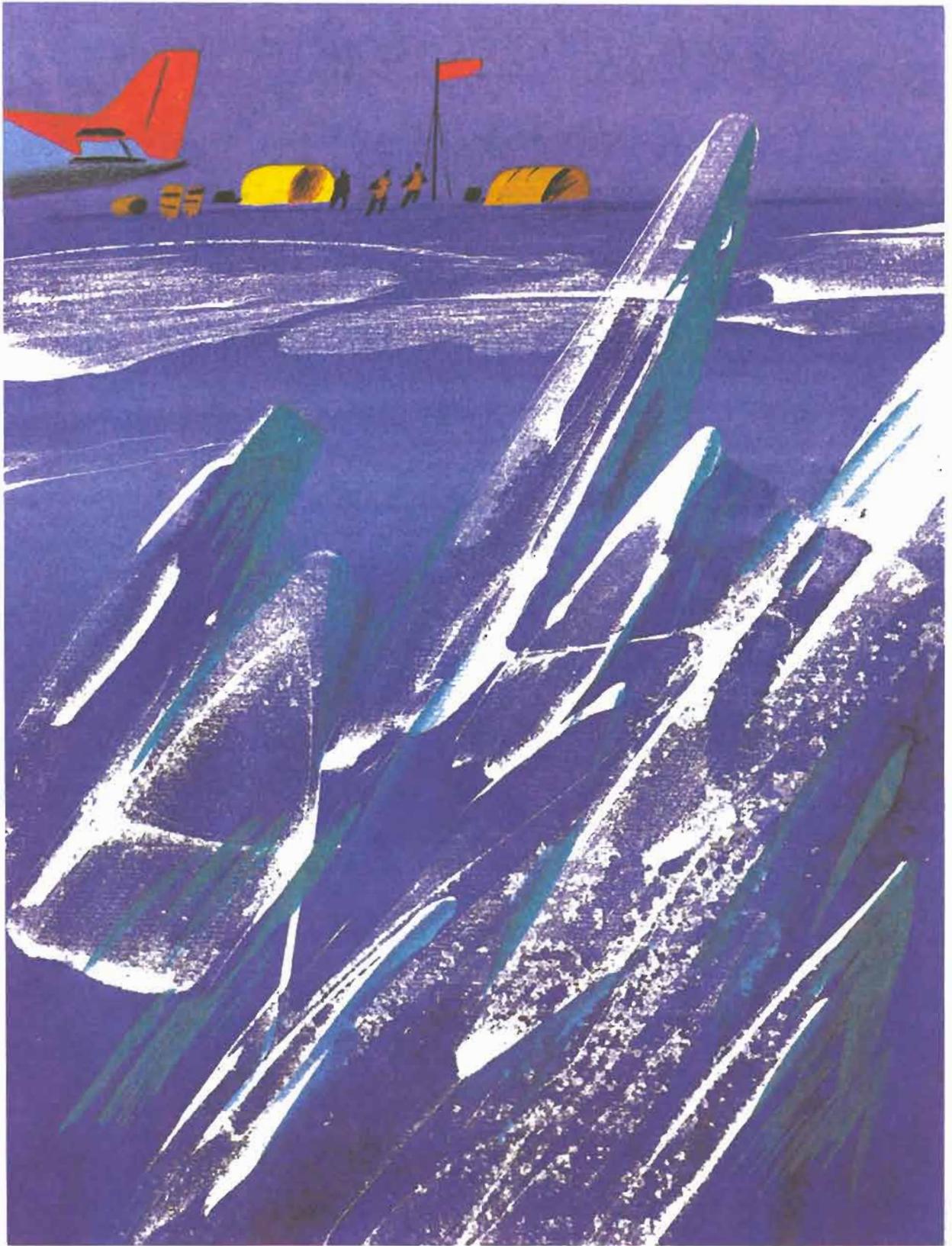
Таня молчала. Что-то мешало ей говорить. Или кто-то мешал...

— Ты же в нашей школе учишься, да? Тебя как зовут?

— Это ты в нашей школе учишься! — усмехнулся стоящий в дверях Вадим.

Таня уверена была: он только что вошёл сюда. И поняла: «Вот кто меня перебил».

Гришка не обиделся на Вадима. Вообще не посмотрел на него. Вся его суета ушла. Он сидел на стуле, словно пианист перед невидимым роялем — сосредоточенный, готовый через секунду заиграть.

Кошка и собака, забыв ссориться, смотрели на Таню — внимательно, не мигая, как умеют смотреть только звери.

ТРУДНЫЙ ВЕЧЕР

Прошло несколько дней, и Таня наконец поняла: больше она не вытерпит... Кстати, зря вообще терпела — бабушка заметила сразу, заволновалась:

— Ты здорова? — Тронула губами лоб.

Эх, надо бы этот разговор начинать понезаметней, мол, просто к слову пришлось. Но уже не могла удержаться:

— Бабушк, а где наш дед?

Несколько мгновений бабушка не могла побороть испуг и почему-то жалость, которые проступили на её лице. Потом открыла нижнюю дверцу книжного шкафа — она была не стеклянная, а из деревяшки, и, значит, в том отделении всегда было темно.

Бабушка вынула большой альбом в зелёном бархатном переплётё. Таня сразу поняла: там семейные фотографии! Такие альбомы она не раз видела у ребят из класса — на дне рождения или когда просто так придёшь в гости... Чай выпит, сладкое — всё, что полагалось, — съедено, до мультфильмов, допустим, ещё минут двадцать. Ну и чего делать? Тебе говорят: «А давай я наш альбом покажу». И сидишь, переворачиваешь картонные страницы. Такое не очень уж увлекательное занятие. Но, кстати, не такое уж и скучное.

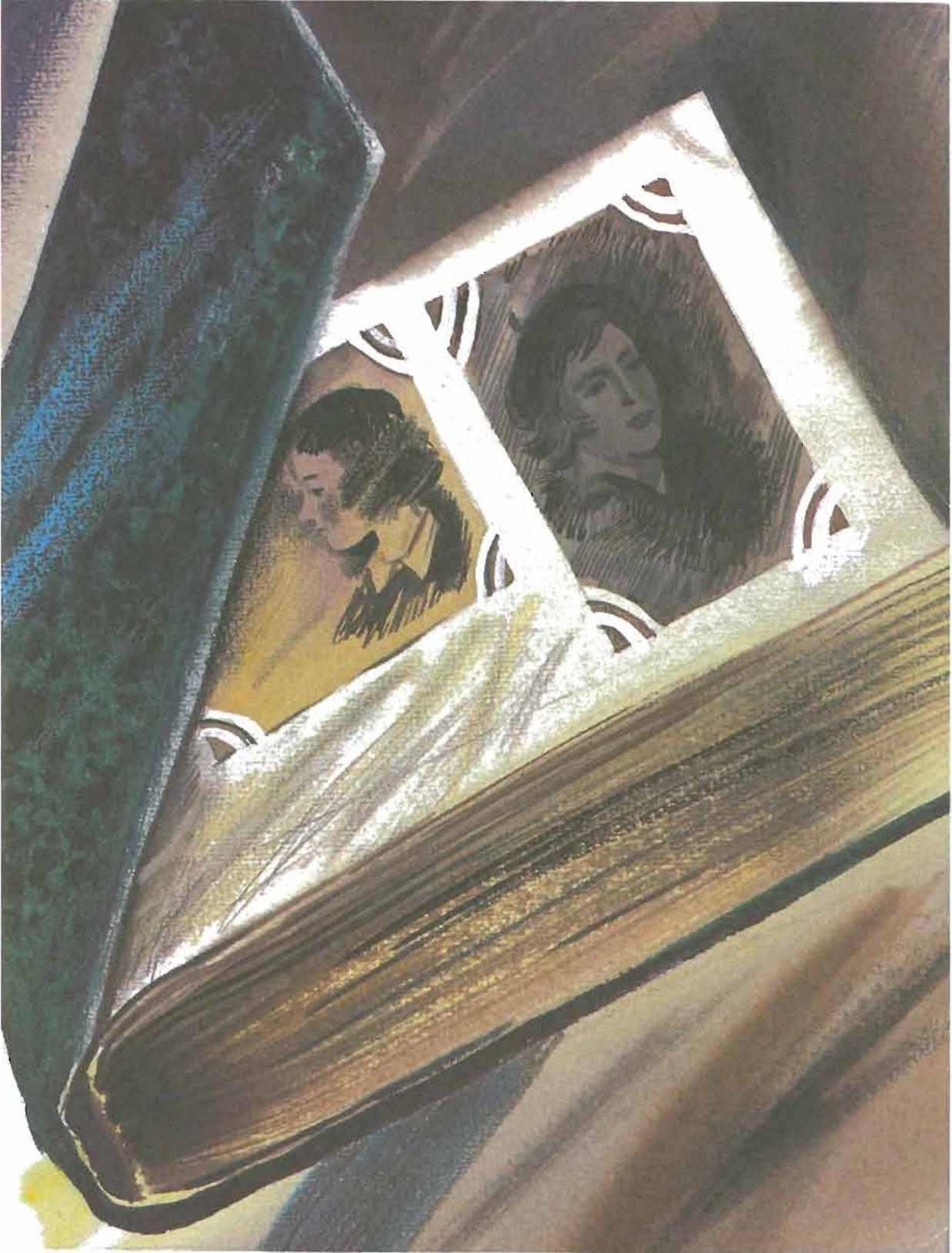
И сейчас, проведя рукой по тяжёлой бархатной обложке, Таня подумала, и ей как-то удивительно стало: «Почему же я ни разу бабушку не спросила про наш собственный такой альбом?» А ведь он, оказывается, всё это время лежал в тёмном ящике — только дверцу приоткрой, и туда сразу прольётся свет.

На первой странице Таня увидела молодую бабушку, рядом с нею стояла девушка. Невольно Таня улыбнулась, глядя на них. И тогда бабушка сказала:

— Это моя дочь!

И по лицу её поняла Таня, что бабушка сейчас жалеет о сказанном... Девушка с фотографии смотрела и серьёзно и весело, словно говорила тому, кто её снимал: «Ну, скоро ты?!» И Таня спросила:

— А у тебя ещё дочери были?

— Нет, — с трудом ответила бабушка, — она была у меня единственная... Потом и её не стало...

«Бабушкина дочь — она же должна быть моя мама», — подумала Таня. И знала: на фотографии хорошая, но совершенно незнакомая, совершенно неродная женщина.

— Баб, а у меня есть мама?

Бабушка сидела опустив глаза, словно её кто-то пристыдил:

— Я не знаю, Танечка... Я простая женщина...

— А я, бабушк?!

Бабушка ничего не ответила, только смогла заплакать. Но не вытирала слёз, и они капали на колени, покрытые байковым халатом в синий цветочек. Потом бабушка спросила, и уже ничего не надо было между ними скрывать... Не скроешь! Она спросила:

— Ты ещё побудешь со мной, Таточка?

«Значит, я должна уходить?..» — так она подумала. И не знала, что себе ответить. Должна? Не должна?

Бабушка собралась с силами, вздохнула глубоко, чтоб успокоиться. «Как же я смею плакать при ней, — подумала бабушка, — о чём же я таком смею плакать!»

Впервые Таня услышала не слова человеческие, а мысли. И ей трудно было не удивиться, не ахнуть. Однако она сумела.

— Бабушк, пойдём «Спокойную ночь» посмотреть... — Да, сейчас уж было не до альбома!

Они сидели перед телевизором. Таня — привалившись плечом к бабушкиной руке... Что-то должно было с ней случиться, что-то надвигалось на её жизнь — огромное, чего нельзя ни изменить, ни остановить. Как нельзя остановить входящую в Москву зиму.

НА ЧТЕНИИ

Она сидела за партой и смотрела в «Родную речь». Но думала совсем не про урок. И было ей неудобно, словно душу одели в «кусачее», жаркое платье.

— Зайцева, читай дальше!

Таня вздрогнула, опустила глаза.

— Плохо, милая. Надо следить!

Учительница вообще была с нею строга. Посмотрела Тане в глаза — лицо спокойное, бледное. Теперь мало кто боится учительниц, однако второй «В» свою побаивался... У неё был сын в армии,

в десантных войсках. Две недели назад во время ночных прыжков он сломал ногу. Но сейчас уже поправлялся! Он сидел у окна, не спеша ел печенье из шуршащей бумажной пачки и читал материно письмо. И нога у него не болела!

Про сломанную ногу учительница, конечно, знала. Вот и письмо её было не в часть, а в лазарет. Но про то, что не болит, учительница знать не могла, и Таня это сказала ей. Только не словами, а... вроде бы очень ясно подумала для неё.

Учительница сперва не услышала... не поверила себе.

— Таня... Ты мне сказала что-то?

— Я? Нет! — И покраснела. Но бояться было нечего: весь класс видел, что она не вымолвила ни словечка.

— Сядь, Зайцева, работай.

А сама всё думала о сыне. И верила, что нога у него не болит. Говорила себе: «У меня же сердце чует!»

Потом она вспомнила про свою строгость и решила спросить, о чём это её ученица Зайцева думает с таким нахмуренным лбом. Ведь ясно, что не о чтении!

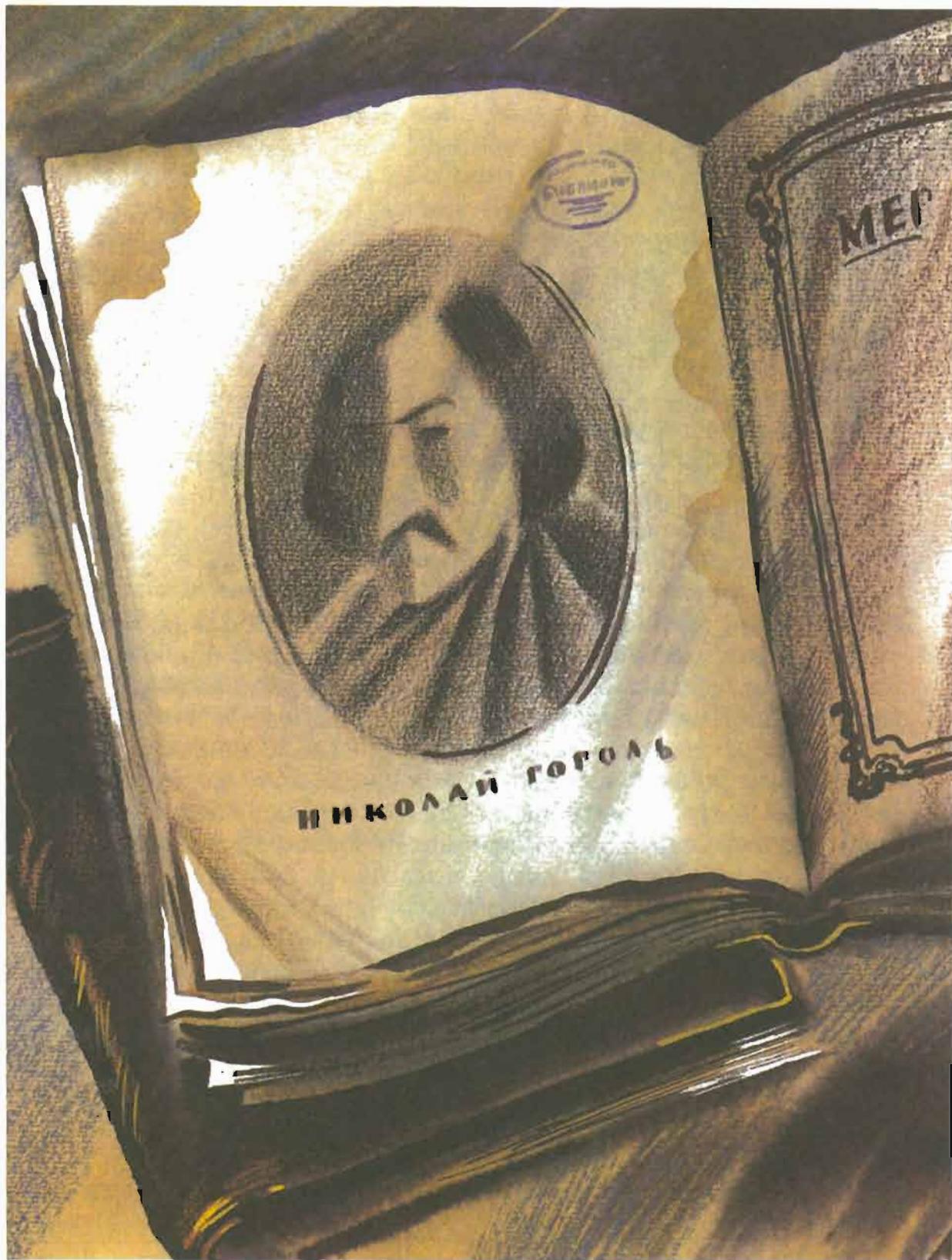
Таня попросила её: «Вы мне, пожалуйста, не говорите об этом!»

Она думала о «конфискованной» у Гришки книге... Книга лежала на столе в какой-то незнакомой комнате. Сперва Тане показалось, там никого нет, только свет льётся в окно да чистый воздух — в приоткрытую форточку. Свет ударяется обо всё, что есть в комнате, и брызгами, похожими на кусочки мягкого стекла, разлетается в стороны. А воздух наполняет и наполняет комнату зимней свежестью, но никак не может наполнить... Вдруг Таня разглядела на кресле маленький пушистый коврик... Пеструха! И сразу поняла, чья это комната.

Наверное, Таня могла бы узнать, что за сон снится милой собаке... Да нет же. Она пробралась сюда из-за книги... Там внутри, под обложкой, таилось что-то плохое. Только Таня никак не могла приподнять тяжёлый картон... Если б страничку, она бы сумела!

Наконец Тане удалось уцепиться за край... Книга вдруг стала огромной, как разложенная двуспальная тахта, а Таня, наоборот, — не больше немецкой куклы с закрывающимися глазами...

Наконец Таня поняла: ей ни за что не поднять эту обложку-тахту. И тогда, чуть не плача от боли, Таня всё же подняла её. И обложка, кажется, даже всхлипнула, словно дверь деревянного погребка.

Сразу книга опять стала маленькой, простой. «Похождения Чичикова, или Мёртвые души». Поэма Н.Гоголя, — было написано на первой странице. А рядом был нарисован Гоголь с очень внимательными бархатными глазами. А под всем этим — вот оно, плохое! — синий, чуть расплывшийся и от этого чуть жирноватый штамп: «Библиотека им. А.С.Пушкина».

И она вспомнила... По правде она этого никогда не видела, но казалось, что вспомнила... Вадим идёт по школьному коридору, а Гришка его сзади как схватит:

— Ты! Подонок! Отдай!

— А ты полай!

— Вор!

— Ну правильно. Я вор, и ты вор... Вор у вора дубинку украл.

Эта книга была не Гришкина. Но и не Вадима! Её украли из библиотеки.

КОЛЯ ЗАЙЦЕВ

Долго Таня выжидала, пока бабушка уйдет в магазин. Наверное, она могла бы в мыслях наврать бабушке, будто у них, например, кончился стиральный порошок. Но стыдилась этого!

Наконец бабушка ушла — тихо так, Таня и не заметила. Ушла, будто бы и правда уступила внучкиной просьбе. А на самом деле — заглянула: «Ах, какая умная девочка — сидит за уроками...» Таня услышала её, лишь когда хлопнула входная дверь.

Тогда она сразу встала, открыла то отделение, где лежал бабушкин семейный альбом... Но ещё не хотела так думать и сказала себе: «Наш».

Стала листать его. Думала, быстро пролистает, а не смогла. Задерживалась на каждой странице бабушкиной жизни, иногда угадывая, как звали того или иного человека — слишком уж ясно ей улыбались люди на фотографии.

Наконец нашла. Бабушка, молоденькая, в свадебном платье, в фате, а рядом с ней офицер... Таня совсем не разбиралась в погонах. Только имя его сумела услышать: Николай Николаевич, Коля Зайцев... С огромным удивлением смотрела Таня на этого человека: «Вот, значит, чья у меня фамилия!..»

Николай Николаевич смотрел с фотографии прямо на Таню, но не видел её, потому что не знал. Он вообще ждал совсем другую

внучку. И Таня больше не могла себя обманывать: она была не бабушкина. И никогда она не станет простой счастливой девочкой!

«УХОДИ! УХОДИ!»

Плача, Таня выбежала на улицу...

Эти дни она всё думала, как поступить с книжкой, с этими «Душами». Может, просто сказать Вадиму: я всё знаю? Но теперь решила совсем другое — раз не стать ей обычной, то пусть будет так!

Она остановилась посреди улицы. Про неё сейчас легко могли бы подумать, что она самая обычная плачущая второклассница, и принялись бы жалеть. Но от перекрёстка до перекрёстка Таня Зайцева стояла абсолютно одна, и некому было её утешить. Ладно! Всклипнув последний раз, она стала слушать, в какой стороне раздаётся невнятный говор героев, спрятавшихся под обложкой украденной книги... Услышала. И пошла в ту сторону.

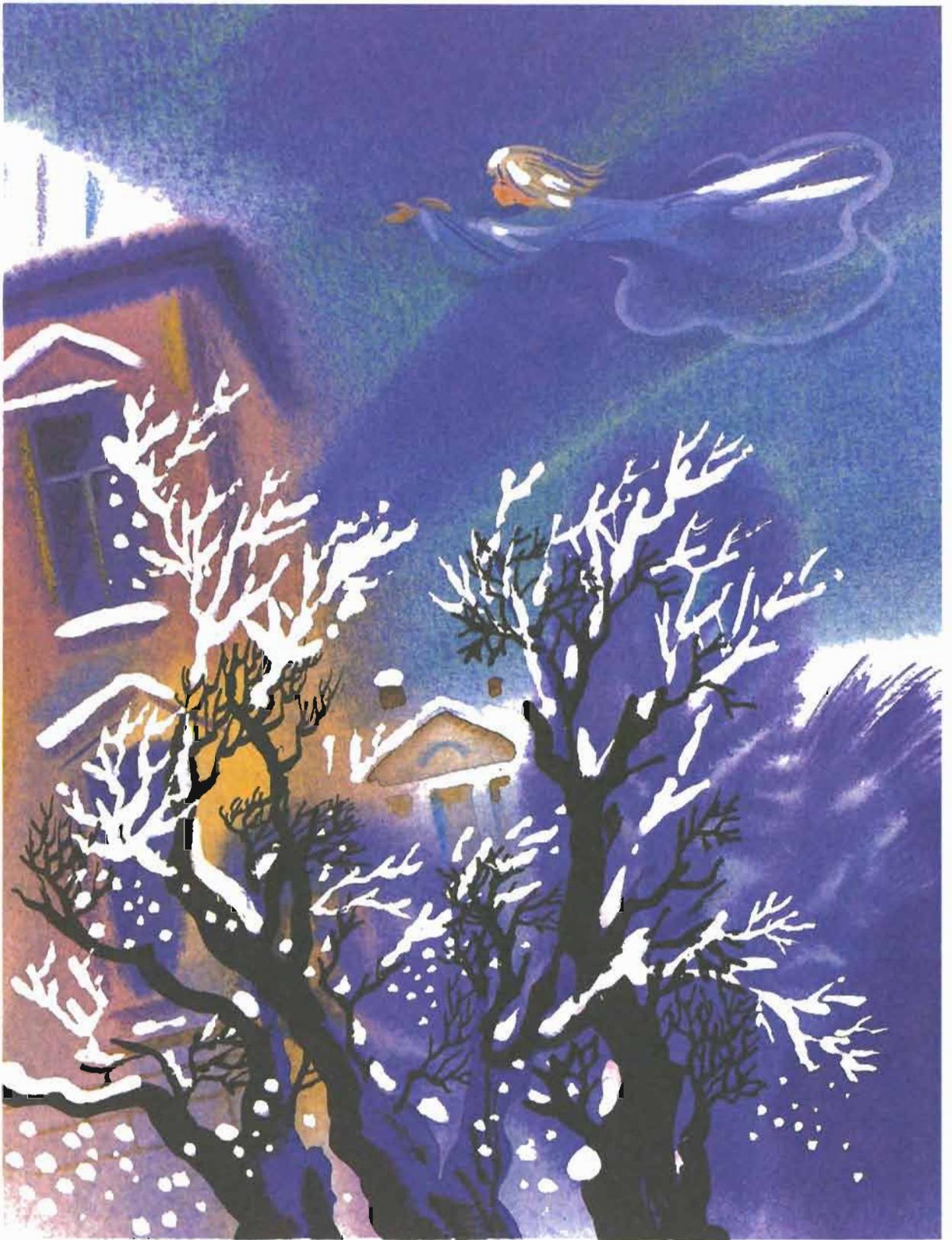
Вдруг она подумала: «Может, я колдунья?..» Но не верилось ей, что колдунья — хотя бы и семи лет от роду — может не знать, где живёт её вожатый. Понимаете, есть на свете вещи, про которые, даже особенно не задумываясь, обязательно скажешь: так не бывает.

Наконец Таня вошла во двор, где звук голосов из книжки раздавался особенно ясно. Пожалуй, двор этот был Тане знаком. Она заглядывала сюда, когда ходила с ребятами за макулатурой... Подняла голову — шестой этаж. И форточка приоткрыта.

Теперь она поняла, что легко может взлететь туда. Раньше ей казалось, что обязательно нужна метелица, но теперь она поняла, что может это в любую погоду. И сказала себе: «Ну, лети!» Однако не полетела, как уже не летала много раз... «Неужели я опять забоялась?.. Нет, не в том дело». Таня чувствовала: что-то мешает ей. Оглянулась вокруг — внимательно, медленно. Вроде все свои: деревья, снег, дома... И, не раздумывая больше, решив, что она просто трусиха, Таня взлетела!.. Казалось, она это делала всю жизнь... Главное, правильно подпрыгнуть!

Она летела, а может, лучше сказать, плыла. Так ныряльщики плывут со дна к поверхности моря.

И вдруг Таня услышала крик — он догнал её снизу. И, не оборачиваясь, Таня знала, что это кричал, что это с огромным удивлением смотрел ей вслед Гришка.

Но уже некогда было пугаться. Таня подлетела к самой форточке, на мгновение изогнулась и вытянулась, словно облако сигаретного дыма перед вентилятором. Потом опять стала собой и тихо опустилась в той самой комнате, перед тем самым столом и перед той самой книгой, которую она уже видела однажды — когда строгая учительница прикрикнула на неё: «Зайцева, дальше!»

Лежавшая на диване Пеструха подняла голову. Хотела зевнуть, но не зевнула, решив остаться строгой. С другой стороны, она же видела, что перед ней Таня.

— Ты чего сюда? — спросила собака. — Мне охранять не надо?

У Тани было такое непонятное какое-то чувство, ведь она одновременно и обманывала и не обманывала... Взяла книгу:

— На, понюхай. Это не его.

— И не твоя!

— А я отнесу куда надо... Что ж, ты мне не веришь?

Тут они услышали шум внизу... Таня, пока объяснялась с Пеструхой, забыла про Гришку, про двор, про то, как ей отсюда выходить. Но сейчас, и очень быстро, она всё вспомнила. Со страхом глянула в окно, чуть тронув головой занавеску. Двое мальчишек дрались, а ещё трое смотрели, как это обычно бывает. Один был высокий, уверенный, и дрался он несерьёзно. А другой был так себе, что называется шплинт, и он старался, как на первенстве мира по боксу.

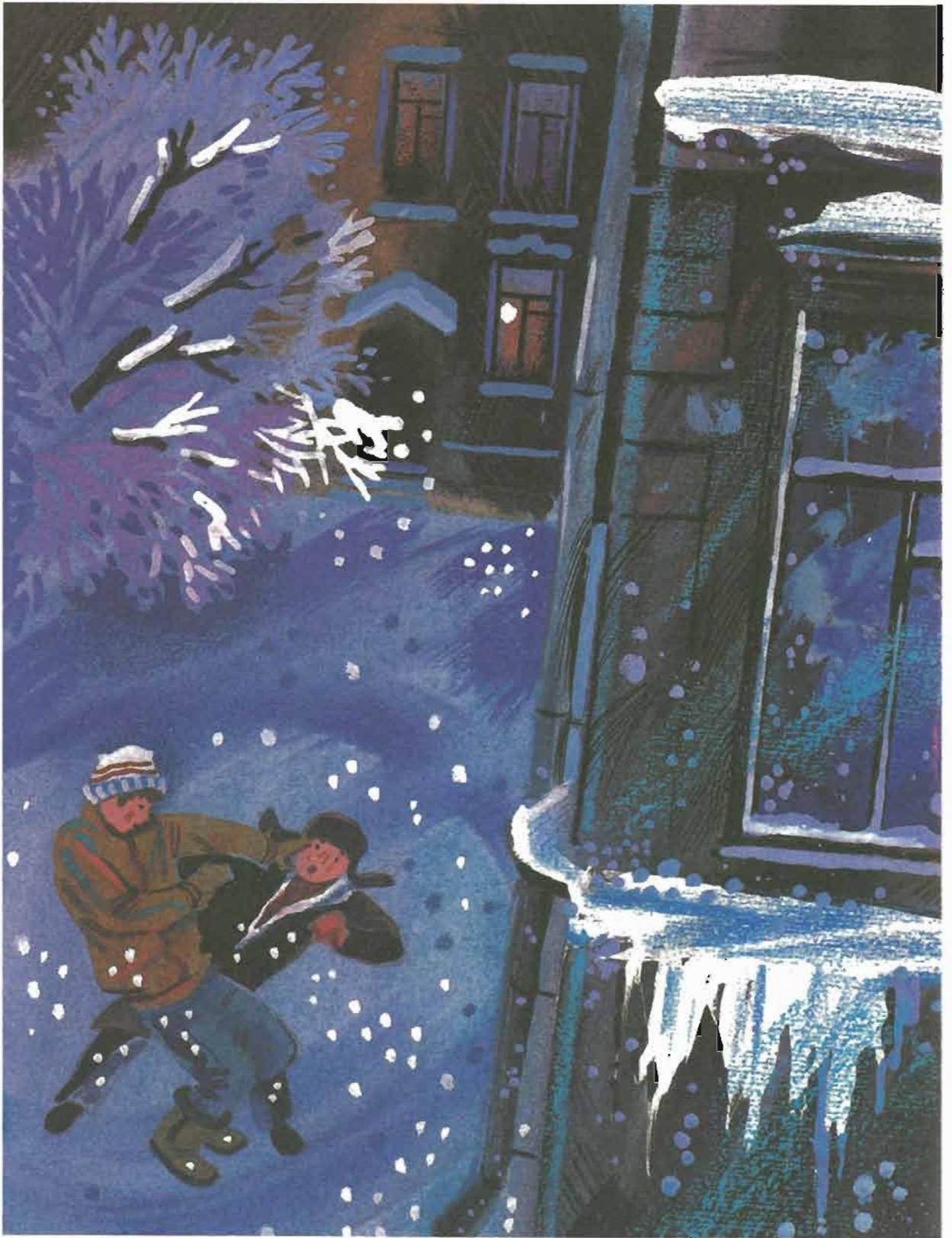
Это дрались Гришка и Вадим. Гришка дрался и кричал: «Уходи! Уходи!» А Вадим как будто не слышал его. Он отмахивался, чуть не смеясь: «Да сам ты уходи, дубина!»

Но пока Вадим это говорил, Гришка изловчился, стукнул его по глазу. Таня, хотя и не дралась никогда, сразу почувствовала, как больно сейчас Вадиму. С этой секунды он тоже стал драться по-настоящему — чтобы избить. Раз, два, три! И Гришке уже ничего не оставалось — только закрыть лицо скрещёнными руками. Лишь иногда он опускал руки, чтобы крикнуть: «Уходи!» А Вадим ловил момент и успевал стукнуть его — то в нос, то по скуле.

«Господи, что же я молчу?!» — догадалась наконец Таня. И крикнула:

— Я ушла!

Гришка сразу упал на истоптанный снег. Вадим замахнулся ударить его ногой, но не ударил, плюнул презрительно прямо

на одетую в пальто Гришкину спину и пошёл к своему подъезду.

Тотчас Таня бросилась к выходу... Во второй комнате на стуле небрежно висела знакомая ей красная куртка. Когда-то, в начале первого класса, они ходили на экскурсию в лес, и Вадим был с ними... в этой куртке... Он так интересно рассказывал про птиц и про деревья — кто из них кого любит, а кого недолюбливает. У куртки неловко завернулись рукава, и было ясно, что ей больно. Какое-то время Таня помогала ей. Потом ещё сколько-то провозилась у входной двери. Наконец открыла защёлку — снизу уже подползал лифт.

И тогда она бросилась по лестнице. Притаилась на следующей площадке и, стараясь не дышать, слушала, как громко и сердито дышит Вадим...

Только вышла из парадного...

— Эй!

Она стояла совсем беззащитная, прижимая книжку к груди.

— Да не буду я отнимать! — Гришка попробовал усмехнуться. (Но когда губы разбиты, это получается довольно-таки плохо.) — Бери её себе.

От волнения и страха Таня ничего не могла ответить. Только сумела помотать головой.

— Кончай... Знаешь, сколько она стоит?!

Таня опять ничего ему не сказала. Прошла мимо, уже не опасаясь, что он вырвет книгу.

БУДУЩИЙ ПОЛЯРНЫЙ ЛЕТЧИК

Пасмурный ноябрьский денёк стоял в ожидании вечера. Огромная церковь впереди, как говорят, самая большая в Москве, бледно светилась сквозь хмурь синим, белым и золотым. А за церковью, ещё немного пройдёшь, — высокая ограда, и там в глубине, среди деревьев, стоит двухэтажный дом — старинный, с большими старинными окнами, со старинным балконом, сделанным из чёрных чугунных кружев. И название у дома старинное: особняк. В нём как раз и есть библиотека имени Пушкина.

Перед тяжёлой железной калиткой Таня остановилась.

— Ладно, хватит тебе, — сказал Гришка. — Не ходи!

Она снова ему не ответила. Стояла и смотрела на дом, который ей очень нравился своей старинной красотой. Только было видно,

что он очень устал. Но если б ему сделали ремонт, он бы сразу вздохнул с облегчением, смог бы отдыхать по ночам, а не стоять, сжавшись из последних сил, как ему приходилось теперь.

«Жалко, что я здесь никогда не бывала», — подумала Таня. И вдруг — словно совсем ни с того ни с сего: «Жалко, что я здесь никогда больше не буду!»

Сразу сердце у неё заболело. Так, наверное, болит у бабушки, когда в квартире начинает пахнуть валокордином. И Таня крикнула себе: «Нет, буду, нет, буду!» — тоже вроде лекарства. И скорее пошла к дому, в то же время стараясь поздороваться с каждым деревом. Сзади она слышала Гришкины торопливые и нерешительные шаги: боялся. А всё-таки шёл!

Таня вбежала на крыльцо, быстро оглянулась:

— Дальше не ходи.

Открыла дверь — тяжёлую, на упрямой пружине. Но стоило с нею потягаться: перед Таней была прямая белая лестница. И в конце её, наверху, как вельможа или даже как сам царь, стояло неподвижно огромное, с полу до потолка, ясное зеркало в чёрной раме. Хотелось пройти эту лестницу не спеша, словно ты — Снежная Королева... От этой мысли Таня почему-то вздрогнула и через ступеньку помчалась по лестнице — как в школе, когда опаздываешь из буфета на урок.

Так она и влетела в читальный зал, лишь тенью мелькнув в прекрасном зеркале. И сразу оказалась перед деревянным барьерчиком, за которым стояла женщина с тонкими покрашенными губами и взглядом, который как примагнитится к тебе, так не вырвешься. И ещё было понятно, что она курит.

— Я нашла книгу. — Таня положила «Мёртвые души» на конторку.

Женщина хотела сказать, что сюда не входят в верхней одежде... Да и ноги, наверное, эта девочка забыла выте... Но увидела книгу!

— Где же ты нашла её?!

«А зачем ей — где?» И ответила:

— В сквере, там, возле церкви.

Женщина нервно и бережно полистала книгу. А взглядом ни на миг не отпускала Танины глаза.

— Видишь ли... Тут нет следов ни дождя, ни снега.

— Значит, я вам не скажу! — Тане стало нестерпимо жарко. Она скорее стянула шапку, расстегнула пальто.

— Так, может, это ты её... отсюда потеряла?

— Я здесь первый раз! — И вдруг добавила: — А больше никогда не приду!

— Интересно... Книги, что ли, не любишь?

Нет, она любила, именно любила, книги, и библиотеку эту, и людей на улице, и машины, и всю Москву, и всю жизнь.

— Что же ты молчишь?

— Я уезжаю.

— Далеко?

— Я не могу вам сказать... Я, вернее, не знаю.

— Странная ты девочка. Только не гордись этим. «Странная» ещё не значит «хорошая»... Теперь ты мне должна сказать: кто? — Она постучала ногтем по кожаному переплёту «Мертвых душ».

— Зачем же я вам скажу?

— Затем, что *он* снова может украсть.

— Не украдёт!

В последний раз Таня услышала отголосок разговора, который тихо выползал из не читанной ею книги. Потом она вновь мелькнула мимо зеркала, сбежала по лестнице, по которой надо ходить медленно. Навалилась на дверь... Гришка ждал её, стоя под крыльцом, как часовой.

«Хотя бы побуду немного в этом саду», — подумала Таня. Направо от главной дорожки шла ещё одна, узенькая. Она останавливалась у припорошённой снегом клумбы, среди которой торчали забытые почерневшие цветы и просвечивала замороженная трава. «Ещё оживеешь», — подумала о ней Таня и села на лавочку, покрытую снежной бумагой. Гришка стоял напротив неё.

— Нужно, чтобы я всё тебе рассказала?

— Нет! — Он так замотал головой, как будто правда этого не хотел.

— А что?

— Ничего... просто... Давай я тебя буду встречать после школы?

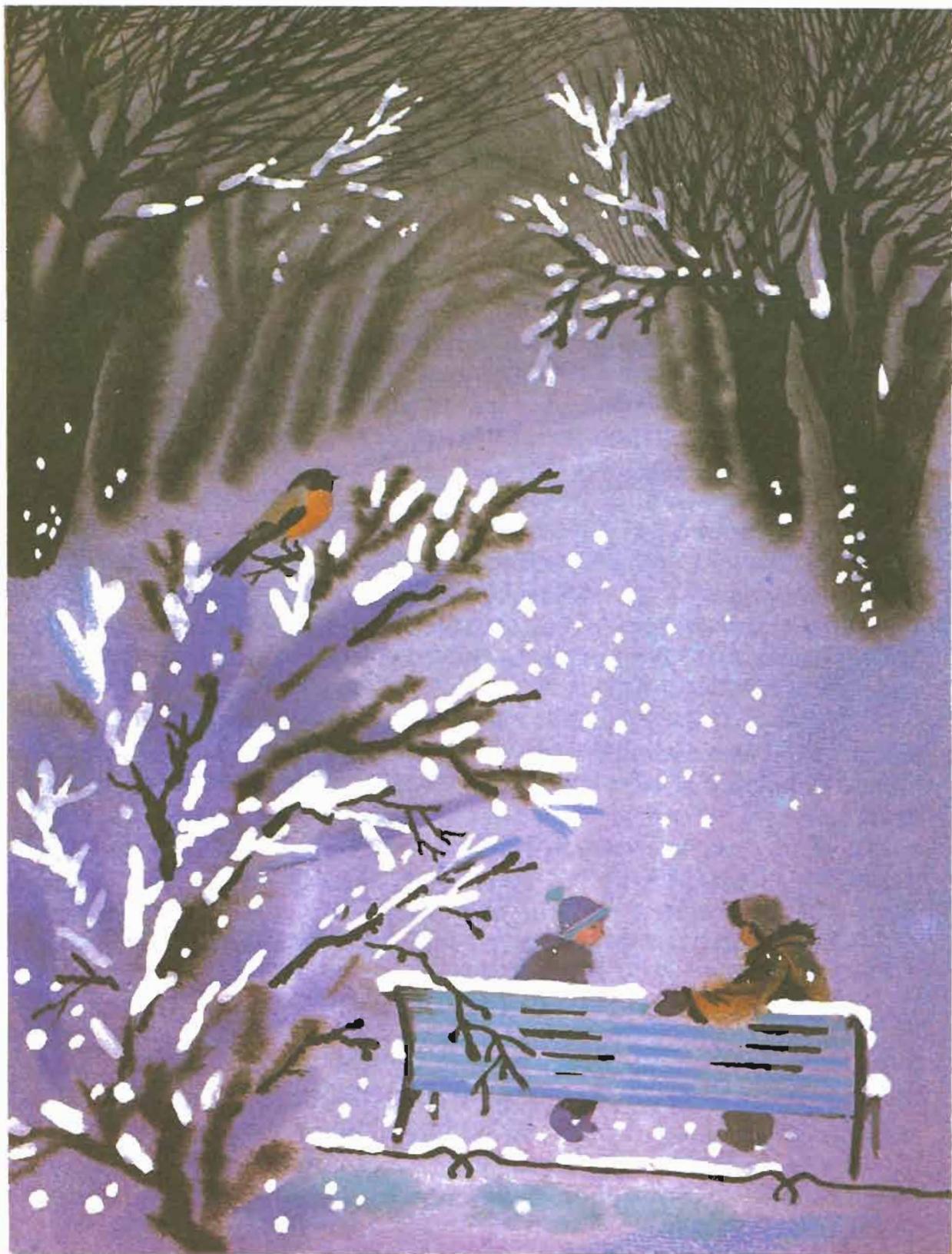
«Я хочу, чтобы Вадим...» Но сказала:

— Зачем?

— Ты что? Глупая? — Он в первый раз улыбнулся спокойно. И губы его то ли заморозились, то ли просто перестали болеть.

— А потом что? — спросила Таня. — Жениться, да?

Он что-то стал говорить — такое, совсем не интересное: «Ну ты даёшь! Полный обвал...»

А Таня увидела этого Гришку взрослым. Ему говорят:
«Ты бы, Григорий Иванович... Совсем-то с ума не сходи! Тебе, брат, ведь уже тридцать пять квакнуло...»

А он отвечает: «Найду, понятно вам? Всё равно я её найду!»

И потом его бесшумный вертолёт скользит, едва не задевая лапами зелёные ледяные верхушки. А Таня, спрятавшись за торосом, смотрит, как он летит и кружит — сперва где-то рядом, а потом улетает, улетает...

УБИЙЦА

Она снимала в прихожей сапоги, когда бабушка выглянула из кухни. Лицо такое, что... будь готовой ко всему! Но жизнь не угадаешь. И в этом Таня убедилась уже через секунду.

— Тебе мальчик звонил!

Нет, жизнь ни за что не угадаешь. Она как ноты: «до»... А потом ни с того ни с сего — «соль»! А дальше опять «до», а дальше «ми», «фа»!.. И ты стоишь, плечами пожимая: это всё зачем?.. А получается мелодия.

Только сейчас, увы, получалась мелодия, от которой Тане приходилось краснеть.

— И... и чего, баб?

— Да рановато, милая! — Она вроде шутила, а вроде и нет.

Тут и зазвонил телефон.

— Тебя! — И бабушка ушла на кухню.

Чувствуя сквозь колготки бугры и щербины родного пола, Таня побежала в большую комнату:

— Алё...

— Я понял: это ты украла! — крикнул Вадим.

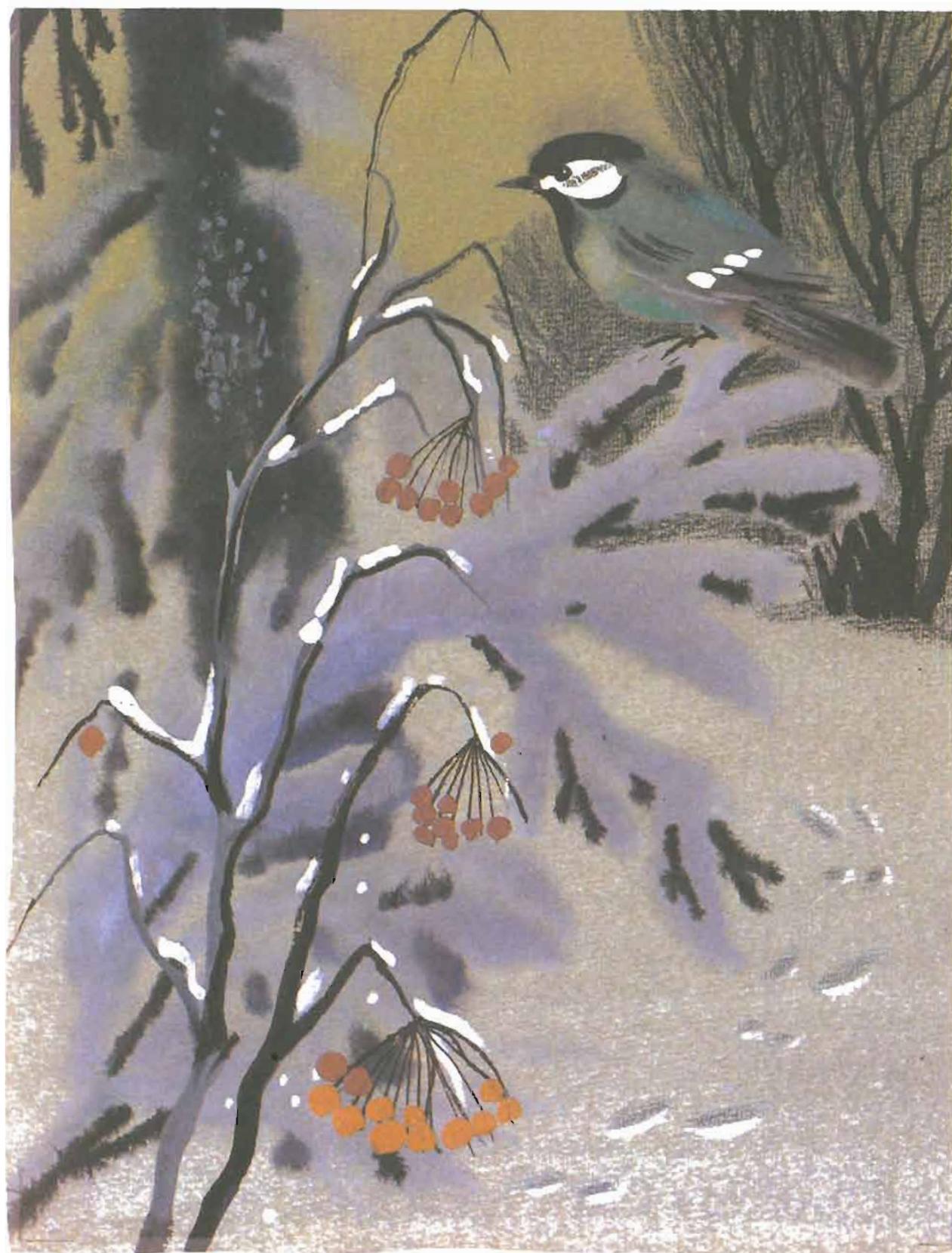
И Таня легко увидела его в съехавшей на бок шапке, с чёрным синяком под глазом. Стоял и царапал ключом стену телефонной будки.

— Во-первых, я отдала её в библиотеку!

Это был хороший ответ. Кое-кого мог бы поучить вести себя!

— Дура! Никогда не суйся в чужие дела! Усвоила, нет, что ты дура набитая?.. Только не клади трубку, а то не узнаешь самого интересного.

— Спасибо большое. Я уже, честное слово, всё узнала! — Это она хотела сказать с презрением. Да, к сожалению, не всем оно удаётся. И получилась только обида.

Но Вадиму-то было плевать на её голос. Он мчался, как метеорит по небу, и весь горел на лету:

— Знаешь, кто ты на самом деле? Убийца!

Существуют слова до ужаса от тебя далёкие. Скажем, «водолаз». Мечтай не мечтай, всё равно водолазом не станешь и никто водолазом никогда тебя не назовёт. Или там купец. Тоже ведь невозможно себя представить купчиной или... купчихой... И это вот мерзкое слово тоже было неприменимо к Тане — так ей казалось всегда... Нет, не казалось — это было наверняка! Теперь вдруг её назвали у б и й ц е й.

— Я сейчас приду, — она прошептала. И почувствовала, что какие-то особенно холодные слёзы ползут по её щекам.

Бабушка всё оставалась на кухне, поэтому Тане ничего не надо было объяснять, она просто выбежала на улицу... И остановилась, опомнилась: в одном платье, на ногах только колготы... Дело не в холоде, а в том, как сразу все удивятся, испугаются. Хорошо, что кругом никого! Легонько подпрыгнула... Трудно ли ей было долететь до родного окошка... Но ещё на лету жуткий испуг схватил её: «А вдруг бабушка...»

Тут она и вошла!

— Таня?.. Ты что на подоконнике делаешь?

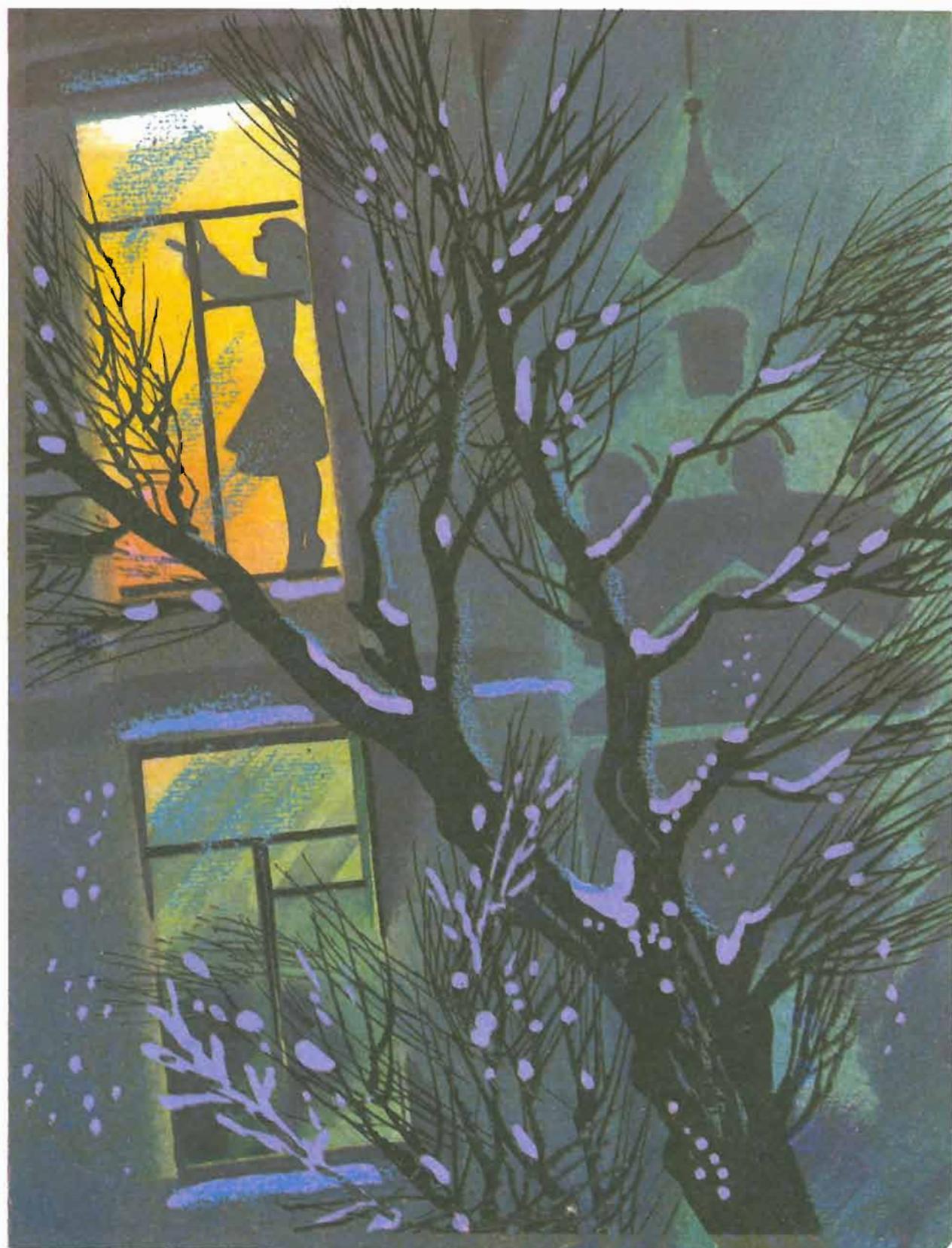
— Я... бабушк... форточку хотела прикрыть. Дует чего-то...

— А что колготки в снегу? — Тут увидела растерянное Танино лицо: — Ну, ничего, ничего... Просто не делай так больше.

ВАДИМ И ЕГО ДОЧЬ

Вадим стоял в будке около кино «Спартак»: шапка, съехавшая на ухо, фингал под левым глазом — в общем, всё точно. Только про пальто она забыла — две пуговицы расстёгнуты, а две другие вырваны с мясом... И к этому «лётчику» она бы вышла из-за тороса и помахала б рукой — пусть он её увидит.

Но знала: Вадим не станет полярником, а главное — никогда не будет её искать... Тане представился денёк, отделённый от этого дня многими и многими годами. Вадим идёт с дочерью. Наверное, из детского сада. Так же вечернее солнышко досвечивает, как сейчас, и метель, тоже как сейчас, крутит не торопясь, подсыпает под ноги снежку. И Таня — невидимая, неслышимая — бежит им навстречу: «Это я! Это я!» Но не может докричаться, не может попасться им на

глаза... Так иногда бывает во сне, и, может, Таня просто вспоминает сейчас сон?..

Вадим по-прежнему ведёт за руку свою дочь.

«Пап, — она говорит, — смотри, как снег красиво переливается!» — И показывает прямо на Таню.

«Где снег? — говорит Вадим. Он и дочку-то свою не замечает, он всё думает, думает. — Переливается?.. А, верно...»

Вадим увидел быстро шагавшую к нему Таню:

— Слушай, как ты меня нашла? — Но спросил это без радости, без удивления, а просто как учёный, который оторвался от микроскопа: мол, во, надо же, новая бактерия появилась! Посмотрел на Таню, задумчиво изучая — правда, как на бактерию: — Ну, отвечай!

Таня подумала наврать. Причём что-то нескладное, длинное: якобы Гришка всегда звонит ей из этого автомата... Она просто пожала плечами.

Вадим прищурился, закусил губу, так стоял некоторое время.

— Я не собираюсь узнавать, как ты залезла ко мне в квартиру и как ты своим рассказом усыпила Гриху-дурака. И как ты меня нашла... Мне чихать на это! Поняла? Я не собираюсь тобой восхищаться. Кто ты и как ты — да будь кем хочешь. Я с вами в эти игры про сказки не играю.

— Ну и не играй, — пролепетала она. — Тебя не заставляют...

— Помолчи! И послушай... Сумела мне всё испортить, сумей поправить... Хоть фокусы индийские показывай, а мне нужно, чтобы она осталась жива.

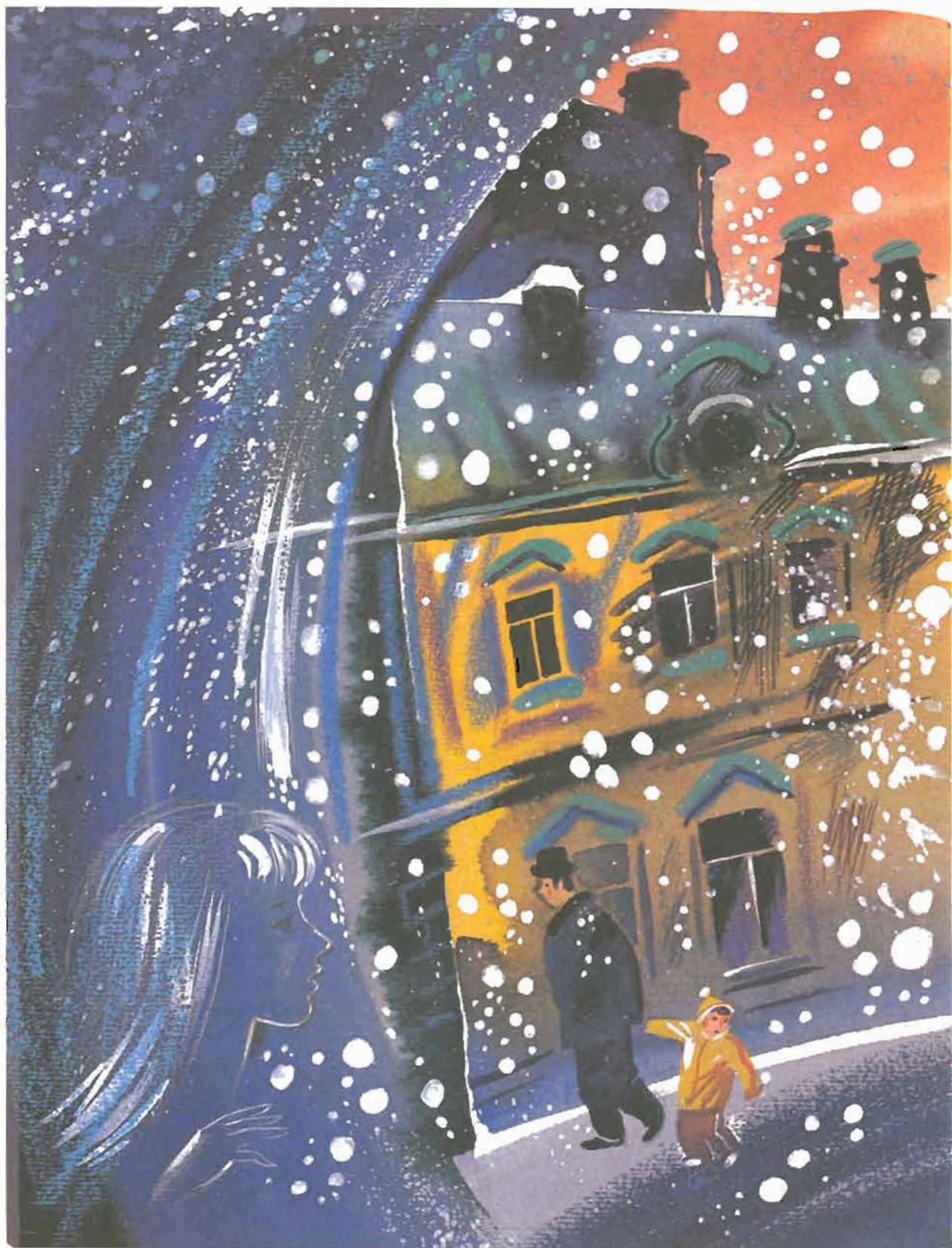
Таня, стоявшая до этого с опущенной головой, быстро глянула на Вадима:

— А?!

— Ворона-кума!

ИСТОРИЯ СОВЫ

История совы?.. Да, так правильно будет назвать эту главу. История совы началась на Птичьем рынке в Москве. Его не стоит здесь описывать. Его уже описывали не раз. Скажем лишь, что он огромен, что зверей тут, наверное, больше, чем в зоопарке. И даже говорят, там задумчиво бродит человек с медведем на ремне. У него спрашивают: «Э, мужик, вы чего? Медведя продаёте?» — «Ищу, —

отвечает, — того парня, который мне год назад его за хомячка подсунул».

Вадим бывал на Птичьем каждое воскресенье. Покупать не покупал. Но смотреть-то можно и задаром — правда? И вот однажды его остановил разговор:

— Она почему у тебя белая-то вся?

— Белая?.. Окрас такой!

Вадим обернулся. Мужчина, несмотря на очень позднюю, почти что «зимнюю» осень, одетый всего лишь в лёгкий плащ, из-под которого виднелась красная от мороза голая грудь, продавал красивую и крупную носатую птицу, сидевшую в тесноватой, петушиной какой-то, канареечной клетке. Рядом стоял покупатель и, как водится, хаял «товар», сбивая цену:

— Седая какая-то... Она у тебя что, старая? Или несчастная? — И засмеялся.

Такому человеку не то что сову — таракана, холерного микроба не надо продавать. У него была физиономия мальчишки-мучителя. Хотя он уже был парнем лет пятнадцати с соответствующей стрижкой и при рокерской куртке.

— Это полярная сова, — ответил продавец спокойно и даже чуть сурово. — Потому что я — полярник.

Парень оглядел продавца с ног до головы... Продавец, конечно, не был полярником. И дело тут не в подозрительном плаще, а во всём его нечестном виде. И сову, вернее всего, он стащил у кого-нибудь.

Продавец и покупатель ещё постояли друг против друга какое-то время, а сова словно совсем безучастно ждала, чем это кончится. Наконец они сторговались, будто речь шла не о живой птице, а о цигейковой шапке. Покупателю хотелось получить сову, а продавцу поскорей от неё избавиться.

— Ну и на что она тебе? — спросил продавец, который наконец-то мог не расхваливать сову на все лады.

— Чучело сделаю! — засмеялся покупатель. — Неужели кормить её!

На что продавец был равнодушным человеком, но и он, казалось, испугался... Затоптался на грязном снегу, полез в карман. Но, видно, очень уж не хотелось ему возвращать деньги. И, засмеявшись опять, покупатель пошёл прочь. А Вадим крадучись пошёл следом:

он-то испугался по-настоящему! А сова сидела в тесной клетке, ничего не подозревая, и только крылья её, наверное, затекли, как затекают у человека руки, связанные верёвкой.

Потом Вадим догнал этого парня, покупателя, которого фамилия, как потом выяснилось, была Прибылов... Он догнал Прибылова и спросил как бы небрежно: правда ли тот собирается делать чучело? Если да, то он, Вадим, мог бы посоветовать первоклассного чучельника.

Прибылов был человек безобидный, но когда где-то слышался запах выгоды, он её первый как раз и чувствовал! Денька два Прибылов поскучал в ожидании чучельника, потом ещё денька два слушал рассказы Вадима, что, мол, у полярных сов сейчас начинается линька и данная птица должна стать нежно-синей с лазоревой окантовкой... Дверца при этом была надёжно заперта на висячий замок, а сама клетка цепью прикована к батарее.

Ещё через денёк Прибылов сказал — словно бы просто с неба:
— Продавать не буду, а поменяться могу!

Вадим понял, что играть в прятки тут больше нечего, и они приступили к переговорам.

Странно, конечно, было, что здоровый пятнадцатилетний дядя что-то будет требовать с простого шестиклассника. Но дело в том, что Прибылов безошибочно чувствовал, где можно что-то ценное вытребовать, а где — нет. Поэтому он бы и с грудного младенца тянул, если б знал, что дело выгорит.

И он сказал, что за сову ему нужна книжечка, прижизненное издание какого-нибудь классика.

— Что такое «прижизненное»? — спросила Таня.

— Ну вот смотри: Пушкина или Гоголя сколько хочешь книг — и у тебя есть, и у меня, и у всех. Но это новые книжки. А Прибылову нужно старую — чтобы она ещё при жизни вышла того, кто её сочинил.

— А зачем?

— Ну, ценится у этих, у коллекционеров... Дорого стоит!

Оказывается, Прибылов собирал книги: ему «умные люди» объяснили, что книги никогда не подешевеют, а будут только дорожать. Не простые, конечно, а старинные. А чучело совы он хотел посадить наверх, на книжные полки. Потому что сова в старые времена обозначала мудрость.

У Вадима план был уже готов. Он пошёл к Гришке: «Хочешь денег заработать?» А Гришка ведь сам не знает, чего он точно хочет. Но «денег заработать» — теперь считается, что это хотеть хорошо. Гришка и говорит, дурачок: «Хочу! Конечно!»

Тогда Вадим отвел его в читальню Пушкинской библиотеки... А там много лет работала Вадимова тётя — пока не умерла. «Вот шкаф, — говорит, — вот вторая полка, вот эти две книги. Хватай любую... А вот ключ от шкафа».

Там буквально ничего не изменилось с тех пор, как тётя не стало... А что там, собственно, может измениться!

Гришка взял газету «Советский спорт», сел за столик и принялся якобы читать, а Вадим стал звонить из автомата якобы взволнованным голосом: «Татьяна Михайловна, ай...», «Татьяна Михайловна, ой...» А библиотекари, они, в общем-то, никогда ничего плохого не подозревают. Хотя их и обманывают довольно-таки часто! И пока она кричала в трубку, мол, кто там да что случилось, Гришка вытащил одну из приказанных ему книг — да и был таков!

— А что ж ты сам не украл? — спросила Таня. Но не потому, что интересовалась, а потому, что хотела, пусть и немного, отомстить Вадиму.

Но сей ехидный вопрос совсем на него не подействовал.

— Не украл почему? Да потому! Надо, чтоб у меня рука осталась чистая. Иначе я лечить не смогу.

И он рассказал, что великий Пирогов будто бы говорил: врачом может быть лишь человек, никогда ничего не укравший.

— А как же ты — у Гришки?!

Вадим небрежно махнул рукой:

— Не считается. Это же я просто жулика наказал!

Тут Таня опомнилась: совсем не время сейчас препираться, ставить Вадима к стенке всевозможными ловкими приёмами.

— Послушай, а зачем обязательно воровать-то? Я у бабушки денег попрошу!

— «Денег»! Да он, если её чучелом продаст, столько получит — твоя бабка в жизни не отстегнёт!

Таня остановилась перед этой фразой, как перед колючей проволокой. Вот как! Сова была жива, и это мешало ей стать «по-настоящему дорогой»!

ПРОЩАЙТЕ!

Она была одна в своей комнате. Говорила себе: «Ну, давай думай. Устроила беду — теперь думай!» Но другой голос в это же время отвечал: «Я же поступила честно, а раз честно, значит, правильно». — «Правильно? А сову за твою честность убьют». Вот как бывает!

Надо было сову спасти. Прибылов сказал: «Через двое суток сове — секир-башка». Вадим: «Врёт он, не сделает, ему же надо выкуп получать». А вдруг сделает?

Таня попробовала представить, как идёт к Прибылову, как открывает дверь... И вдруг поняла, что не сможет её открыть. Тогда она представила, что выходит во двор прибыловского дома, чтобы подпрыгнуть и... тоже не смогла. Она поняла, что не сможет проникнуть. Поняла, что никогда не увидит сову! «Разучилась я, что ли?.. Значит, я стала как все?» Но знала: никогда не стать ей просто девочкой!

Из-под двери, из большой комнаты, где была сейчас бабушка, к Тане ползло беспокойство. Тихо она выглянула в бабушкину комнату. У них комнаты смежные: только выгляни — вот тебе и бабушка. Тане это всегда очень нравилось... А говорят, что смежные комнаты не ценятся. Ерунда какая-то!

Бабушка отчего-то волновалась — сама не могла понять отчего. То схватится за вязание, то бросит и подойдёт к окну. Невольно Таня подумала: «Как Гришка!» И тут же услышала бабушкины мысли. Они были какие-то вообще не бабушкины. Они метались, словно стаи птиц по московскому небу, когда во время праздников их гоняют лучи прожекторов. Бабушке всё казалось, что куда-то ей надо пойти. Она даже надела платье и шапку, но стояла посреди комнаты в растерянности.

— Да ты куда, ба? — напряжённо спросила Таня.

Бабушка наконец заметила её:

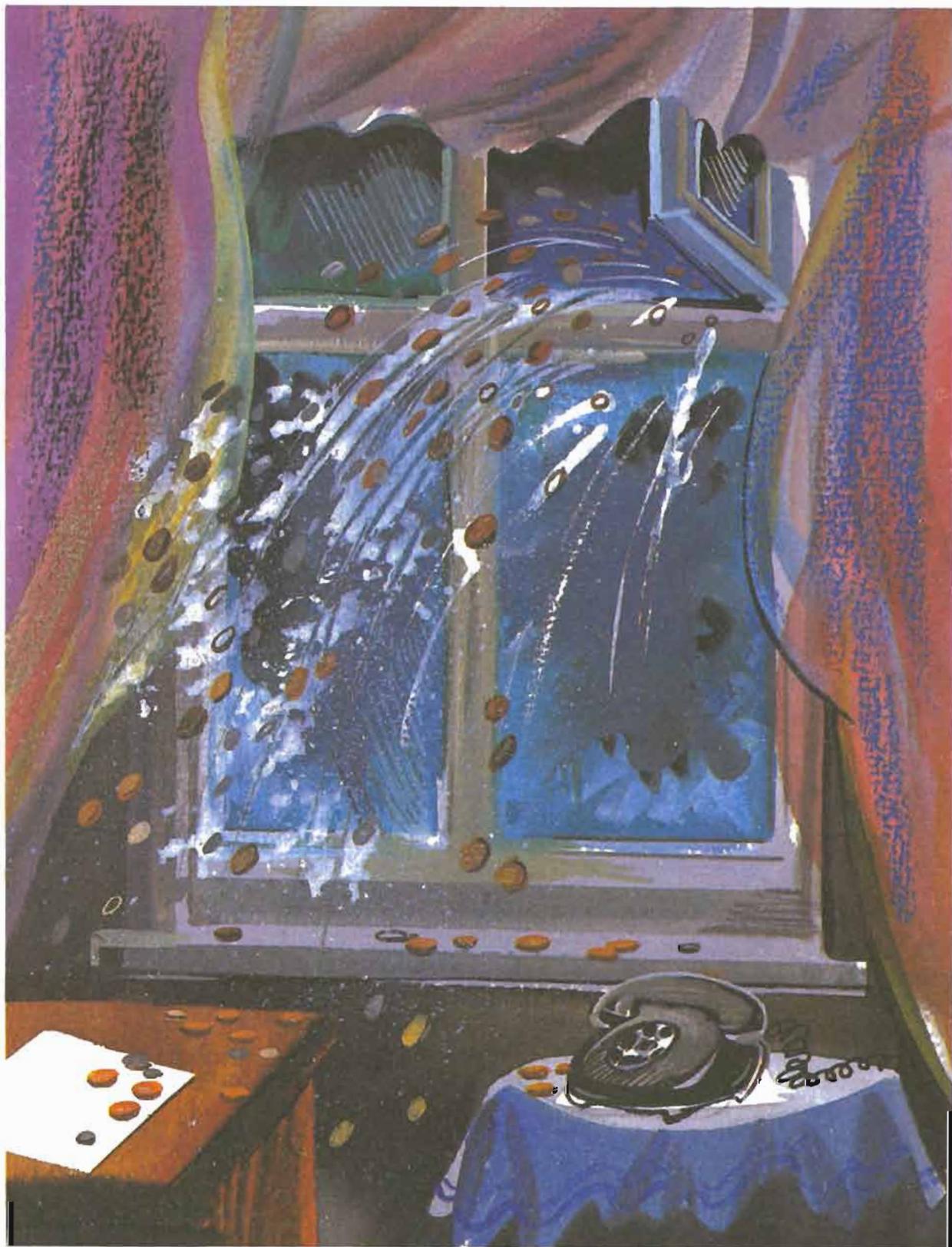
— Никуда... Просто масла подсолнечного купить.

— Есть ведь у нас.

— Ну так это... словом... — Она не знала, что сказать, и мучилась.

Таня пробовала ей помочь:

— Муки, бабушк, муки, да?

— Нет. И мука у нас есть... — сказала бабушка растерянно. Она тоже чувствовала, что будто бы сама себя выгоняет зачем-то из дому. — Знаешь, просто я пройду. Мне что-то пройтись захотелось...

Ушла... И тут неожиданно Таня придумала, как ей спасти сову. Казалось, кто-то нарочно отвлекал её от бабушки, так странно ушедшей.

А придумалось вот что. Сперва Таня легко и ясно представила себе деньги, которые потерялись за эти дни, пока шёл снег. Под снегом ведь много чего теряется, деньги в том числе. А потом, когда наступают март и апрель, это всё вытаивает и многое находится. Но теперь Таня поняла, что и за эти несколько первых дней тоже много потерялось! Сейчас она как бы летела по улицам и легко видела, как под снегом лежат оброненные копейки. Таня ещё немного постаралась, и вот монеты стронулись с места и поползли! Но под снегом, а значит, всё так же невидимо.

Таня едва успела распахнуть форточку — в окно к ней стали влетать пятаки, гривенники, пятиалтынные, то есть монетки в пятнадцать копеек, и алтушки, то есть монетки по три копейки, а то и двугривенные, а то и полтинники!

Таня, став на колени, собирала их, складывала в мешок из-под сменной обуви. Мешок быстро наполнялся, и Тане тяжело было возить его за собой по полу. «А куда я их потом высыплю? — она подумала. — А никуда. Мне же этот мешок больше не понадобится». И остановилась, удивлённая: «Как не понадобится?..» Медленно, по монетке высыпала в мешок горсть мелочи... «Откуда у меня взялась эта мысль?»

Когда мешок был полон, она стала ссыпать деньги в свою шапку. И опять неизвестно откуда подумалось: «Сыпь, не понадобится!» И опять стало не по себе... Но почему не понадобится?!

Словно в ответ ей зазвонил телефон. Звонок был, кажется, совсем обычный. Но Тане услышались в нём ветер и вьюга. И стук оленьих копыт по твердому насту. Хотя она никогда не слышала оленьего топа. И ещё много было всего в этом простом звонке. Со страхом, с радостью Таня подняла трубку:

— Алё!

И сразу поняла, что это дед. Её родной дед!

— Я иду к тебе! — сказал он спокойно и властно. — Отворяй!

Секунды не медля, Таня побежала в прихожую. На вешалке увидела своё зимнее пальто... Не понадобится теперь... Настежь открыла дверь. Поняла: двери недостаточно для её грозного и доброго деда. Бегом вернулась в свою комнату, распахнула окно, и тогда он явился.

Налетела метель, всю обсыпав Таню чистейшим, невесомым снегом. Тотчас сугробы выросли по углам, на диванчике, где сидели Танины куклы, в секунду остудили жаркую батарею. Что-то менялось у Тани в душе, будто б она всё это видела не раз, будто она привыкла к тому, что на кровати вместо перины и одеяла лежит гора снежинок.

Тут дед и обнял её — огромный, с огромной седою бородой. Его объятия были не холодны и не жарки. Они были просто родные, и Таня знала, что никогда не сможет послушаться деда... Он сказал:

— Ну, пора.

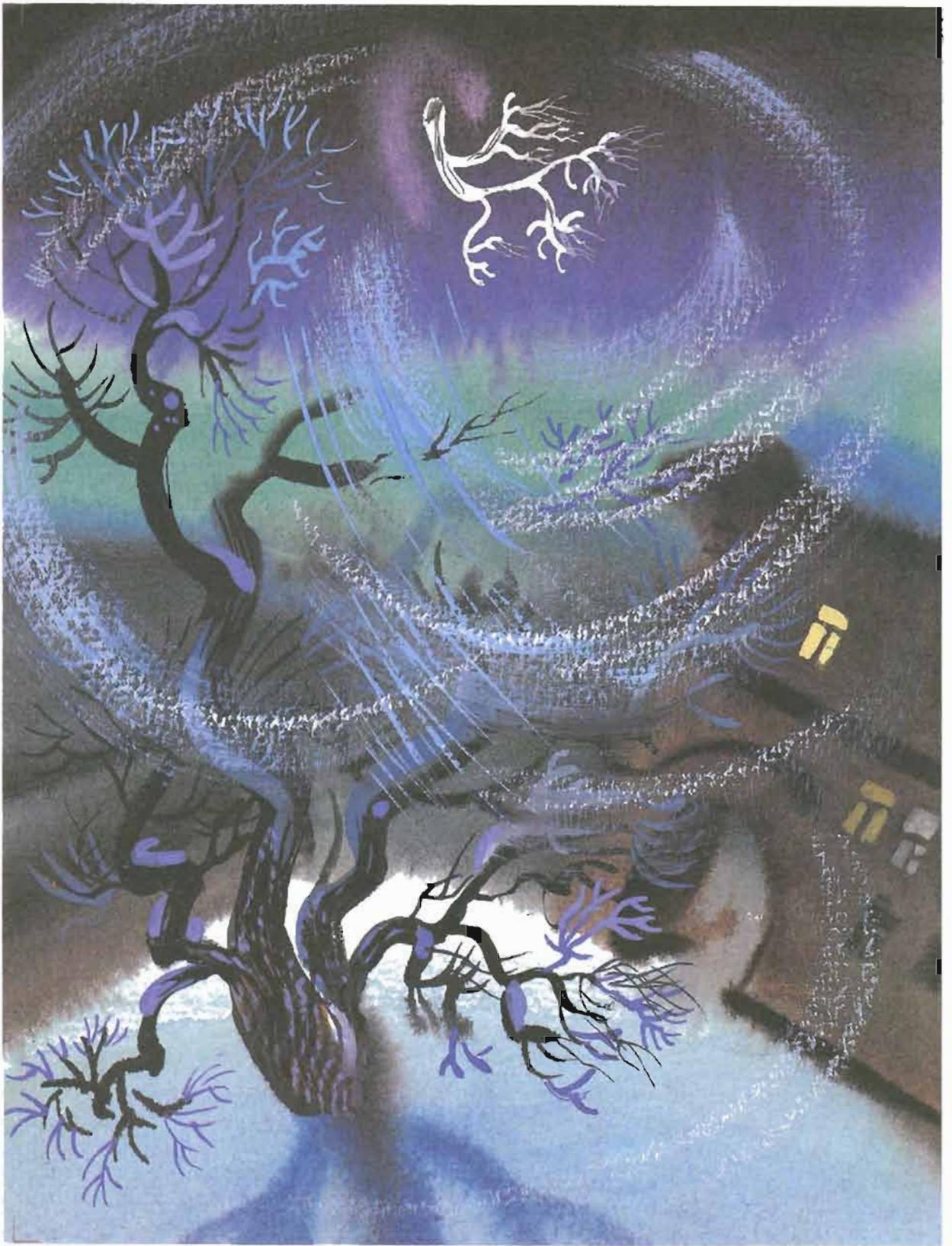
Однако Таня не могла уйти. Она не могла послушаться деда, но и уйти она не могла. Ей страшно было испугать бабушку этими сугробами и паутиной инея у потолка. Дед понял её. Он лишь повёл плечом — явился ветер. Таня впервые видела его за такой аккуратной работой. Буквально по снежиночке он вынес сугробы в раскрытое окно. Причём не обронил их на землю, а утащил куда-то на небеса — может, обратно в тучу, из которой они просыпались.

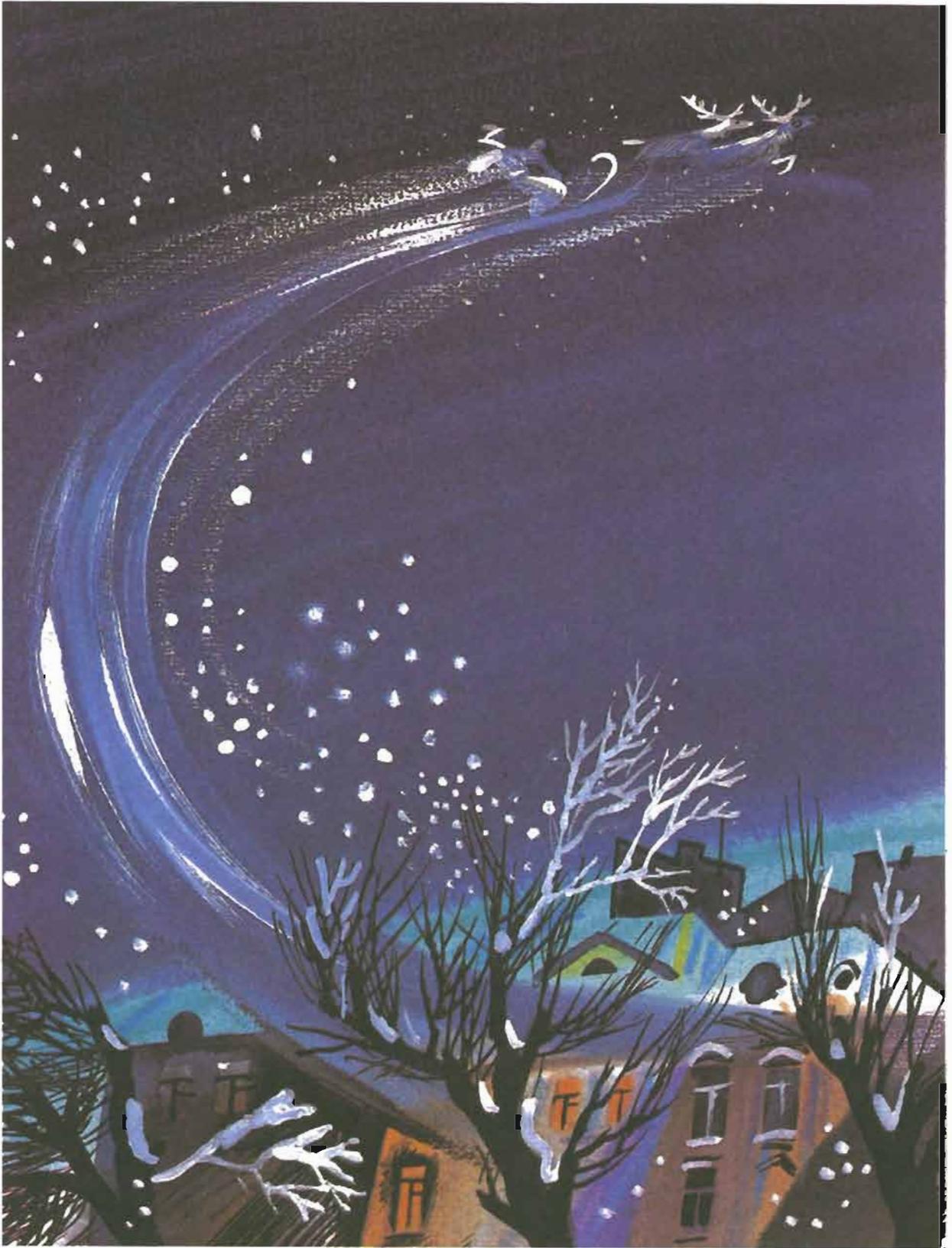
И тогда на полу открылись мешок для сменной обуви и Танина зимняя шапка. Невольно Таня наклонилась к ним, с превеликим трудом подняла и теперь стояла перед дедом с оттянутыми вниз руками.

— Что это? — спросил дед грозно и с испугом. — Брось! Это гадость!

Но Таня покачала головой, ухнула мешок и шапку на стол. Теперь ей надо было написать записку. Она оглянулась в поисках какого-нибудь клочка. Ветер, который все ещё был здесь, сейчас же угадал её желание. Схватил тетрадку по русскому языку, взъерошил и перелистал страницы, а потом быстро вырвал листок и, красиво кувырнув его в воздухе, положил перед Таней.

И Таня поняла, что может, что должна отдавать приказания этому ветру, метели, холоду, снежным тучам на небесах... Но сейчас ей нужна была одна человеческая вещь — хотя и простая, однако абсолютно неподвластная её могучим слугам и даже её могущественному деду. Тане нужна была школьная шариковая ручка.

Вдруг на короткое мгновение наступил ужасающий мороз. У тополя, что рос внизу, под окном, с выстрелом отломилась ветка. Сейчас же её подхватила метель, внесла в Танину комнату. Коряво ветка поползла по тетрадному листку. Ветер старался как мог — ему приходилось угадывать Танины мысли, такие трудные даже для самого умного и ледяного ветра.

Веточка плясала над листом, пачкая его своей замёрзшей кровью, корой и смолой. Получались буквы и слова: «Бабушка! Это Вадиму на полярную сову». И больше веточка не смогла станцевать ни слова. Ветер немедленно вышвырнул её в окно — всю промёрзшую до костей, истёртую, искривленную. Но некому и некогда было думать о её грустной судьбе.

Дед положил Тане руку на плечо. Они посмотрели друг на друга. Взгляд этот был, наверное, ещё короче, чем тот ледяной удар, который сумел оторвать ветку от родного тополя. Но Таня услышала всё, что должна была услышать.

Её жизнь среди людей кончалась навсегда. Её полюбили здесь. И она полюбила. Её обидели здесь. Но и она оставила после себя беду...

— Дед! А сову спасут?

Он не ответил ей, как будто не слышал.

Теперь уж она никогда не будет равнодушной к людям. Тут Таня вспомнила тех, на льдине, полярников, которых она боялась. Потом пронеслись лица всех, с кем она познакомилась в школе, на их улице, во дворе. Кого видела по телевизору...

— Я хочу остаться с ними, дед!

Нельзя. И как только кончится это мгновение, все, кто знал, кто когда-нибудь видел Таню Зайцеву, забудут о ней.

У тебя, бывшая Таня, судьба другая и другая роль. И другая жизнь — почти что бессмертная... А впрочем, не стоит загадывать.

— Но я хочу, дед! Последнее желание: пусть бабушка меня помнит. Никто не помнит пусть, а бабушка пусть помнит!

— Нельзя.

— Можно!

Что-то изменилось в его лице: дед не решился с нею спорить!

— Да, можно, хорошо! — Он снял руку с её плеча. — А теперь уходим!

Коротким невидимым огнём вспыхнул в комнате ветер, вздрогнул лист с корявыми, непонятно как написанными буквами. И всё,

и пусто. И — надо же, как бывает! — метель, что разыгралась на улице, словно балуясь, плотно прихлопнула распахнутые неведомо кем створки окна.

Комната стала потихоньку наполняться теплом.

ДО САМОЙ СМЕРТИ

Ведь это не бывает, чтобы все вдруг сразу забыли одного человека. Но так случилось: словно бы звучала в душе какая-то песенка — и нет её!

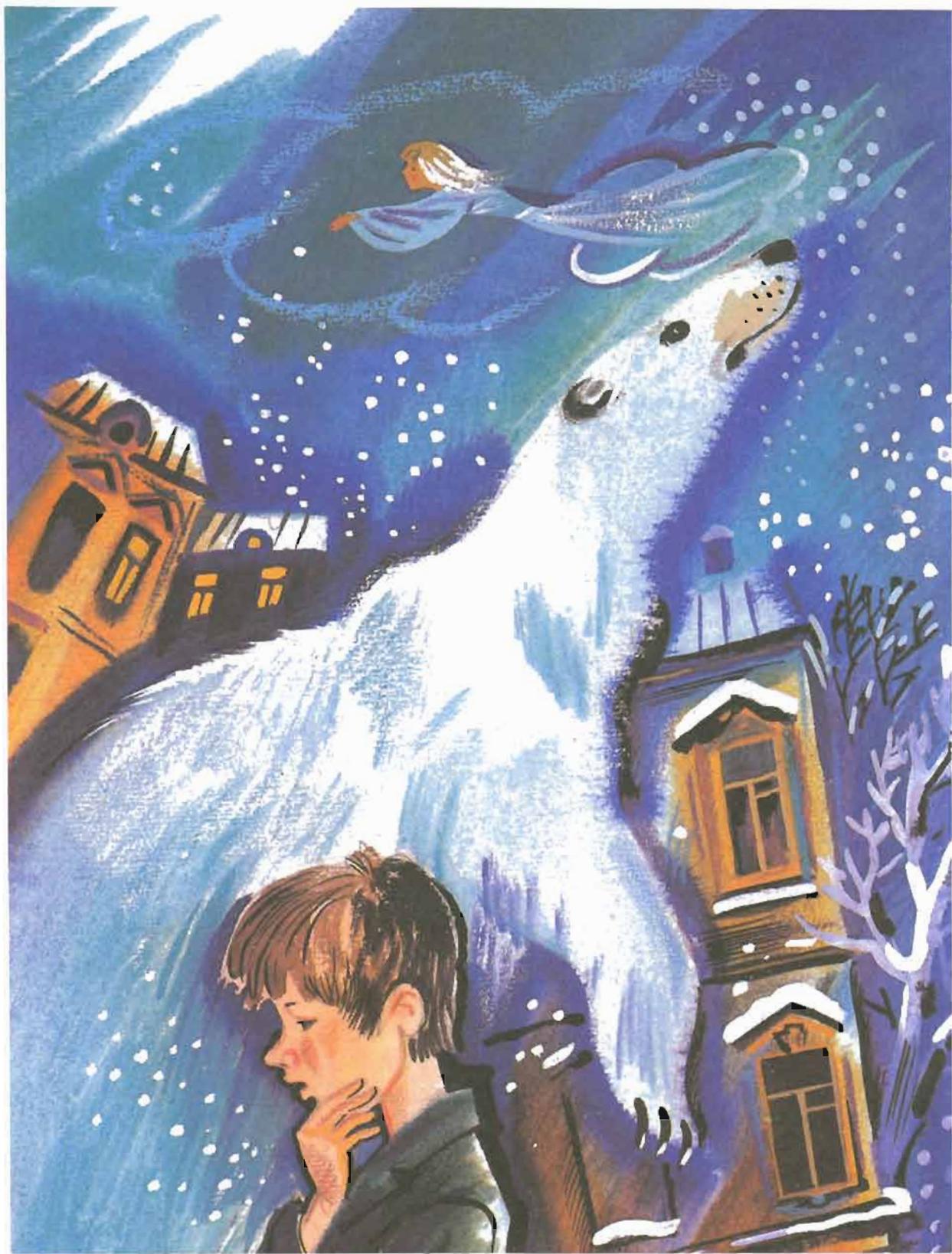
Учительница получила от сына письмо. Сын писал, что поправляется, что нога срослась хорошо и костыли ему скоро не понадобятся... Тут учительница вдруг сказала себе: «Всё, как она мне обещала...» Она? Какая «она»? Поглядела на улыбающуюся фотографию сына. Потом зачем-то взяла классный журнал. Она сидела в учительской, и совершенно одна.

Открыла страницу, стала читать имена своих учеников: Артёмов Женя, Бахтина Алла, Беляев Володя, Васильева Гуля, Викторов Боря, Ельчина Лида, Журавлёва Люда, Заславский Игорь, Иванова Галя... Бред, конечно, но всё же на «3» была ещё одна фамилия. Заславский и... Сколько у меня в классе народу? Тридцать три?.. В журнале их было тридцать два!

Она посмотрела страницу на свет: она была опытная учительница и легко заметила бы любую, даже самую искусную подтирку. Но бумага везде была одинаковая, довольно плохая, на просвет грубоволокнистая — как у всех журналов. И быстро учительница положила его на стол: не дай-то бог, зайдут и увидят... Вряд ли она смогла бы это объяснить как-то вразумительно. Больше учительница ни разу не вспомнила про тридцать третьего своего ученика.

Вадим нетерпеливо встал, прошёлся по комнате — так делал какой-то разведчик из телеспектакля... Надо Таньке позво... Потом внутри у него вспыхнуло и погасло. Что такое? Вадим увидел себя в своей комнате. Он всё отлично помнил, он никогда не чувствовал себя так хорошо. Пеструха глядела на него с дивана, ожидая, что, может быть, он предложит ей прогуляться...

«Вроде бы я кому-то собирался звонить?.. Сова — вот в чём дело, сова! Двое суток осталось! В конце концов можно просто пойти в зоопарк: они же покупают животных...» Но не хотелось, чтобы сову

из одной клетки пересадили в другую. И он стал думать-думать про сову. «Стой! Ведь я что-то забыл!» Но и эта мысль сразу забылась...

Гришка отчётливо видел девочку, летящую к окну шестого этажа. Только зачем она летит, Гришка вспомнить не мог... «А, ну это же мне снилось, — он подумал, — это же сон». И тогда ему явился ещё один — про ту же девочку: как она едет среди торосов на огромнейшем медведе. Сперва подумала, это диван, а потом видит — нет, медведь! И сказал себе: «Я найду её!.. Ты рехнулся, да? Найдешь? Это же был сон. Не важно! Всё равно я стану полярным лётчиком. Буду там летать и найду». Но никому, конечно, ничего он сказать не мог о своём решении. «Тебя ведь сразу за шизика сочтут, скажут: «Нанюхался клопомора — так и говори...»

Бабушка вдруг заметила, что по глупой задумчивости своей она уехала бог знает куда — на другой конец Москвы. Двери вагона с шипением раздвинулись, бабушка вышла на станции «Измайловский парк».

У московского метро много красивых станций, а такая всё же единственная. У неё платформа на улице, и с одной стороны ничего особенного — просто улица, довольно обычная, какие часто бывают на окраине. Зато с другой — чистейший и белый берёзовый лес!

Бабушка здесь давно не бывала — лет пять или больше. Теперь она с какой-то непонятной грустью и тревогой глядела на эту простую красоту... «Ну понятно: мне же надо Танечке позвонить. Умчалась неизвестно зачем, а девочка там одна...»

Бабушка подошла к автомату, и вдруг он зазвонил. Невольно бабушка сняла трубку и невольно произнесла своё обычное:

— Слушаю.

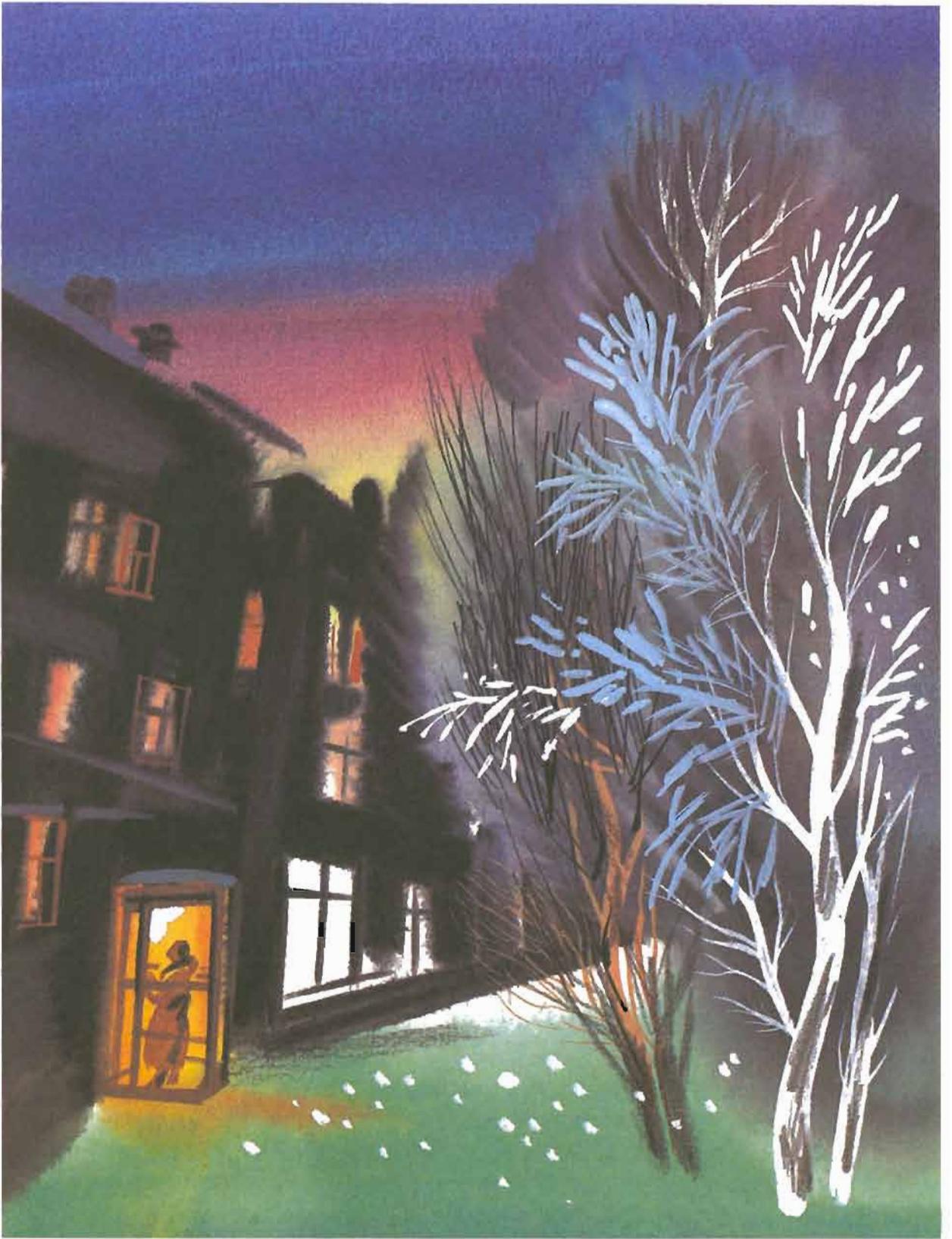
Трубка сказала:

— Это говорит её дед!

Есть такое выражение: потемнело в глазах. Бабушка, по правде говоря, не верила в него. Но сейчас она увидела серый снег и почти чёрные берёзы — будто смотрела через закопчённое стекло.

Когда бабушка была маленькая, она через такое стекло однажды смотрела на солнечное затмение... Это ей всё вспомнилось так быстро, как, поскользнувшись, люди падают навзничь...

Она поняла всё... И не надо было ей задавать этого вопроса! Но не смогла себя удержать:

— Я больше её не увижу? (Да и к чему ей теперь было удерживаться? К чему ей теперь нужна была эта гордость!) Я не увижу её?

Он не ответил... Но ведь он зачем-то позвонил?

«А! Чтобы я не бегала по милициям. Но ведь мог... чтобы просто я всё забыла!»

Ей стало страшно.

— А вы, извините... вы колдун?

— В каком-то смысле, — ответил он. (И, показалось бабушке, растерянно.)

— Тогда, прошу вас, оставьте мне память!

— Оставлено, — ответил он, помолчав, словно думал, признаваться ему в чём-то или не признаваться. — Вам оставлено...

И бабушка догадалась, кто это сделал. И заплакала.

— Вы знаете, кто у вас жил? — спросил дед бывшей Тани. — У вас жила Снегурочка.

Бабушка кивнула, не в силах ответить и вытирая рукой слёзы. «Вот, значит, как её звали, Танечку мою...»

— Вы заслуживаете награды!

Опять она не могла ответить, лишь покачала головой. И наверное, Дед Мороз увидел это.

— Прошу вас: никогда, никому!

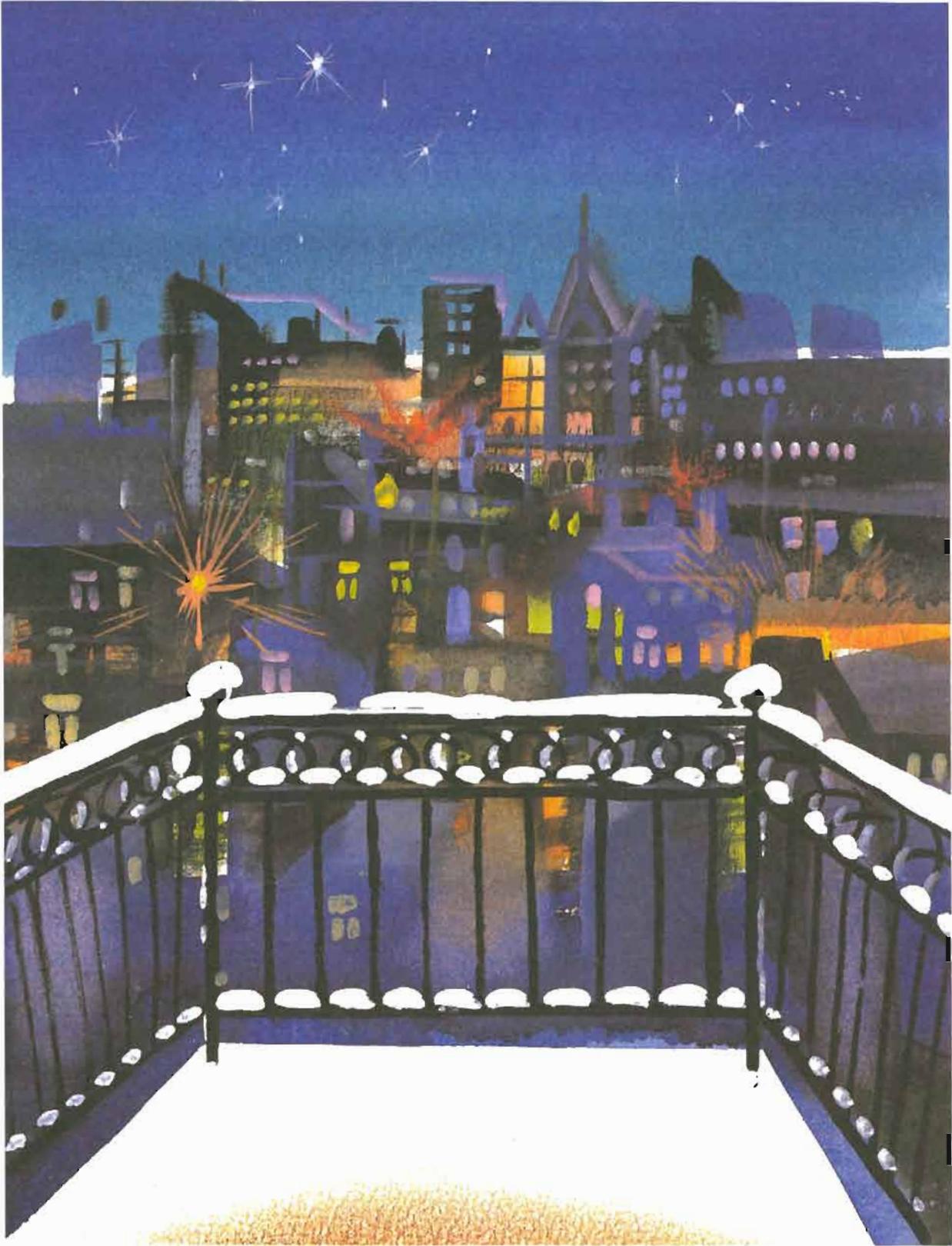
И бабушка ответила:

— До самой смерти!

ЭПИЛОГ

На том обрывается история про бывшую Таню. Больше мне ничего не известно... Впрочем, одно: маленькая повелительница праздничного холода так никогда и не узнает, удалось спасти ту полярную сову или нет. Ни разу не смогла она заглянуть в окно человека по фамилии Прибылов. А полярные совы — единственные из всего, что есть на свете, — не понимают её слов. И может быть, поэтому — замечали, наверное? — новогодний праздник, такой весёлый как будто, всё-таки немного грустный... Мы говорим: торжественный. Но торжественность тут ни при чём!

Кто-то подумает: «Господи, да неужели из-за одной совы?..» Но кто действительно так подумал, тому не стоит читать мои книги!

А бабушка часто думала: «Как же я не догадалась, как же у меня ни одной её фотокарточки нет?» А потом: «Да разве я так её не помню!»

Ни разу не было ей ни письма, ни открытки, ни птичьего пёрышка. Лишь одно. Когда в середине ноября объявят в прогнозе погоды, что наконец нынче ночью в Москве вместо мороси местами выпадет снег, знает бабушка: её чисто выметенный балкон будет поутру белым, как зимняя лесная поляна.

— Спасибо тебе!

И если подует ветер, то можно услышать, будто бы кто-то ответит:

— Пожалуйста.

Один раз в году.

СОДЕРЖАНИЕ

СОСНЫ ЗАДУМЧИВЫЕ. Рассказы

Сосны задумчивые	9
Джулькино детство	14
Изгиб лесной тропы	43
До завтра, пчёлы!	44
Вороны и трактора	51
Охота на зайца	54
Как зажигаются звёзды	63
Неловленный ёж	65
Стучи-стучи, дятел!	80
Письмо	85
Яблоки и звёзды	88
На родине	91

ЗИМНЯЯ ДЕВОЧКА. Повесть

Неслышимый звон	95
Полжизни тому назад	97
Пеструха	101
Вадим	105
Гришка	108
На диване среди торосов	113
В тишине	117
Трудный вечер	119
На чтении	121
Коля Зайцев	124
«Уходи! Уходи!»	125
Будущий полярный лётчик	129
Убийца	133
Вадим и его дочь	135
История совы	137
Прощайте!	144
До самой смерти	152
Эпилог	156

Серия «ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ XXI ВЕКА»

Для дошкольного возраста

Иванов Сергей Анатольевич

ЗИМНЯЯ ДЕВОЧКА

Рассказы и повесть

Главный редактор изданий детской литературы
Георгий Садовников

Художественный редактор
Михаил Гуров

Корректор
Светлана Цыганова

ЛР № 100053 от 09.01.92. Сдано в набор 11.10.93.
Подписано в печать 09.02.94. Формат 84х108/16. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Тираж 75 000 экз. Заказ № 1606. С 01.

Издательский дом ПИК.
121019, Москва, Новый Арбат, 21.
Ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга» Мининформпечати РФ.
127018, Москва, Сушеvский вал, 49.

